Терновая обитель
Мэри Стюарт

Аннотация
Мэри Стюарт. Терновая обитель
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25

Аннотация

Роман Мэри Стюарт (1916—2014) **«Терновая обитель» («Thornyhold», 1988)**:

Изысканная романтическая история с незабываемой атмосферой. Таинственное наследство — зачарованный домик в лесной глуши — изменяет всю жизнь молодой героини. Против своей воли она убеждается в истинности местных легенд и суеверий…

МЭРИ СТЮАРТ — блистательная и величественная королева авантюрного романа.

Мировая критика, исследуя феномен сумасшедшего успеха Стюарт, сравнивала ее то с Агатой Кристи, то с Рут Рэнделл, то с Сидни Шелдоном. Но ее творчество поистине уникально. Никому, кроме нее, не удалось так органично соединить изысканный и зловещий детектив с пронзительно романтичной интонацией повествования. Именно удивительное сочетание интеллектуального мастерства и подлинной романтичности делает произведения Мэри Стюарт настоящей «высокой» литературой.

«Книга — словно луч солнца… Мэри Стюарт вернулась!»

«Таймс»

«Мало кто сравнится с Мэри Стюарт — от ее книг и в самом деле не оторваться».

«Дейли телеграф»

«В романах Мэри Стюарт сплетаются воедино романтика и детектив…

Замечательные книги, замечательная писательница».

«Обсервер»

Мэри Стюарт
Терновая обитель

Глава 1

Я думаю, моя мать вполне могла бы стать колдуньей, если бы захотела. Однако она встретила моего отца, почтенного священника, и их женитьба свела на нет реальную для нее возможность превратиться со временем во вторую фею Моргану. Вместо этого она стала женой английского викария и управляла приходом так, как было принято тогда — более полувека назад, — железной рукой, даже не прикрытой перчаткой. Она сохранила всю яркость своей натуры, являя во всем свое превосходство, сдобренное налетом жестокости, и не испытывая ни малейшего сочувствия к слабости и некомпетентности. Думаю, у меня было трудное детство. Наверное, и у нее было такое же. Я помню фотографию ее матери, своей бабушки, которую я так никогда и не видела и которой, однако, я боялась все детство: стянутые назад волосы, жесткий, испытующий взгляд и безгубый рот… Бабушка жила где-то в дебрях Новой Зеландии и обладала всеми необходимыми добродетелями первопроходцев и, кроме того, была известной целительницей и

сиделкой. В былые времена ее, наверное, считали бы знахаркой или колдуньей. Впрочем, именно так она и выглядела. Моя мать — улучшенная с точки зрения внешности копия бабушки — унаследовала от нее все эти качества. Безжалостная по отношению к здоровым, принципиально презирающая всех женщин, безразличная к детям и животным, она тем не менее была бесконечно внимательна и терпелива с новорожденными и прекрасно ухаживала за больными. Лет сто назад она бы кормила бедных и убогих бесплатным супом и желе, но эти времена прошли, и теперь вместо этого она председательствовала на деревенских собраниях и делала то же желе и джемы для продажи («Нам нужны деньги, а люди все равно не ценят то, что достается им бесплатно»); и когда же в шахте происходил несчастный случай, она всегда шла туда вместе со своим мужем и доктором и была нужна там не меньше, чем они.

Мы жили в холодном мрачном шахтерском поселке на севере Англии. Наш дом, неплохо построенный, был тем не менее ужасным: слишком большим и страшно холодным. Вода была очень жесткой от содержащегося в ней известняка и всегда ледяной. В юности моя мать не знала, что такое горячая ванна, поэтому не видела причин

тратить деньги на нагреватель для воды. Если нам нужна была вода для мытья, мы кипятили ее в кастрюлях на плите. Ванну дозволялось принимать только раз в неделю: два дюйма жесткой тепловатой воды. Уголь обходился нам дорого — по фунту за тонну, а электричество для церкви и дома священника подавалось бесплатно, поэтому иногда мне разрешали включать в своей крошечной холодной комнате слабый электрический обогреватель, и это не давало мне окончательно замерзнуть. Руки и ноги у меня всегда были обморожены, но жаловаться на это считалось недостойной слабостью, поэтому на это никогда не обращали внимания.

Дом священника стоял на краю деревни, отделенный от церкви большим садом, где мой отец, которому помогал старый могильщик («Я хорошо копаю, я это здорово умею»), проводил все свободное от пастырских обязанностей время. С одной стороны сада шла дорога, с трех других его окружало кладбище. «Тихие соседи», — говорили мы, и это была чистая правда. Я не помню, чтобы меня беспокоила мысль о покойниках, лежащих в земле так близко от дома. Более того, наш обычный короткий путь в деревню лежал через самую старую часть кладбища. Для предоставленного

самому себе ребенка такое место было довольно мрачным, и, наверное, мое детство было даже более одиноким и грустным, чем у Шарлотты Бронте в Хейворте. Впрочем, так было не всегда, и воспоминания о собственном Золотом Веке помогали мне переносить тяготы теперешней моей жизни.

До того как мне исполнилось семь лет, мы жили в маленькой деревушке душ в двести или около того. Приход наш был небольшим, мы сами — очень бедными, но само местечко было чудесным, работа моего отца — легкой, а наш дом — небольшим и удобным: старинный невысокий белый особнячок, стены увиты плющом, под стенами разбиты клумбы пахучих фиалок, белые розы заглядывают через портик. Среди сирени стояла беседка, а позади — теннисный корт, за которым тщательно ухаживал мой отец и куда иногда захаживали поиграть наши соседи. Приход состоял в основном из фермеров. Их владения были разбросаны на пространстве в несколько квадратных миль, по которому шла только одна «главная» дорога. Машинами почти никто не пользовался — ходили пешком или ездили на двуколке. Автобусов не было вовсе, а железнодорожная станция находилась в двух

милях от деревни.

Всего семь лет. Но даже сейчас, когда с тех пор прошло почти в десять раз больше времени, воспоминания о той поре нисколько не потускнели и не стерлись в памяти, и груз прожитых лет никак не отразился на них.

Зеленая деревушка, в центре — старинная серая церковь, пасущиеся ослики и козы. Везде огромные деревья — на лужайках, в садах, вдоль дороги. Сама дорога — с тремя глубокими колеями от колес и копыт, вьющаяся между живыми изгородями из диких цветов. Нагретые солнцем камни, которыми вымощен наш двор, где гуляют куры и дремлет кот. Звон из соседней кузницы и резкий запах паленых копыт, когда кузнец подковывает чью-то лошадь. Сад, в котором растут пионы, фиалки и цветы водосбора, похожие на восседающих в гнезде голубей. Целые облака сирени, свешивающиеся над дверью школы, что в самом конце сада, и огромные желтые розы у ступенек, ведущих на теннисный корт.

И ни единого человека. В этих дорогих моему сердцу воспоминаниях нет места людям. Впрочем, за одним исключением. Я прекрасно помню день, когда я впервые повстречала двоюродную сестру своей матери — Джэйлис.

Она была моей крестной, поэтому на самом деле я должна была, конечно, видеть ее и раньше, но в памяти отпечаталась именно та встреча тихим летним днем, когда мне было шесть лет.

Тот день не был днем моего рождения, потому что родилась я в сентябре, но все же он был каким-то необычным, выпадающим из череды других дней, особенным, и я ждала его со всем нетерпением лишенного какого-либо общения ребенка. Поначалу он сулил стать таким же, как и все прочие дни, то есть мне предстояло провести его в одиночестве, потому что мой отец ушел навещать прихожан, мать была слишком занята, чтобы возиться со мной, а играть с деревенскими детьми мне, конечно же, запрещали.

Не думаю, что мне разрешили уходить со двора, но тем не менее я это сделала. В самом конце сада, за школой, у меня был собственный лаз в заборе. За ним тянулся пологий склон, похожий на парк из-за огромных деревьев, растущих на нем небольшими островками, а в самом низу, окруженный с трех сторон рощицей, находился пруд. Совершенно бесцельно (если не считать целью приблизиться к сверкающей поверхности пруда) я пошла туда и уселась на траву.

Мне кажется, что я помню каждое мгновение

той прогулки, хотя поначалу я видела только мешанину ярких сочных красок, совсем как на полотнах импрессионистов. Звуки тоже смешивались — пение птиц в роще и стрекотание кузнечиков в высокой траве, где я сидела. Было жарко, и запахи земли, травы и стоялой воды в пруду навевали дрему. Я сидела в каком-то оцепенении, уставившись широко открытыми глазами на ленивый ручеек, впадающий в пруд неподалеку.

И вдруг что-то произошло. Может, сместилось солнце? Мне кажется, я помню внезапную вспышку, словно рыба выпрыгнула из воды, блеснув чешуей на солнце.

В сонном мареве красок вдруг отчетливо проступили очертания отдельных цветовых пятен. Неожиданно все оказалось залитым ярким светом. Золотые и белые венчики гигантских маргариток, возвышавшиеся над моей головой, качнулись, словно под порывом сильного ветра. Потом воздух, наполненный всевозможными запахами, снова застыл. Птицы перестали петь, замолчали кузнечики. Я сидела тихо, словно червячок на стебле, в самом центре этого полного жизни мира и впервые почувствовала, что я его часть.

Я подняла голову. Передо мной стояла тетя Джэйлис.

Едва ли в ту пору ей было больше сорока, но мне она показалась старой, как казались старыми мои родители, которым было за тридцать. Она чем-то напоминала мою мать — выразительной линией рта и носа, пронзительными серо-зелеными глазами и горделивой осанкой. Но моя мать была рыжеволосой, а волосы тети Джэйлис ниспадали темными волнами и были перехвачены черепаховыми гребнями. Не помню точно, что на ней было надето, кажется, что-то темное и просторное.

Она опустилась на траву возле меня, даже не задев при этом цветов. Потом провела пальцем по одному из стеблей. На палец вскарабкалась божья коровка и поползла вверх.

— Ну-ка, — сказала тетя Джэйлис, — сосчитай на ней пятнышки.

Маленьким детям даже самые необыкновенные происшествия иногда кажутся само собой разумеющимися — простодушие, к которому взрослые подходят со своими взрослыми мерками и, как правило, абсолютно не понимают. Я не видела ничего странного во внезапном появлении тети Джэйлис или в ее приветствии.

Все эти волшебные появления и исчезновения — всего лишь часть детского мира, в котором они случаются по его желанию несметное число раз.

— Семь, — сказала я.

— Семиточечная Coccinella[1], — согласилась тетя. — Ну а теперь нужно попросить ее лететь домой.

Мне тоже так казалось, и я начала: «Божья коровка, улети на небо. Там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе — ни одной».

Божья коровка улетела, и я посмотрела на тетю:

— Это ведь просто песенка, да?

— Конечно. Божьи коровки — умные жучки, они живут в траве и конфет не едят. Ты знаешь кто я, Джили?

— Вы — мамина сестра, тетя Джил. У мамы есть ваша фотография.

— Да, есть. А что ты здесь делаешь?

Должно быть, вид у меня был испуганный. Кроме того, что я нарушила запрет и ушла со двора, я еще задремала в траве! Но под испытующим

---

[1] Примечания: 1

Coccinella septempunctata — семиточечная коровка *(лат.)* — наиболее многочисленный вид божьих коровок. Взрослый жук характеризуется цветом надкрылий (красных и оранжевых тонов) и семью чёрными точками на них.

взглядом тети Джэйлис я сказала правду:

— Просто сижу и думаю.

— Да? А о чем? — Удивительно, но ее голос звучал не только ласково, но и заинтересованно.

Я оглянулась. Ожившие было цветы и трава снова превратились в яркие бесформенные пятна.

— Да так. Обо всем.

За такие ответы я всегда получала резкий выговор от взрослых, однако тетя кивнула, словно выслушала подробное объяснение.

— Например, живут ли в нашем пруду головастики, а?

— Да! А есть?

— Наверное. Посмотрим?

Мы посмотрели, и они там были. Еще мы увидели пескарей и колюшек, а потом тетя Джэйлис указала мне на высокий стебель камыша, растущий прямо из воды. Неожиданно вода около него вспучилась, потом образовавшийся пузырек лопнул, и наружу выползло какое-то существо, похожее на личинку. Медленно, тщательно ощупывая стебель камыша лапками, существо поползло вверх, постепенно оставляя позади свое отражение в воде. Наконец оно выползло совсем и стало обсыхать на солнце.

— Что это?!

— Личинка. Смотри, Джили. Просто смотри.

Существо зашевелилось. Уродливая голова запрокинулась, словно от боли. Не успела я понять, что происходит, как вдруг на стебле оказалось уже два тельца — лопнувшая пополам оболочка и выбирающееся из нее другое существо, только что родившееся, гибкое и живое, более тонкое и длинное, чем прежнее. Оно поползло вверх, прочь из сморщенных обрывков своей грязной шкурки, а солнечный свет ласкал его, гладил, расправлял прозрачный шелк крыльев, пронизанный паутинками тонких, как волоски, прожилок, и откуда-то, словно из воздуха, тельце существа стало впитывать цвет, пока не стало таким же лазурным, как небо над головой. Крылья распрямились, существо вытянулось, приподнялось — и через секунду, само похожее на солнечный лучик, взмыло ввысь, к солнцу.

— Это была стрекоза, да? — услышала я свой шепот.

— Да. Ее называют Aeshna Caerulea. Можешь повторить?

— Aeshna Caerulea. Но как это? Вы сказали — это лучинка, а там, внутри, значит, была стрекоза?

— Да. Только не лучинка, а личинка. Она живет

на дне пруда, в темноте, и питается чем попало, пока в один прекрасный день не обнаружит, что может выползти на свет, расправить крылья и полететь. А то, что ты здесь видела, — весело закончила тетя, — самое обыкновенное чудо.

— Волшебство? Это вы сделали?

— Ну, нет. Кое-что я, конечно, могу сделать, но не это. Когда-нибудь, если я не ошибаюсь, понадобится чудо, очень похожее на это. Другой личинке, в другое время и в другом месте. — Быстрый ясный взгляд. — Ты меня понимаешь?

— Нет. Но вы все-таки умеете делать какое-то волшебство, значит, вы волшебница, да, тетя Джэйлис?

— Почему ты об этом спросила? Они об этом говорили дома?

— Нет, мама только сказала, что вы приедете погостить, а папа сказал, что вас не очень-то звали.

Она засмеялась, встала и потянула меня за собой.

— Надеюсь, это в большей степени в переносном смысле. Не обращай внимания, детка, и пойдем-ка домой, ладно?

Но на этом чудесный день не закончился. Мы медленно шли назад через лужайку, и казалось,

так естественно было встретить там ежиху с четырьмя ежатами, спешащих куда-то в высокой траве, «Миссис Тиггивинкл», — выдохнула я, а тетя Джэйлис засмеялась, но не поправила меня. Один из ежат нашел червяка и с аппетитом его схрумкал. Они прошли совсем близко, ничуть не испугавшись нас. Потом тетя стала показывать мне разные цветы и рассказывать о каждом из них, так что к концу прогулки я уже знала названия и особенности около двадцати растений. И даже моя мать не сказала ничего по поводу моего исчезновения из сада, и все кончилось хорошо.

Тетя Джэйлис гостила у нас еще несколько дней и большую часть времени проводила со мной. Погода стояла тихая и ясная, как было всегда в те далекие времена, поэтому все дни мы проводили на улице, и эти ежедневные прогулки, как я сейчас понимаю, определили всю мою дальнейшую жизнь. Когда тетя уехала, таинственный свет, который излучали в ее присутствии леса и поля, исчез, но тот огонек, который она во мне зажгла, остался.

Это был последний счастливый эпизод из моих семи незабываемых детских лет. Следующей весной мой отец получил новое назначение в другое епископство — огромный приход в уродливом

шахтерском поселке, где везде высились кучи отработанной породы, а дым и пламя доменных печей, шум работающих двигателей отравляли нашу жизнь и днем и ночью. И жить мы стали в холодном и неудобном доме у кладбища.

Там не было ни стрекоз, ни цветущих лугов, ни ежей с ежатами. Я упрашивала родителей позволить мне завести какую-нибудь зверюшку, хотя бы белую мышь, но мне не разрешали. А между тем дом священника, как и большинство домов того времени, дополняли прекрасные конюшни со множеством дворовых построек и стойлами для лошадей. (Мне, как я уже сказала, не разрешали держать никаких домашних животных.) Иногда, правда, я пыталась выходить птичку или мышь, которых частенько притаскивала наша кошка, но безуспешно. Сама кошка резко отвергала всякую заботу о себе, предпочитая полудикую жизнь в сарае.

Однажды кюре подарил мне крольчонка. Довольно неотзывчивое животное, но тем не менее я его обожала, холила и лелеяла, пока однажды мать не велела вернуть кролика хозяину. На следующее утро кюре пришел, как обычно, поговорить с моим отцом и принес моего кролика — освежеванного и выпотрошенного. Я убежала

наверх, в свою комнату, где меня вырвало. Папа пытался объяснить все удивленному и обиженному кюре, а мама, может быть впервые, поднялась ко мне и стала нежно и ласково утешать меня. Шло время. Горе и обида постепенно стерлись из моей памяти. Случай с кроликом в нашей семье никто больше не вспоминал.

Говорят, мозг сам защищает себя от потрясений. Я возвращаюсь к тем далеким годам моего детства и с удивлением обнаруживаю, что помню очень мало. Редкие развлечения — экскурсии на автобусе с отцом, прогулки с ним по деревне, добрые шахтерские жены, которые называли меня Джили и относились ко мне с такой же любовью и уважением, как и к отцу. Если же разговор заходил о моей матери, в их голосах звучала почтительность совсем иного рода.

Помню долгие часы в своей холодной комнате, где я рисовала карандашами и красками, причем всегда только цветы и животных; помню, как стояла подолгу возле окна, глядя на кладбище, платаны и красный закат над угольными шахтами, и мечтала, мечтала… О чем? Сама не знаю.

И наконец в один прекрасный день снова появилась она. Тетя Джэйлис решила нанести нам «прощальный», как она выразилась, визит, перед

тем как отправиться навестить свою мать (мою бабушку) в Новой Зеландии. В то время люди еще не путешествовали на самолетах, поэтому подобное путешествие могло занять год, а то и больше. Кроме того, по пути в Новую Зеландию тетя хотела увидеть новые города и страны. Я вслушивалась в незнакомые названия: Каир, Дели, Филиппины, Перу… Она вернется, когда побывает во всех этих местах, а пока… пока она просит меня присмотреть за ее собакой. Собака оказалась черно-белым колли, худым, веселым и добродушным. Он, очевидно, потерял хозяев, а тетя нашла его и взяла себе, потому что никогда бы не бросила бедное животное, ввергнув его судьбу злому случаю или человеческой жестокости.

— Вот его документы. Эта собака будет принадлежать Джили. Ей нужен кто-то… — Я похолодела. Сейчас она скажет: «Кого она сможет полюбить», но тетя закончила просто: — С кем она могла бы играть.

— А как его зовут? — Я опустилась на холодные плиты пола рядом с собакой и не могла даже поверить своему счастью. Моя мать не проронила ни слова.

— Назови его сама, он твой.

— Тогда я назову его Ровер, — сказала я, обни-

мая пса за пушистую шею. Он преданно лизнул меня в щеку.

— Un peu banal[2], — улыбнулась тетя. — Ну, ничего. Он не гордый. До свидания.

Она не поцеловала меня на прощанье. Я вообще никогда не видела, чтобы она кого-нибудь целовала. Тетя вышла из дома, села в подошедший тут же автобус и уехала.

— Странно, — сказал отец. — Это, наверное, дополнительный рейс. По расписанию автобус уехал десять минут назад, я сам его видел!

Мать улыбнулась. Затем ее взгляд упал на собаку, и улыбка исчезла.

— Встань сейчас же с пола, Джил. Если ты хочешь, чтобы собака осталась у нас, нужно привязать ее во дворе. Не понимаю, зачем Джэйлис оставила нам эту собаку, ведь здесь ее некому будет выгуливать.

— Я буду его выгуливать! Я…

— Тебя здесь не будет.

Я остолбенела. Расспрашивать мою мать было бесполезно. Она говорила только то, что считала нужным.

Сейчас она так крепко сжала губы, что они

---

[2] Примечания: 2
Необычный *(франц.)*.

превратились в узенькую полоску, совсем как у бабушки на портрете.

— Ты должна учиться. Тетя Джэйлис права, тебе нужна компания. По крайней мере, ты не будешь мечтать у окна целыми днями.

— Не пугайся, малышка, — ласково сказал отец. — Тебе ведь действительно нужны друзья. Это наш единственный шанс дать тебе образование — тетя Джэйлис взяла на себя большую часть расходов по обучению. Ведь мы сами не смогли бы заплатить такую сумму. Твоя крестная очень добра к нам.

— Она предпочитает, чтобы ее называли спонсором, — резко вставила моя мать.

— Да, я знаю. Бедная Джэйлис, — грустно ответил отец. — Но тем не менее этот шанс упускать нельзя. Понимаешь, Джили?

Колли стоял около меня, и моя рука непроизвольно поглаживала густую длинную шерсть. Вдруг и этот холодный мрачный дом, и серые унылые поля вокруг — все это показалось мне близким и желанным. Я посмотрела на мать.

— Мамочка, неужели мне действительно нужно ехать учиться?

Не отвечая, она повернулась и вышла из кухни, наверняка уже думая о школьных принадлежно-

стях и дорожных сборах. А кроме этого, я уверена, о том, что теперь восемь месяцев в году она будет свободна от дочери.

— Папа, мне действительно нужно ехать?

— Твоя мама думает, что так будет лучше, — не сразу ответил отец. Потом опустил руку в карман, достал монету в полкроны и дал ее мне. — Джили, сходи-ка в магазин Вудса и купи Роверу миску для еды. Я вчера проходил мимо и видел их на витрине. Знаешь, такие, с надписью «ПЕС». И оставь себе сдачу.

Колли лизнул меня в щеку. Наверное, ему понравился вкус слез, потому что он лизнул меня еще и еще.

Глава 2

В итоге меня решили послать учиться в англиканский монастырь. Тетя Джэйлис, пересекавшая в это время Атлантику, наверняка горячо воспротивилась бы такому выбору. Моя мать тоже была недовольна. Однажды вечером, стоя у открытого окна своей спальни, я невольно подслушала разговор родителей, происходивший в кабинете отца, этажом ниже.

— Поручить воспитание моей дочери монахиням? Какая нелепость! — говорила моя мать.

— Она и моя дочь тоже.

— Это ты так думаешь! — возразила моя мать так тихо, что я едва уловила ее слова, и тут же услышала, что отец смеется.

Я уже говорила, что это был просто святой человек, ему никогда не пришло бы в голову истолковать слова моей матери буквально. Кроме того, он действительно обожал ее. «Конечно, дорогая. Джили вся в тебя — смышленая и, может быть, даже станет в один прекрасный день такой же красивой, как ее мать, но ведь я тоже имею на нее какие-то права, не так ли? Помнишь, что

любит повторять наш старый пономарь?»

Мать понимала, что зашла слишком далеко, и не стала продолжать спор. Голос ее потеплел: «Ты не сможешь отвернуться от чада твоего, отче…»

— И это действительно так, Гарри. Я так рада, что у малышки твои чудные темные волосы и твои серые глаза. Я всегда говорила, что природа совершенно напрасно израсходовала столько красоты на мужчину. Ладно… В общем, монастырь не так уж плох. Но ведь у нас где-то был еще проспект другой школы, где же он?.. Школа, по-моему, получше монастыря и не намного дороже.

— Но гораздо дальше. Девоншир! Подумай только о железнодорожных билетах. Не беспокойся, дорогая. Я знаю, в школах при монастырях не бывает стипендий, но…

— Пойми, я боюсь, что они воспитают ее в религиозном духе.

Голос моего отца зазвучал удивленно:

— Но, дорогая, здесь я едва ли буду возражать.

Мать рассмеялась:

— Извини, я не так выразилась. Я имею в виду, что религиозным воспитанием там занимаются в ущерб остальным наукам, особенно естественным. А Джили нужно заниматься именно наукой,

как мне кажется. Она хорошо соображает, и у нее отличная память, это у нее от меня…

Голоса стали тише, — наверное, родители отошли от окна в глубь комнаты. Я высунулась как можно дальше и услышала обрывки фраз отца, что-то о «местной школе всего в двух остановках». В ответ на это прозвучала патетическая отповедь матери, и хотя я не могла разобрать всего, что она говорила, воображение легко восполнило пробелы: ее дочь — и в местную школу?! Плохо уже то, что ей пришлось ходить туда в начальную школу, но чтобы еще и в среднюю? Оставаться там до семнадцати-восемнадцати лет и выйти оттуда, обзаведясь дурными знакомствами и акцентом, как у шахтерских детей?! Ни-ког-да.

Все сказанное матерью было протестом женщины, в одиночку справлявшейся с жизненными трудностями, замкнутой в узком социальном кругу, и не казалось в ту пору чем-то необычным или не соответствующим приличиям. Не стоит забывать, что мать получила колониальное воспитание, и представление о доме навсегда осталось у нее викторианским.

Кроме того, мне кажется, в ней говорила обида из-за нереализовавшихся возможностей, обманутых надежд и амбиций. Дочь моей матери (не

отца, а именно матери) должна была достичь всего того, чего не удалось добиться ей самой, — если образование, то самое лучшее, университет, наука — почему бы и нет? У ее дочери должно быть то, в чем было отказано женщинам ее поколения, — свобода, возможность выбирать свой путь в жизни. Да, ее дочь должна получить все это и еще многое другое — то, на что она окажется способна.

И так далее. Я прекрасно понимала свою мать, как, впрочем, понимала я и постоянные возражения отца, который в душе был не меньшим викторианцем, чем мать. Если бы речь шла о сыне, тогда да: хорошая школа, университет, наука… Но зачем это дочери? Дочь выйдет замуж и обретет высшее счастье, выполнит единственное предназначение любой женщины — станет женой и матерью, хранительницей семейного очага. Зачем ей все это образование?

Мать снова подошла к окну. Голос ее был чистым и резким. Теоретические дебаты кончились. Она должна была воплотить свою мечту в жизнь, а в пылу споров понятия такта для нее не существовало.

— Если она не сможет сама зарабатывать себе на жизнь и не выберется отсюда, то где, Боже мой,

она сумеет найти достойную пару? Ты действительно хочешь, чтобы она жила дома и в конце концов сделалась просто «дочерью священника», рабочей лошадкой для всего прихода?

— Как жена священника? — грустно спросил отец.

Теперь, пройдя свой жизненный путь, полный несчастий и разочарований, я понимаю, что пережила моя мать. Талантливая, умная, красивая женщина, наделенная какой-то колдовской силой, которую в ней чувствовали все, она постепенно согнулась под тяжестью постоянной бедности, каждодневной изнурительной работы и одиночества, поскольку мой отец был слишком погружен в дела своего прихода, а все родственники матери жили в Новой Зеландии. К этому со временем добавилось и разочарование. Отец был вполне доволен своей работой и никогда бы не стал прокладывать себе дорогу в высшие церковные сферы, о чем, я думаю, мечтала моя мать. Тогда я не размышляла об этом. Просто я часто замечала, что между родителями, несмотря на глубокую и искреннюю любовь друг к другу, время от времени пробегает какая-то тень, о которой не принято говорить.

Наступила пауза. Наконец я услышала изме-

нившийся голос матери:

— У меня есть все, Гарри. Все, о чем я могу только мечтать. И ты это знаешь.

Короткая пауза — и дальше, но уже намного мягче:

— Я очень надеюсь, что Джэйлис тоже обретет свое счастье, как мы с тобой. Но ведь может так случиться, что она никогда не выйдет замуж, а мы ничего не сможем ей оставить.

— Даже дом. Я знаю. Ты, как всегда, права. Предложение твоей сестры — просто рука Провидения, как бы она сама это ни называла. Ну, так что же мы решим? Ты можешь заставить себя согласиться на монастырскую школу? Твои страхи насчет уровня образования, я думаю, необоснованны. Я просмотрел задания к вступительным экзаменам. Мне они показались довольно сложными.

— Еще бы! Хорошо, пусть будет по-твоему. Но, Боже мой, монастырь!

— Это дешевле всего, — закончил мой отец просто.

По всей видимости, на этом разговор и закончился, так как вскоре меня послали в монастырскую школу.

Это было мрачное место среди скал на восточном побережье. Страхи моей матери о чрезмер-

ном влиянии монахинь действительно оказались необоснованными. Сестры верили в систему, которую они называли «школьным самоуправлением» и которая заключалась в следующем: в классе выбирали так называемого «лидера», обычно самую сильную и популярную девочку. В ее обязанности и в обязанности ее «заместительницы» — ближайшей подруги и наперсницы — входило наблюдение за порядком, в том числе и наказание провинившихся. Может быть, эта система и казалась монахиням хорошей, ведь она позволяла им экономить массу времени и усилий, но для застенчивой нелюдимой девочки, которой я была в то время, она оборачивалась кошмаром, долгие годы спустя возвращавшимся ко мне в снах.

Я появилась в школе уже с репутацией «умной девочки», которую я заслужила, с блеском пройдя «трудные» вступительные экзамены. После этого меня определили в класс, где ученицы были на два года старше меня. Стипендий в монастырской школе не платили, поэтому я была, пожалуй, единственной, кто с головой погрузился в учебу. Скоро я стала первой ученицей в классе, но вместо одобрения и признания, которых я так жаждала, я заслужила репута-

цию «зубрилы» и стала предметом постоянных насмешек и оскорблений. Мне только-только исполнилось восемь лет. Защитить меня было некому, и школа превратилась в бесконечную пытку. Днем было тяжело, но это было ничто по сравнению с тем, что творилось ночью: общие спальни становились местом самых изощренных издевательств. А мы, запуганные малыши, даже не думали жаловаться монахиням. Наказание за такое «преступление» нельзя было себе вообразить. Каждый вечер после службы монахини, едва слышно ступая, проходили по спальням — головы опущены, лица скрыты клобуками, руки в широких рукавах ряс, — и все мы, и мучители, и жертвы, делали вид, что крепко спим. Когда дверь за монахинями закрывалась, ночной кошмар возобновлялся.

Даже дома я никому не рассказывала об этом. Дома — в самую последнюю очередь. В детстве я привыкла к одиночеству, к мысли, что меня не любят, что я — нежеланный ребенок, к постоянному страху. Так я жила и в школе, семестр за семестром, и единственным моим убежищем была библиотека, где я читала книгу за книгой, давно оставив позади всех старших девочек нашего класса, которые дразнили и обижали меня.

Лучом света в этой мрачной школе была мысль о каникулах. Не о беспросветной скуке шахтерского поселка, и даже не о прогулках с отцом, а исключительно о встречах с моим преданным другом Ровером.

Даже слишком преданным. Ровер слушался и любил только меня. Мать терпела его около года. Когда я была в школе, его сажали на цепь, так как некому было его выгуливать. А когда его изредка отпускали, он тут же убегал далеко в поля, надеясь, что найдет там меня. Мать, как она это объяснила, боялась, что он станет пугать овец, поэтому, когда я в очередной раз приехала на каникулы, мне сказали, что Ровер «пропал».

Конец всему. Современным детям, наверное, будет трудно понять меня, но я не решилась спросить, когда и как это случилось. Я не проронила ни слова и не позволила себе заплакать. Она не увидит моих слез.

Птицы и мыши, кролик, теперь — любимая собака. Больше я не пыталась заводить себе друзей. Я замкнулась в себе и терпела, пока в один прекрасный день не наступило освобождение. Помощь пришла неожиданно. В школе стало известно, что я верю в волшебство. Доверчивая девочка, слишком юная и неопытная даже для

своих лет (мне тогда исполнилось десять), я рассказала об этом своей однокласснице, которая разболтала остальным. Мифы и легенды кельтов, полные магического очарования сказки Эндрю Ланга, Ганса Христиана Андерсена и братьев Гримм будоражили мое воображение. А наша уединенная монастырская жизнь, церковные легенды о святых и чудесах, живые изображения ангелов и праведников очень хорошо сочетались с моей наивной верой в фей и волшебников и делали сказочный мир не менее реальным, чем настоящий.

Итак, по школе прошел слух, что маленькая Джили Рэмси верит в волшебство. Первыми отреагировали девочки из старших классов. Они относились ко мне лучше, чем одноклассницы, поэтому просто придумали следующую шутку: каждый день они писали мне записку от Королевы Фей и прятали ее в солнечных часах в самом дальнем углу школьного парка, прятались в кустах и наблюдали, как я беру эту записку и кладу на ее место свою. Я уже не помню ни как это началось, ни что было в записках, помню только, что для меня это было собственным, самым дорогим секретом. Находя новую записку, я очень радовалась, убегала в лес, где спокойно читала ее

и писала ответ. Последний раз это произошло в июне, в середине второго семестра. Коротенькая записка, спрятанная под огромным мшистым камнем, гласила:

> «Дорогая Джили, в последнем письме ты написала мне, что хочешь иметь фею-крестную. Я согласна. Скоро ты получишь от нее письмо.
>
> ***Королева Фей Титаник».***

До сих пор не знаю, что они замышляли, какую шутку собирались сыграть со мной после этого письма. Вдруг какой-то шелест, какое-то неясное движение в кустах привлекли мое внимание. Я подняла голову и увидела девочек, наблюдающих за этой комедией.

Я вскочила на ноги. Не знаю, что бы я сделала, как бы отреагировала на очередную насмешку, но тут в противоположном конце парка кто-то закричал:

— Джили! Джили Рэмси!

— Я здесь.

— Тебе письмо!

Я увидела, как по дорожке ко мне бежит толстушка Элис Бэндл, такая же жертва насмешек в

нашем классе, как и я, а значит, почти подруга. В руке она держала письмо.

Даже не взглянув в сторону кустов, я взяла конверт и громко сказала, обращаясь к Элис:

— Спасибо, Эл. Да, я узнаю почерк. Это от моей крестной, она скоро заберет меня отсюда.

После этого я скомкала злополучную записку от «Королевы Фей», бросила ее на землю и побежала в школу. Старшеклассницы вышли из-за кустов, одна из них закричала мне что-то вслед, но я даже не обернулась. В первый раз я смогла защитить себя, дала им понять, что их мнение меня не интересует! Наверное, мои мучители поверили, что их выдуманная история вдруг превратилась в настоящее волшебство.

Так оно и было. Письмо написала, как я и предполагала, моя мать. Она присылала их в один и тот же день каждую неделю. Начиналось оно всегда с самого ласкового прозвища, которое дала мне мать:

> «Милый Цветик!
>
> Тетя Джэйлис вернулась домой из Новой Зеландии и навестила нас в прошлую пятницу. Она была очень недовольна тем, что ты учишься в монастырской

школе, а поскольку она почти полностью оплачивает твое обучение, мы должны считаться с ее мнением. Ты перейдешь в другую школу. Там, правда, тебе опять придется сдавать вступительные экзамены, но мне кажется, что ты справишься. Новая школа имеет прекрасную репутацию, уровень преподавания там очень высокий, кроме того, лучшим ученикам платят стипендию, а ты должна помнить, что каждый пенни…»

Благослави тебя Бог, тетя Джэйлис! А если точнее выбирать слова, то спасибо тебе! Теперь я все начну сначала.

Глава 3

Жизнь в новой школе пошла как нельзя лучше. Моих знаний все еще хватало, чтобы учиться без труда, хотя все так же недоставало ума скрывать это. Впрочем, я поняла, что удобнее всего быть второй или третьей ученицей в классе. Я довольно хорошо играла в разные игры и неплохо рисовала, что очень нравилось моим одноклассницам. Не знаю, была ли я там счастлива, но годы учебы летели быстро.

Сама школа представляла собой прекрасное здание восемнадцатого века, окруженное парком и лесом, где нам разрешали гулять в свободное время. Наверное, только я одна пользовалась этим разрешением. В детстве я привыкла к одиночеству и теперь старалась как можно быстрее избавиться от общества своих одноклассниц и сбежать в лес, где стоял полуразрушенный летний домик, который я считала своим. В дождливые дни вода ручьями текла сквозь крышу, стены были ветхие и грязные, но зато рядом находилась пахнущая медом липовая аллея, а если долго сидеть в этом домике неподвижно, то в две-

ри начинали заглядывать рыжие белки, а птицы возвращались в свои гнезда под карнизом.

И вот это произошло еще раз — возвращение в счастливейший из дней моего раннего детства.

Была середина семестра, мне недавно исполнилось четырнадцать лет. Почти все ученицы ушли гулять с родителями, поэтому я была свободна. Мои родители никогда не навещали меня. Я сидела в своем летнем домике и рисовала. На колченогом столе передо мной стояли в вазе большие шаровидные цветы, которые я сорвала неподалеку.

Вдруг снаружи послышался приглушенный звук шагов на обросшей мхом тропинке, и голос тети Джэйлис радостно произнес:

— Я так и думала, что найду тебя здесь. Ты уже пила чай?

— Ой, тетя Джэйлис! Нет, не пила.

— Тогда пойдем к реке. Я захватила кое-что с собой. Устроим пикник, а цветы дорисуешь потом, когда вернемся.

Кажется, я даже не спрашивала ее, как она приехала и как ей удалось меня найти. Наверное, она все-таки казалась мне сказочной волшебницей. По-моему, она каким-то образом узнала, что нам не разрешалось ходить к реке, поэтому мы по-

шли в обход. Никто нас не видел. Мы пересекли площадку для крикета и пошли вдоль берега реки, под старыми дубами. За деревьями блестел на солнце изгиб реки, солнечные лучи играли в темно-зеленой листве. Чуть поодаль виднелась небольшая плотина, у нее мы и присели на траву. Тут же раздался плеск воды — прямо около нас с полузатопленной коряги сорвался зимородок, схватил зазевавшуюся рыбешку и исчез в своей норке.

— Помнишь личинку стрекозы, — спросила тетя Джэйлис, — и миссис Тиггивинкл?

— Coccinella, — серьезно сказала я, — и Erinaceus europaeus[3]? Конечно помню.

Она засмеялась:

— Бедняжка. У тебя всегда была хорошая память, ты, наверное, хорошо учишься? И рисунки, которые я видела, очень и очень ничего. Сколько тебе сейчас?

— Четырнадцать. В будущем году сдаю экзамены.

— Ну а потом? Ты уже решила, что собираешься делать дальше?

— В общем, нет. Мама говорит — в университет,

---

[3] Примечания: 3

Erinaceus europaeus - Обыкновенный ёж, или европейский ёж *(лат.).*

а потом преподавать, но…

— Но?

— Но мне хотелось бы рисовать…

Думаю, в то время для меня «рисовать», «стать художником» в первую очередь означало независимость, залитую светом мансарду, из окна которой открывается вид на Париж, наконец, покой в одиночестве, которого мне так часто не хватало. Я очень хотела учиться рисовать, но на это требовались большие средства. Тетя Джэйлис и так внесла почти всю плату за мое обучение в школе. Даже если бы она вдруг оплатила мне еще и художественную школу или если бы я смогла получить стипендию (мой учитель считал это вполне возможным), мать никогда не пустила бы меня. Она совершенно недвусмысленно дала мне это понять. Так что вариант у меня был один — плыть по течению, то есть получить стипендию в университете, потом преподавать, потом, если повезет, встретить кого-нибудь…

— Если ты действительно хочешь рисовать, что может тебя остановить? — весело спросила тетя Джэйлис. — Талант у тебя есть. И нечего скромничать.

— Да, но видите ли… — начала я и запнулась на полуслове.

Она, наверное, читала мои мысли.

— И не надо говорить всякую чепуху типа «нет шансов», «не повезло» и так далее. Единственный шанс и единственное везение, данные человеку, — это талант, с которым он родился на свет. Все остальное зависит от него самого.

— Да, тетя Джэйлис.

Она прищурилась.

— Ладно. Проповедь и допрос кончились. Теперь давай перекусим и поговорим о чем-нибудь другом.

— Давайте, — с облегчением сказала я.

И то, и другое предложение были как нельзя кстати. Для перекусывания предназначались, как выяснилось, сандвичи с жареным яйцом и кресс-салатом, которые после школьной пищи показались мне настоящим лакомством. Я откусила большой кусок.

— Тетя Джэйлис, вы действительно объехали вокруг света? Где вы побывали?

Пока мы сидели на берегу реки, она рассказывала мне о разных странах и городах так живо и ярко, что даже сейчас, вспоминая тот день, экзотические пейзажи далеких стран, где побывала тетя, возникают у меня перед глазами так же отчетливо, как и блестящие изгибы тихой ан-

глийской речки, и голубое оперение зимородка.

Церковные часы гулко пробили пять. Пора возвращаться в школу. Мы собрали остатки пикника и положили все в сумку тети Джэйлис. Праздник кончился. Надо спускаться с небес на землю.

— Немного похоже на тот раз, правда? — сказала я. — Вы появились из ниоткуда, как добрая фея, солнце светит, мы прекрасно проводим день вместе, а потом снова начинается обычная жизнь. Знаете, когда я училась в монастырской школе, я играла, будто вы — волшебница. Честно говоря, я и сейчас иногда так думаю. Это так здорово — иметь крестную мать — волшебницу! И еще, вы сказали в прошлый раз одну фразу, и я с тех пор об этом думаю. Помните, когда личинка стрекозы выбралась из пруда и улетела?

— Конечно помню. И что же?

— Я тогда спросила, умеете ли вы колдовать, и вы ответили, что умеете немного. Это правда? Что вы имели в виду?

Не отвечая, она вытащила из сумки предмет, больше всего похожий на теннисный мяч, завернутый в черный бархат. Положив его на ладонь, она откинула бархат, и я увидела перед собой искрящийся на солнце хрустальный шар. Маленький мир золотистых и сине-зеленых

сполохов, отражающий на своей поверхности каждое дуновение ветерка в темно-зеленой листве дубов.

— Не знаю, могу ли я действительно делать чудеса, — снова заговорила моя крестная, — но иногда я могу предсказывать будущее, далекое и близкое. Еще не волшебство, но уже кое-что, а?

Я не совсем поняла и продолжала возбужденно:

— Значит, вы видите будущее в хрустальном шаре, да?

— В общем, да.

— Так это действительно правда?

— Конечно правда.

Я, словно завороженная, уставилась на сверкающий шар.

— Тетя Джэйлис, пожалуйста, не могли бы вы заглянуть в него и узнать, что будет?

— С тобой, ты имеешь в виду? — Взгляд тети был одновременно и ласковым, и серьезным. — Все имеют в виду себя, когда спрашивают о будущем.

— Извините. Просто… вы спрашивали меня, что я собираюсь делать после школы… но если можно посмотреть… — Я окончательно смешалась и замолчала.

— Не извиняйся, — улыбнулась тетя. — Все мы одинаковы. Я сама сразу же заглянула в свое будущее.

— Правда? — Боюсь, в моем голосе слишком хорошо слышалось наивное удивление. В те годы мне казалось, что тете в ее возрасте уже незачем интересоваться будущим. Вся ее жизнь была, как я полагала, в прошлом.

Она ничуть не рассердилась.

— Ну а разве ты, — со смехом сказала тетя, — разве ты не хотела бы знать, когда же это все наконец для тебя закончится?

— Н-нет. Никогда!

— На самом деле, выбора нет, все известно заранее. Заглядывая в хрустальный шар, ты можешь увидеть то, что произойдет завтра, или то, что случится через десять лет. Ну как, хочешь попробовать?

— Не знаю. А как бы вы сделали?

— Сама-то я уже посмотрела и уже увидела все, что мне было интересно знать. Если хочешь, теперь давай ты.

Хрустальный шар в ее руке ослепительно сверкал на солнце. С одной стороны его поверхность была темнее, отражая темную воду реки. Я заколебалась.

— Но как это делается? Надо просто смотреть, и все?

— И все. Не бойся, может, ты увидишь только то, что находится вокруг нас. Вот, возьми. — Она положила хрустальный шар на мою ладонь. — Ни о чем не думай и загляни в него без страха, без надежд и без опасений. Просто смотри, и все.

Я опустила взгляд на сверкающий шар. Увидела на нем искаженное отражение своего лица. Искрящуюся гладь реки. Вспышку, брызги, зимородка. Стайку черных, словно головастики, силуэтов, которые, судя по щебету, на самом деле были стрижами. Еще одну стаю — белую, бесшумную, словно снежная метель налетела на верхушки деревьев, — голуби, как гигантские снежинки, кружились в вышине, медленно опускаясь все ниже и ниже. Наконец в шаре снова отразились мои глаза, бордовое пятно школьного блейзера, деревья за спиной. Я моргнула, подняла голову. В небе не было ни единой птицы.

— Ну? — спросила тетя.

— Ничего, — ответила я. — Как вы и говорили, только то, что вокруг нас. Деревья, река, стайка стрижей, голуби. — Я еще раз оглянулась. — Да где же они? Куда они делись?

— Они там, где и были, — в хрустальном шаре.

Я широко открытыми глазами смотрела на нее.

— Значит, они не настоящие?! Не может быть! Смотрите, вот они снова! — Стайка стрижей, пронзительно свистя, пронеслась над нашими головами.

— Эти? Да. Но голубей здесь нет, — улыбнулась тетя, наклоняясь, чтобы взять шар из моих рук.

— Тетя, честное слово, разве здесь не летала стайка голубей — белые и несколько черных и серых? Вот здесь, над деревьями?

— Именно так.

— Значит, — у меня перехватило дыхание, — я что-то увидела?

— Похоже на то.

Не веря своим ушам, я наконец перевела дух и спросила:

— Но что это значит? Откуда эти голуби?

Тетя тщательно обернула шар бархатом, аккуратно уложила его в сумку и только потом повернулась ко мне:

— Это значит как раз то, что я хотела знать. Что ты дочь своей матери и, за неимением лучшего слова, моя крестница.

Несмотря на мои недоуменные вопросы, объяснение на этом и закончилось.

Я решила вернуться к тому, о чем она уже говорила раньше.

— Вы сказали, что заглядывали в собственное будущее. Что вы там увидели?

— Для того чтобы знать свое будущее, хрустальный шар мне не нужен. — Мы медленно шли по направлению к школе. Взгляд тети был устремлен ввысь, за верхушки деревьев, в небо. — Еще немного поезжу, еще чему-нибудь научусь. Ты знаешь, что я всегда увлекалась ботаникой и собирала гербарии? Я привезла замечательную коллекцию из своего путешествия. Вот так. А потом — домой. — Она быстро взглянула на меня. — Теперь у меня есть свой дом. Недавно я увидела его, и мне показалось, что он идеально мне подходит, поэтому я купила его. В один прекрасный день ты обязательно его увидишь.

Не «приезжай погостить», не «наверное». Просто — «обязательно увидишь».

— А какой он? — спросила я.

— Хороший, в густом лесу, с садом, а за садом — река. Фруктовые деревья, цветы, посаженные для пчел. Идеальное место для любителя ботаники. Зимой тишина, а летом — только пение птиц. Абсолютно уединенное место, где есть все, чтобы хорошо отдохнуть.

В моем возрасте уединенный отдых казался весьма малопривлекательным, но вот…

— А животных вы будете держать?

Тетя печально улыбнулась.

— Ты до сих пор еще думаешь об этом? Бедный ребенок. Ну ладно. Я скажу тебе, что я видела в хрустальном шаре.

— Что?

— Тебя и меня, — просто ответила тетя. — И еще голубей, ежей и твоего бедного Ровера. Когда-нибудь мы все заживем там вместе.

Мы уже стояли на пороге школы. Стараясь не глядеть тете Джэйлис в глаза, я проговорила: «Не думаю, что это бывает на самом деле. Все эти «они жили долго и счастливо».

— Не бывает, — ласково ответила она. — Но ведь счастье зависит от тебя самой. Оно внутри каждого из нас. Я буду ждать тебя там, в своем новом доме. Может быть, не так долго, как хотелось бы. — Она протянула руку и распахнула передо мной дверь. — А теперь иди и не забудь свои цветы и краски в летнем домике. Я заходить не буду, мне еще надо успеть на поезд. Прощай.

Дверь между нами захлопнулась.

Глава 4

Университет я так никогда и не закончила, но моя мать этого уже не узнала. Она умерла, когда я была на первом курсе. Отец заехал навестить меня в Дюрхэме после собрания капитула, и мы решили отправиться домой вместе. Там нас ждал полицейский, а у порога толпилась кучка зевак.

Люди шепотом рассказывали друг другу подробности: утром моя мать выехала на машине в местечко Динери, чтобы навестить одну престарелую леди, а на обратном пути попала в аварию. Ее машина была полностью смята — молодой сын фермера, только что получивший права, выехал на полной скорости на шоссе с боковой дороги, по которой никто никогда не ездил, и не успел затормозить. Или скорее всего по ошибке нажал педаль газа. Узнать правду было невозможно, так как юноша погиб на месте. Мать прекрасно водила машину, но обстоятельства были сильнее.

Все, что последовало за этим, — ответы полицейским, визит родителей погибшего фермера (а отец считал своим первым долгом поддержать и успокоить их), похороны, расходы по которым

мой отец взял на себя, службу в церкви и речь на кладбище он перенес как-то очень тихо и отрешенно. Ел то, что я ставила перед ним на стол, поднимался в свой кабинет, потом шел в церковь, возвращался, снова сидел в кабинете, потом ложился спать.

Наутро после похорон он не вышел к завтраку. Я пошла к нему в спальню и увидела, что он все еще в постели. Первый раз в жизни отец отказывался вставать. «Последствия нервного потрясения», — сказал доктор, когда я за ним послала. Конечно, он был прав, но я знала, что главная причина была не в этом. Моя мать питала отца, как живительный родник. Теперь этот родник иссяк.

Естественно, ни о каком обучении вдали от дома не могло быть и речи. Даже если мой отец смог бы нанять домоправительницу, нужно было, чтобы он прежде всего поправился и встал на ноги. Поэтому я сразу же написала письмо в университет, объяснив им свою ситуацию. Стыдно признаться, но я не могла избавиться от неприятного чувства, возникшего из-за того, что я должна была ухаживать за отцом. Наверное, если бы моя мать попала в такое же положение, она не только не приняла бы никакой помощи, но

даже не захотела бы, чтобы я оставалась дома.

Однако у меня не было иного выбора, кроме как остаться с отцом. Беззаботная жизнь прошла, как сон, и в особенно тяжелые минуты казалось, что навсегда. Холмы Кумберлэнда, спокойные и тихие, словно во времена Уордсворта, университет в Дюрхэме, его башни и парки, а самое главное — одиночество, которое так способствует учебе, позволяя поглощать книгу за книгой… Все это уже в прошлом. Я снова попала в западню — уродливые кирпичные дома, серые холмы отработанной породы и столбы черного дыма. До самого моря тянулся этот унылый ландшафт, усеянный шахтерскими поселками.

Впрочем, уныние было недолгим. Я любила своего отца, была молода, а кроме того, стыдно признаться, но после смерти матери я испытала некоторое облегчение. Я с удивлением обнаружила, сколько удовольствия, например, может доставлять управление домом, хозяйством, делами прихода — все то, что раньше входило в обязанности матери. Единственной проблемой было постоянно ухудшавшееся здоровье отца. Иногда — не очень часто, поскольку молодости не свойственно грустить слишком долго, — я размышляла по ночам о горькой участи, которая

ждет меня после смерти отца. Он, наверное, тоже думал об этом, хотя никогда не говорил со мной на эту тему. Вопрос «Где будут жить мои дети, после того как я завершу свой земной путь?» знаком всякому священнику. В душе отец надеялся на традиционное для его поколения решение: я выйду замуж и у меня будут дом и семья. Однако он никогда не задумывался о том, как это все может произойти при моем образе жизни: в одиночестве и изоляции.

Конечно, в старших классах школы у меня появились друзья, но эти отношения редко переходят во взрослую жизнь. Несколько раз я ездила в гости к своим школьным подругам, но их ответный визит в наш мрачный унылый поселок всегда оборачивался неудачей и для меня, и для них. То же самое происходило и в университете в Дюрхэме: дружба, которую нельзя перенести на домашнюю почву, не может продолжаться долго. Отношения с молодыми людьми тоже не складывались: я была слишком серьезной и стеснительной. Приведу самый безобидный «комплимент» в свой адрес: «совсем заработалась». Итак, я отучилась свой первый и единственный год в университете, даже не влюбившись и едва осознавая, что я теряю.

Так продолжалось несколько лет. Потом началась война, которая вытеснила все наши личные заботы и проблемы. Мы уже давно потеряли связь с тетей Джэйлис, вернее, это она перестала ее с нами поддерживать. Я не видела ее с тех самых пор, как заглянула в хрустальный шар на берегу Идэна. Я писала ей время от времени, но ответа не было. Она не дала о себе знать даже после смерти матери. Тогда я написала ей письмо на единственный бывший у меня адрес — адрес ее поверенных в Солсбери, но ответа не получила. Тетя могла быть за границей, могла путешествовать и затеряться в суматохе войны. Наконец, ее тоже могло уже не быть в живых. Так постепенно тетя Джэйлис стала для меня сказочным воспоминанием из далекого детства.

Через три года после окончания войны умер мой отец. Умер он так же, как и жил, — тихо, спокойно, думая больше о других, чем о себе.

После похорон, дождавшись, когда все разойдутся, я пошла в церковь, закрыла ризницу и медленно побрела через кладбище к дому. Стоял теплый августовский вечер, тропинка была вся усыпана листьями, семенами трав и цветов. Деревья неподвижно замерли на фоне закатного неба.

Несколько соседских женщин, которые помогали мне после смерти отца, все еще сидели на кухне и пили чай. Я тоже выпила с ними чаю, потом они вымыли посуду и ушли.

Я осталась одна в пустом и уже чужом доме. Сев в кресло-качалку около угасающего камина, я глубоко задумалась. Итак, свершилось самое худшее, того, чего так боялись мои родители, — я осталась одна, без дома, без денег, без семьи. Пройдет еще какое-то время, прежде чем в дом переедет семья нового священника. А что же будет со мной? Надо продать всю мебель, все вещи, постараться выручить как можно больше денег и начинать искать работу.

Но где? И какую работу? После года в университете, где я начала изучать биологию, геологию и химию, я (как желчно заметила бы моя мать) могла претендовать только на должность квалифицированного бездельника. Даже работа в начальной школе требовала законченного образования, не говоря уже о том, что в конце сороковых найти любую работу считалось большой удачей. Хватит. Я резко остановила кресло, собираясь встать. Утро вечера мудренее. Может быть, сон придаст мне силы и подскажет верное решение. В камине треснул уголек, и мне пока-

залось, что в пустом доме даже этот звук вызвал неприятное гулкое эхо.

Раздался звонок.

За дверью стояла одна из давешних женщин. В руке она держала конверт.

— Извините, мисс Джили, забыла вам передать письмо. Оно пришло сегодня утром, но было столько дел, уборка… Вот оно.

Я поблагодарила ее и взяла письмо. Женщина колебалась, не отводя от меня взгляда.

— Может быть, я могу вам еще чем-то помочь? Нехорошо вам оставаться одной в доме после того, как ваш отец… Одним словом, может, зайдете и поужинаете с нами?

— Вы очень добры, миссис Грин. Все в порядке, честное слово. И спасибо за письмо. Вам не стоило беспокоиться, оно могло подождать и до завтра.

— Ну что ж. Если вы так уверены… Тогда завтра я приду к вам с утра, помогу по дому. Спокойной ночи, мисс Джили.

— Спокойной ночи, миссис Грин.

Вернувшись к остывающему камину, я прежде всего посмотрела на конверт. Адрес напечатан, а не написан от руки. Вверху — смутно знакомый логотип какой-то компании. Внутри большого конверта лежали конверт поменьше и письмо.

Я прочитала его. Медленно опустилась в кресло. Потом прочла еще раз.

Письмо было от компании «Мартин & Мартин», поверенных тети Джэйлис из Солсбери. Они уполномочены передать мне письмо моей тети — мисс Джэйлис Саксон, которая умерла месяц назад, 16 июля, от пневмонии. К письму мисс Саксон они прилагают копию завещания, по которому я являюсь единственной наследницей тети, следовательно, мне отходит дом тети со всем содержимым. Около года назад тетя дала указания поверенным, с тем чтобы это письмо и копия завещания попали ко мне в руки 12 августа 1948 года. По печальному стечению обстоятельств эта дата почти совпала со смертью тети. Поверенные выражали мне свое соболезнование, извинялись, что вынуждены сообщить такие грустные новости, и надеялись, что в будущем я буду так же пользоваться их услугами, как это делала моя тетя. Не буду ли я так любезна сообщить, когда я намереваюсь приехать, и т. д.

Негнущимися пальцами я открыла маленький конверт. Никогда до этого я не видела почерк тети Джэйлис, но тот почерк, который я увидела, был каким-то образом похож на нее.

«Моя дорогая Джэйлис, я не давала тебе свой адрес, потому что в последнее время живу очень уединенно. Но если хочешь, приезжай в Вильтшир, поместье Торнихолд, на краю Вестермэйнского леса. Поезд идет до станции Сейнт-Торн, а дальше дорогу знает таксист.

Совпадений не бывает. Дом теперь твой и ждет тебя. Не откладывай приезд надолго. Здесь есть все, что тебе нужно. Бери все и будь счастлива, моя милая. Присматривай за Ходжем. Он будет по мне скучать.

Твоя тетя Джэйлис»

В камине погас последний уголек. Я смотрела на дату, стоящую внизу письма, и не могла оторвать от нее глаз. 9 декабря 1947 года. Больше полугода назад.

Глава 5

Не знаю, как я представляла себе тетин дом. Обычно так и бывает, что представления и фантазии совершенно не совпадают с реальностью и очень скоро вытесняются ею. Наверное, я воображала себе этакий старинный дом с почтовой открытки — романтичный, крытый соломой, утопающий в цветах — огромные чайные розы на изгороди, сирень, достающая чуть ли не до дымовой трубы. Одним словом, живописную картинку из своего раннего детства.

На деле все, конечно, оказалось не так. Как я узнала, когда-то этот дом был частью огромного поместья и принадлежал управляющему. В нескольких милях от него находилась деревня, построенная для работников комиссии по лесному хозяйству, выращивавших на нескольких акрах купленной комиссией земли хвойные деревья. Две длинные дороги прорезали лес до самого центра и в самом центре упирались в господский дом — теперь всего лишь груду развалин. Широкие каменные ступени вели в пустоту, к дверному проему, за которым ничего не было.

Две сохранившиеся стены зияли отверстиями окон, широкий мощеный двор густо зарос травой. Запустение и забвение царили теперь в этом некогда процветающем викторианском поместье. Все указывало на то, что последний отпрыск рода, владеющего этой землей, скончался много лет тому назад. Кроме этих развалин и деревни лесничих, которая называлась Вестермэйн, сохранились дом привратника, разделенный аркой ворот на две части, и дом управляющего, который в свое время купила тетя Джэйлис.

В первый раз я увидела его дождливым сентябрьским днем, почти через месяц после смерти отца. Все было улажено — мебель я частично продала, частично оставила новым жильцам, зная, что дом тети Джэйлис перешел ко мне вместе со всей обстановкой. Несколько любимых вещей отца я упаковала и оставила, с тем чтобы забрать сразу же после обустройства на новом месте.

До Сейнт-Торна я доехала на поезде. Нашу старую машину я продала в первую очередь — слишком много времени уходило на ремонт и бензин, который раньше поставлялся отцу бесплатно. Кроме того, я была уверена, что у тети Джэйлис была своя машина, которой я смогу теперь пользоваться. Впрочем, это уже мелочи.

Главное, мне хотелось как можно быстрее уехать. Распродажа имущества моих родителей заняла на удивление мало времени, поэтому меньше чем через месяц после смерти отца я уже стояла с двумя чемоданами на вокзале в Сейнт-Торне. В кармане лежала связка ключей от дома, присланная поверенными из Солсбери. Оставалось только найти таксиста, который знал дорогу до Торнихолда.

Искать пришлось недолго: такси стояло прямо у вокзала. Услышав адрес, водитель остановился, держа в руках мои чемоданы.

— Торнихолд, я не ошибся? Дом мисс Саксон? Пожилой леди, умершей несколько недель тому назад?

— Да.

Он уложил сначала один, потом другой чемодан в багажник и открыл передо мной заднюю дверцу машины.

— Ваша родственница? Примите мои соболезнования.

— Тетя. Сестра моей матери. Вы ее знали? Можно мне сесть спереди, рядом с вами?

— Конечно. Но сзади вам было бы удобнее. — Он открыл переднюю дверцу, закрыл ее за мной, после чего сел за руль, и мы поехали. — Нет, не

могу сказать, что я ее знал. Скорее, был знаком. Она всегда брала мое такси, когда возвращалась из очередного путешествия. Она много путешествовала, правда? Даже объехала вокруг света! Да, есть люди, которые могут себе это позволить. Впрочем, дома, наверное, все равно лучше. — Взгляд в сторону, нарочито безразличный взгляд.

— Право, не знаю.

Я понимала любопытство водителя. Конечно, тетя не оставила мне баснословное наследство, но с несколькими сотнями фунтов моего отца оно дало бы мне возможность скромно прожить какое-то время, не работая. Это было все, чего я хотела. Тем временем последние дома Сейнт-Торна остались позади, и дорога пошла между двумя крутыми склонами, густо поросшими плющом и остролистом. Мокрая листва блестела после недавнего дождя. Сквозь переплетенные ветви ломоноса здесь и там мелькали красные ягоды жимолости. Я молчала. Однако я собиралась здесь жить, здесь теперь был мой новый дом, а рано или поздно люди все равно узнают о своих соседях абсолютно все.

— Я уже много лет не видела мисс Саксон. С тех пор как была ребенком. Но в Англии других родственников у нее нет, поэтому она оставила

дом мне. Я собираюсь здесь поселиться.

— Ну что ж, — сказал водитель, и я почувствовала, что в его словах есть какой-то скрытый смысл. — Это не самое плохое место для жизни. Может быть, немного уединенное. Но у вас, я полагаю, есть машина?

— Сейчас нет. А у мисс Саксон была машина?

— Никогда не видел. Я встречал мисс Саксон всего несколько раз, когда отвозил ее домой с вокзала. Все живущие с той стороны леса отовариваются в Арнсайде. Но если вы решите купить машину, я могу помочь вам найти хороший подержанный автомобиль. Спросите гараж Ханнакера, что напротив кинотеатра, возле «Белого Оленя».

— Спасибо. Это зависит от того, где я смогу покупать бензин.

— О, это совсем несложно. Я объясню вам, где получить талоны. Думаю, проблем у вас не будет.

— Спасибо еще раз, — сказала я. — Кстати, меня зовут Джил Рэмси. А вы — мистер Ханнакер?

— Да. Зовите меня просто Тэд. — Я снова посмотрела в окно.

— Вы говорили о Вестермэйнском лесе. Это уже он?

— Еще нет, но скоро вы его увидите.

Я знала, что очень часто «лесом» называли не настоящий лес, а просто неогороженную необработанную землю, на которой некогда рос лес. Сейчас все изгороди и фермы остались далеко позади. Узкая белая дорога пересекала широкое поле, на котором папоротник цвета ржавчины перемежался с вереском и тростником и паслись коровы. На голубом осеннем небе выделялись темные верхушки елей, над которыми, словно дымок, вились грачи. Водитель указал пальцем налево. Я повернулась и примерно в полумиле от дороги увидела хрупкий и стройный силуэт оленя. То тут, то там я замечала кроликов, при виде машины в испуге бросавшихся в заросли утесника. Золотые листья берез напоминали старинные монеты. И ни одного дома, ни одной фермы. Затем дорога плавно пошла вниз, к горбатому мостику через небольшую спокойную речку.

— Это Арн, — сказал мистер Ханнакер.

— А там, за деревьями — Арнсайд? Мне показалось, я видела какие-то строения.

— Нет, Арнсайд в нескольких милях отсюда, за Вестермэйном. Вы видели старое аббатство, Сейнт-Торн. Уже, правда, давно не аббатство, а только развалины. Несколько колонн, одна стена

и, может быть, пара рухнувших арок. — Произнеся последние слова, он улыбнулся. — Никакой исторической ценности, но когда-то, наверное, было необыкновенно красивое место. Вот мы и въехали в Вестермэйн.

После моста дорога стала подниматься. С обеих сторон ее плотно обступали дубы, березы и вязы, кое-где мелькали заросли остролиста. Упавшие на землю стволы и ветки никто не убирал, и они постепенно превратились в естественную изгородь из веток, плюща и папоротника. Приблизительно в пятидесяти ярдах от дороги лес становился таким же непроходимым, как африканские джунгли. Через одну или две мили я заметила, как среди листьев плюща мелькнула старая серая стена, в проломах которой росли деревья.

— Торнихолд, — объявил водитель.

Машина сбавила ход, повернула и въехала под массивную арку главного входа.

По обе стороны от него стояли два совершенно одинаковых домика. Очевидно, любовь архитекторов семнадцатого века к симметрии отразилась на этом архитектурном сооружении. На окнах колыхались нарядные кружевные шторы, выглядевшие в такой глуши не совсем уместно. Вот

одна штора приподнялась, словно кто-то хотел выглянуть из окна, потом снова опустилась. Я перевела взгляд на второй домик. Оттуда никто не выглядывал, но за шторой одного из окон угадывалось смутное движение, будто кто-то качался в кресле туда-сюда, туда-сюда.

Набирая скорость, такси устремилось вперед по аллее.

— Странные домики, ничего не скажешь, — сказал мистер Ханнакер. — Похоже, что в каждом из них всего по одной комнате. Наверное, старые хозяева решили подшутить и построили два дома вместо одного. Как вы думаете, может, у них спальня в одном доме, а гостиная — в другом?

— Даже не знаю. А кто там живет?

— Вдова Трапп. Это все, что сказала мне ваша тетушка. А люди здесь, знаете ли, держат свое при себе.

— Какая длинная аллея. Еще долго ехать?

— Еще с четверть мили. Дорога заканчивается совершенно неожиданно. Никогда бы не сказал, если бы не знал заранее… Смотрите-ка! Ну, что скажете?

— Да, если бы вы не предупредили…

Машина остановилась. Водитель вышел, открыл мне дверцу и кивнул куда-то в сторону.

— Я имею в виду, видите, там — дымок над трубой?

— Где? — Я резко повернулась и посмотрела, куда он указывал.

Дорога здесь заканчивалась небольшой круглой площадкой, чтобы машина могла развернуться. Однако сейчас она так густо заросла травой, что было похоже, что, кроме нашей машины, здесь никто никогда не ездил. К площадке, окруженной высокой терновой изгородью, вплотную подступал густой лес. В ней можно было различить некогда белую калитку, над которой возвышались колючие заросли. Их ветки были подрезаны так, что образовывали некое подобие арки. Над изгородью виднелась только серая черепица крыши, покрытая тут и там желто-зелеными пятнами лишайника и розоватыми пучками лишайника, уютно устроившимися за дымовой трубой.

Над ней поднимался даже не дымок, а едва заметно дрожащий теплый воздух.

— Наверное, поверенные договорились, чтобы кто-то встречал меня, — сказала я.

— Ну, тогда все в порядке, — ответил мистер Ханнакер. — Но я вас все-таки провожу. Ваш основной багаж придет позже, я полагаю?

— Да. Спасибо вам большое. Вы так любезны.

Он открыл передо мной калитку, потом взял оба чемодана и последовал за мной во двор. Вымощенная кирпичом дорожка, всего около десяти ярдов длиной, шла прямо к дому. Мы подъехали с северной стороны и сейчас пересекали участок сада, который почти всегда находился в тени. Но ни это обстоятельство, ни тот факт, что перед смертью тетя Джэйлис долго болела, не избавили меня от чувства горечи при виде этого сада. Конечно, в это время года достаточно нескольких недель, чтобы аккуратная мощеная дорожка превратилась в поросшую скользким мхом тропку, проторенную среди буйных зарослей сорняков. Но что самое печальное, дом тоже носил отпечаток заброшенности и упадка. Наверное, недавно здесь была гроза, потому что к окнам прилипли первые желтые листочки, водосточный желоб прогибался под тяжестью нападавших в него веток и сучьев, отовсюду капала вода. Начинался листопад, и все вокруг было усыпано опавшей листвой. Занавески на окнах висели как-то косо, словно их отдернула чья-то безразличная рука, а на первом этаже (скорее всего на кухне) на подоконнике стояли засохшие цветы.

Но, конечно, это все были мелочи. Очень скоро

заботливые руки новой хозяйки приведут все в порядок. Атмосфера запустения и неухоженности не помешала, однако, мне заметить, что дом был очень красив.

Пропорциональный, хоть и не очень большой, сложенный из серого камня, с нарядной деревянной дверью и высокими поднимающимися окнами. Без сомнения, южный фасад будет еще лучше — ведь на ту сторону выходят самые хорошие комнаты, а деревья растут чуть поодаль, пропуская в дом солнечный свет.

На двери была ручка в виде головы льва, держащей во рту кольцо. Наверное, когда-то медь сияла на солнце, как золото, а теперь была тускло-зеленого оттенка. Я вытащила ключи, но засомневалась. Раз кто-то растопил камин, значит, меня там ждут? Я взялась за кольцо, и в этот момент дверь распахнулась сама.

На пороге стояла женщина, лет на десять старше меня. Мне в ту пору исполнилось двадцать семь. Не очень высокая, с прекрасным цветом лица, голубоглазая и светловолосая. Щеки женщины были гладко-розовыми, а ямочки делали ее еще более привлекательной. Даже несмотря на полноватую фигуру и чересчур толстые яркие губы, ее можно было назвать очень хорошенькой.

Сейчас, впрочем, она выглядела озабоченной. Она мельком взглянула на меня, на водителя, затем — на открытую калитку и такси за ней.

— Добрый день, — сказала я.

— Добрый день, мисс. — Ее голос, и без того приятный, был смягчен деревенским акцентом. — Мисс Рэмси, не так ли?

— Да. А вы?..

— Агнес Трапп, из дома у ворот. Я убирала здесь и не думала, что вы приедете сегодня. — Она выглядела растерянной, ее взгляд все время перебегал с меня на водителя, на такси, на мои чемоданы на крыльце, снова на меня. — Они сказали, то есть поверенные сказали, что мисс Рэмси скоро приедет, но они не назвали мне дату. И они никогда не говорили, что приедут две леди. Она осталась в машине, да? Пожилая леди, я имею в виду. Я приготовила пока только одну комнату, но уборка во второй не займет много времени. Если бы я только знала… Но все-таки лучше пригласите ее в дом, не заставляйте ее ждать так долго в машине…

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — поспешно вставила я. — Все в порядке. Речь идет обо мне. Я и есть Джэйлис Рэмси, наследница мисс Саксон. Второй леди нет.

— Но я думала… Они не говорили, и я просто решила, что… — Она запнулась и сглотнула. Ее руки нервно перебирали передник. Вдруг она начала краснеть — сначала шея, потом щеки и лоб, так быстро, словно ее захлестнуло невидимой волной.

— Извините, — смутившись, начала я. — Поверенные не написали мне, что собираются попросить кого-то подготовить дом к моему приезду, а я не знала точно, в какой день смогу приехать, в противном случае я бы обязательно их предупредила. Они просто переслали мне ключи, поэтому я приехала, как только смогла.

Наверное, я говорила слишком торопливо и бессвязно. Я разволновалась так, будто застала эту женщину за каким-то предосудительным занятием, и теперь сама стеснялась этого. Со мной частенько такое случалось. Чувство было знакомо, и с уже привычной просительной интонацией я произнесла:

— Так что, пожалуйста, миссис Трапп, не беспокойтесь. Все замечательно, я так благодарна вам за помощь.

— Ну что же, — улыбнулась та совершенно очаровательной улыбкой. В голосе ее почувствовалось облегчение. Краска схлынула с ее лица так

же быстро, как и появилась. — Я действительно вела себя глупо. Видите ли, я решила, что наследница мисс Саксон будет постарше, чем вы. Добро пожаловать, мисс. Это хорошо, что вы приехали. Без соседей здесь, в Торнихолде, очень одиноко. Разрешите помочь?

И, прежде чем я успела возразить, она подхватила оба чемодана и вошла в дом. Я заплатила мистеру Ханнакеру. Он попрощался, повторил свое обещание насчет машины и направился к калитке. Я вошла в дом вслед за миссис Трапп.

Глава 6

Этот дом построили скорее всего тогда же, когда и господский, — об этом свидетельствовали изящные пропорции, присущие архитектуре восемнадцатого века, — естественно, с поправкой на более скромные запросы управляющего. Из квадратной прихожей в жилую часть дома вели две двери. За той, что была слева, сразу начиналась лестница с широкими ступенями, по которой можно было подняться на второй этаж. В глубине прихожей находилась невысокая арка, за ней следовало помещение как бы в продолжение прихожей, с окошком, расположенным под самым потолком, сквозь которое между деревьями можно было разглядеть небо. Справа от арки находилась другая дверь, ведущая, очевидно, в гостиную. Пол был выложен каменными плитами. Здесь уже давно не убирали — под ногами скрипел песок и мелкий мусор. Половики тоже нуждались в чистке.

Пока я осматривала прихожую, миссис Трапп успела поставить мои чемоданы и поспешила к прикрытой вылинявшей занавеской двери, той,

что находилась прямо перед лестницей.

— Сюда, пожалуйста. Сейчас я включу свет. Здесь немного темновато с непривычки, правда? Осторожнее с занавеской, она слегка порвана. Если бы я знала о вашем приезде, я бы подготовила и гостиную, но ничего — главное, я успела прибрать спальню. Я не имею в виду, что там было грязно, нет. Но ваша тетя довольно долго находилась в постели, прежде чем ее забрали в больницу. Проходите на кухню, там будет уютнее.

— Как любезно с вашей стороны… — начала было я, но миссис Трапп тут же прервала меня:

— Да неужто мы могли допустить, чтобы вы въехали в незнакомый дом прямо так, чтобы никто не затопил камин и не проветрил комнаты! Как только мы узнали, что в доме собирается жить племянница мисс Саксон, я сказала Джессами (это мой сын): мы должны постараться немножко убрать в доме, иначе она, милочка, не сможет спать спокойно — ведь после похорон здесь все так и осталось неприбранным… Нет, дом, конечно, замечательный, но, видите ли, мисс Рэмси, за ним уже давно никто не присматривал. А, вот мы и на кухне. И чайник как раз закипел.

Чайник выглядел так, будто кипел уже дав-

ным-давно, но какой бы чай ни был, я все равно была за него благодарна. Говорят, лучше хорошо ехать, чем плохо приезжать. Во время пути я все время мечтала об исполнении своей давнишней мечты, как ее описала мне тетя Джэйлис: свой дом, залитый солнечным светом, сад и лес у самого крыльца, кругом цветы. Мне даже в голову не приходило, что этим пасмурным сентябрьским днем реальность может оказаться совсем другой. Сейчас я мысленно поблагодарила поверенных, которые догадались попросить миссис Трапп подготовить дом к моему приезду.

Она тем временем суетилась возле чайника, расставляя посуду. В доме оказалось кое-что из съестного: она достала с каминной полки старинную чайницу и насыпала в чайник заварки. На столе уже стояла наполовину пустая бутылка молока.

— Сейчас заварится, — сказала миссис Трапп. — Хотите печенья? Или, может быть, тост? Нет? Тогда вы не против, если я съем одно? Я принесла сегодня пачку.

Около бутылки с молоком лежало с полфунта масла, еще в упаковке. Масло тоже было початое. Полная сахарница, початая же буханка хлеба и пачка печенья. Миссис Трапп взяла печенье и

начала жевать, разливая при этом чай.

— Я совсем забыла выразить вам свои соболезнования. Ваша тетя была замечательным человеком и всегда хорошо ко мне относилась. Впрочем, я тоже делала для нее все, что могла. В деревне надо дорожить хорошими отношениями с соседями. — Миссис Трапп улыбнулась мне своей чудесной улыбкой. У нее были действительно замечательные зубы. Продолжая болтать, она положила себе три ложки сахара и стала пить чай. Я прихлебывала свой и поглядывала по сторонам.

Кухня была на удивление просторной и светлой, особенно по сравнению с кухней моих родителей. Скорее всего изначально кухня располагалась в другом месте — в восемнадцатом веке никто не предоставил бы слугам такое замечательное помещение. Одно из окон, то самое, на котором стояли сухие цветы, выходило на север. Из другого был виден лес. Он начинался сразу за живой изгородью из ежевики и рябины. В этих зарослях не было видно ничего, кроме небольшой крытой черепицей крыши в глубине сада и высокой трубы над ней. Может быть, как раз в том домике и располагались некогда кухня и баня.

Напротив камина возвышался кухонный шкаф, на полках которого стояли нарядные бело-го-

лубые тарелки, а спереди на гвоздиках висели чашки в тон. Очевидно, цивилизация с ее встроенными шкафами еще не дошла до этих мест. Большой обеденный стол стоял посередине комнаты, оставляя достаточно свободного места. Кроме него под окном находился еще один столик, уставленный всевозможными банками и коробками. С краю лежали две большие стопки книг, снятые с полки над этим столиком.

— Я собиралась вытереть пыль с книжных полок, — пояснила миссис Трапп. — Просто удивительно, как быстро пылятся книги. А теперь, — она встала, — надо показать вам вашу комнату.

И, явно чувствуя себя хозяйкой, она увлекла меня за собой к лестнице. Не слушая моих возражений, она схватила чемоданы так, словно они ничего не весили, подождала, пока я возьму свою сумочку и пальто, и, легко перебирая своими полными ногами, взбежала вверх по ступенькам. По обеим сторонам лестничной площадки находились две двери. Миссис Трапп открыла ту, что была справа, и я увидела небольшой холл с окном в сад и двумя другими дверями. Теперь она открыла левую дверь, и мы вошли в спальню.

После комнат первого этажа спальня приятно

удивила меня. Она оказалась большой, с двумя высокими окнами, выходящими на южную сторону. Широкие подоконники уходили глубоко в толщу стен. Изящный камин, выложенный цветными изразцами. Около камина располагались ночной столик и платяной шкаф. Высокая двуспальная кровать стояла на зеленом ковре, очень гармонировавшем с зеленью за окном. Около него стояло плетеное кресло.

Замечательная комната. Правда, ковер слегка выцвел у окна и занавески тоже поблекли в тех местах, где на них падало солнце, а в углу, под самым карнизом, расползлось мокрое пятно, и обои в том месте стали отклеиваться… Но все это ничего. В комнате пахло свежестью и чистотой, одно из окон было поднято до упора.

— Ванная за дверью, — сказала миссис Трапп.

Она подошла к окну и отдернула занавеску, напоминавшую чем-то ту, что покачивалась на окне в доме у нее самой. Интересно, кто там мог быть в ее отсутствие? Однако сейчас она выжидательно смотрела на меня, и я произнесла то, чего она от меня ждала:

— Просто не знаю, как вас благодарить, миссис Трапп, — тепло сказала я. — Мне здесь очень нравится. И в этом есть ваша заслуга. Спасибо

вам огромное.

— Я же говорила, мы не могли допустить, чтобы вы приехали в пустой неубранный дом, мисс Рэмси. К сожалению, не хватило времени на уборку внизу, но зато постель хорошо проветрена, а ванна как следует вычищена. Посмотрите?

— Спасибо, попозже. — Я пыталась придумать, как поделикатнее спросить ее, сколько она хочет за свою помощь. Может быть, если поверенные попросили ее убрать в доме, то они уже договорились с ней о сумме?

И заговорила о другом:

— Вы живете у ворот, не так ли? Но ведь это очень далеко отсюда. Вы ездите на машине?

— Иногда на велосипеде, но вообще-то здесь есть короткий путь через лес.

— Наверное, вы присматривали за домом, пока мисс Саксон была в больнице? Вы у нее работали?

— Иногда. Обычно она предпочитала все делать сама, но каждый год я помогала ей делать весеннюю уборку. Хотите посмотреть остальные комнаты?

— Нет, думаю, я сначала распакую багаж. Но, может быть, вы еще покажете мне, где здесь кухонные принадлежности и как управляться

с плитой?

— Хорошо, мисс, но сегодня вам не нужно беспокоиться об ужине. Я оставила кое-что в духовке, а утром принесу молоко и что-нибудь на завтрак. О карточках на продукты не беспокойтесь — вы скоро их получите, а пока соседи не дадут вам пропасть. Да и ваша тетя, по правде говоря, была не из тех, кто держит кухонные шкафы пустыми.

— Очень мило с вашей стороны. Я привезла с собой столько продуктов, сколько смогла, но вот освоюсь здесь с магазинами и зарегистрируюсь, чтобы получить карточки…

— Не беспокойтесь, мисс Рэмси. Как только выяснится, что вы поселились в Торнихолде, вам сразу же их выдадут. — Она стала спускаться за мной по лестнице. — Ну, что ж, тогда я оставляю вас, а завтра приду с утра, и мы вместе быстро справимся с уборкой.

— Вы очень добры, — начала я. Нет, все-таки придется это сказать, хочу я этого или нет, но помощь по хозяйству была мне не по карману. — Миссис Трапп, вы очень добры, но, право же, не стоит обо мне беспокоиться. Я действительно очень нуждаюсь в ваших советах — я ведь здесь еще ничего не знаю, — но что касается уборки и прочего, я думаю, что я справлюсь сама. Видите

ли, я, как и моя тетя, предпочитаю одиночество. — Тут я улыбнулась. — И спасибо вам еще раз за то, что вы для меня сделали. Я буду очень рада, если вы станете иногда помогать мне, как вы помогали мисс Саксон.

Яркий румянец снова залил ее щеки, лоб и шею. Я вдруг поняла, отчего во время разговора с ней меня все время не покидает чувство неловкости: точно так же смотрела на меня своими кукольными синими глазами моя главная мучительница в монастырской школе, и ее щеки точно также краснели, когда ей удавалось довести меня до слез.

Агнес Трапп улыбнулась, и краска схлынула с ее лица так же быстро, как и появилась.

— Конечно, мисс Рэмси, конечно. Но я еще хотела сказать, что последними словами вашей тети в этом доме было: «Агнес, дорогая, это такой большой дом, может быть, ты переедешь сюда и будешь помогать мне по хозяйству?» — Она снова улыбнулась своей белозубой улыбкой. — И как раз это мы с Джессами и собирались сделать. Но теперь все изменилось, не так ли?

Мне уже было не восемь лет, и передо мной стоял не фюрер нашего третьего класса. Я была хозяйкой Торнихолда и разговаривала с прислугой,

стоя в центре собственной парадной гостиной.

Однако прежде, чем ответить, я все же была вынуждена откашляться. Надеюсь, мой голос звучал достаточно твердо.

— Да, миссис Трапп, теперь все по-другому. Спасибо вам большое и до свидания.

Глава 7

Очутившись в спальне, на этот раз наконец-то одна, я положила чемодан на широкий подоконник и стала вынимать вещи. В моей голове роились неприятные мысли. Прежде всего надо связаться с фирмой «Мартин & Мартин», поверенными тети Джэйлис, и выяснить, сколько я должна миссис Трапп за уборку. По крайней мере, они ее сами пригласили, значит, проблем здесь не возникнет.

Проблем? Ну нет, надо взять себя в руки. В конце концов, я не должна вести себя как запуганный ребенок перед жестокой школьной надзирательницей. Что с того, что этот внезапный румянец, этот взгляд кажутся мне такими знакомыми? Я молодая здоровая женщина, а не дряхлая старушка, которая не может обойтись без помощи по дому, и вполне могу сама управиться со всем хозяйством. Я прекрасно справлялась с этим и в куда более мрачном и неуютном месте. И я в состоянии сказать Агнес Трапп: спасибо, мол, за все, вот деньги, но дальше я буду вести хозяйство сама, а если мне вдруг понадобится

ваша помощь, я дам вам знать. А что касается ее нелепого предложения переехать сюда и жить вместе со мной…

Вот, наверное, в чем причина ее гнева и досады: она рассчитывала, что наследницей тети Джэйлис окажется пожилая леди, которая с радостью воспримет предложение домработницы жить в доме. Должно быть, тетя была совсем плоха, если, «предпочитая делать все сама», захотела, чтобы миссис Трапп жила вместе с ней. Если, конечно, это правда.

Но ведь это же, право, смешно! Зачем этой женщине лгать мне? Агнес Трапп — обычная деревенская женщина из тех соседей, которые входят без стука, когда им захочется, и всегда готовы помочь, не дожидаясь, чтобы их об этом попросили. В те годы двери в деревнях вообще никто не закрывал.

Так. Еще одна проблема. После смерти тети ее поверенные наверняка заперли дом. Ключи они переслали мне. Значит, у миссис Трапп есть свой ключ? Надо, не откладывая, выяснить это. Я достала из чемодана кучу одежды и вывалила ее на кровать. Да, похоже, моя жизнь на новом месте начинается не так радужно, как я себе это представляла.

Я не спешила распаковывать вещи, подсознательно надеясь на то, что миссис Трапп успеет уйти, и все, что я хочу сказать ей, таким образом, подождет до завтра. И, может быть, завтра мне все-таки понадобится ее помощь. Эту комнату она прибрала замечательно. В ящиках шкафа лежала чистая бумага, белоснежные льняные простыни были безупречно выглажены и пахли лавандой. Небольшие неровности на постели указывали на то, что ее согревали бутылками с горячей водой. (Для немощной старушки наследницы?) У кровати стоял подсвечник, около него лежала коробка спичек. Меня вдруг охватило чувство, что я неожиданно возвратилась в прошлое. Впрочем, лампочка у изголовья тоже работала исправно. Очевидно, свечи были здесь просто на всякий случай.

Находившаяся по соседству ванная комната тоже поражала своей чистотой. Здесь я вновь очутилась в двадцатом веке, все сияло и блестело. Облака понемногу рассеялись, обнажая проглядывающее из-за верхушек деревьев голубое вечернее небо. Я открыла окно и высунулась наружу, рассматривая сад внизу. Но, прежде чем я успела что-либо рассмотреть, дверь хлопнула, и я увидела миссис Трапп. Та повернула на тропин-

ку, уходившую куда-то вбок, наверное, к боковым воротам, и скрылась из виду. В руках у нее была большая сумка.

Я сразу почувствовала себя свободнее. Настроение поднялось, и я легко сбежала вниз по ступеням на кухню. Хватит на сегодня осмотров. День был тяжелый, поэтому я лучше пораньше поужинаю и лягу спать в этой чудесной спальне. Все остальное — завтра.

Открыв кухонные шкафы, я обнаружила достаточно посуды и вынула из духовки кастрюлю, оставленную миссис Трапп. Гм, пахнет вкусно. Я попробовало ложку. Объедение! На полке у плиты, завернутая в фольгу, лежала большая печеная картофелина. Замечательная она все-таки соседка. Ну да ладно. Поживем — увидим.

Я быстро накрыла на стол.

— Милая тетя Джэйлис, спасибо за все, — сказала я и села за свою первую в этом доме трапезу.

Потом я вышла в коридор и, принято это здесь или не принято, закрыла дверь.

Кухня действительно занимала раньше другое помещение. Сейчас оно представляло собой нечто вроде прихожей у черного входа, где на вешалке висели плащи и пальто, а рядом стояли зонты, старые туфли и калоши. Через малюсень-

кие оконца, затянутые паутиной, проникало очень мало света. Под одним из них была старая раковина, почти всю стену напротив занимала старинная заржавевшая плита. Неподалеку стоял стол, весь заваленный пожелтевшими газетами, коробками и прочим мусором. В углу комнаты — лейка, эмалированное ведро, пара корзин и садовая метла.

Ключа в двери не оказалось. Наверное, он был у миссис Трапп. Однако, кроме этого, были крепкие засовы, которыми я и воспользовалась, чтобы закрыть ее.

Меня разбудила тишина. Сначала, едва открыв глаза, я решила, что все еще сплю, настолько я привыкла к постоянному шуму машин в шахтерском поселке. Сейчас не было слышно ни звука. Даже ветерок замер. Ни шума дождя, ни шелеста листьев. Через несколько минут темнота постепенно стала приобретать различные оттенки — абсолютно черная темнота комнаты и на ее фоне — продолговатые силуэты окон цвета индиго. Звезд не было. Где-то вдалеке свистнул паровоз, лишь усиливая тишину ночи. Немного ближе раздался тоскливый собачий лай. Не дежурное тявканье сторожевой собаки, а унылый вой, просьба впустить или выпустить, освобо-

дить, обогреть, накормить. Вдруг он прекратился, и снова наступила тишина. Но опять не надолго. Наверху послышался какой-то треск, царапанье маленьких когтистых лапок по чердачному полу. Летучие мыши? Я толком ничего не знала о летучих мышах, но в моем представлении они были бесшумными созданиями, спокойно висящими вниз головой в своих укрытиях. Тем более, ночью летучие мыши охотятся. Кто же это тогда? Воробьи? Другие птицы? Может, крысы? Только бы не крысы. Видит Бог, я люблю животных, но вот крыс я бы с большей охотой любила на расстоянии.

Нет, и на крыс это не похоже. Этот шум был приятным и даже очень домашним. Теперь я уже не одна в доме, у меня появились соседи. С этой мыслью я заснула.

Глава 8

Едва позавтракав, я отправилась обследовать свой новый дом.

Очень странное ощущение — все, кроме нескольких вещей, разбросанных в спальне, было чужим, незнакомым, и мне каждый раз хотелось постучать, прежде чем открыть дверь.

Как я и предполагала, дверь в дальней части прихожей вела в гостиную. Размерами и убранством эта комната вполне заслуживала такого названия. Миссис Трапп явно не успела похозяйничать здесь — везде лежал толстый слой пыли, накидки кресел смяты. Очень удобная мебель — легкие стулья, диван, несколько журнальных столиков, большой книжный шкаф и кабинетный рояль. Изящные фарфоровые статуэтки украшали каминную полку и полочки в нише около нее. Картины на стенах слегка выцвели — комната выходила на южную сторону и в хорошую погоду была, наверное, вся залита солнечным светом. Французские окна открывались в сад. Еще одно окно выходило на западную сторону. Гостиная находилась непосредственно

под моей спальней и была немного больше ее. Я догадалась, что место ванной комнаты наверху здесь занимает рояль тети Джэйлис.

Следующей шла столовая. Сразу было видно, что ей редко пользовались. В середине стояли большой продолговатый стол и восемь стульев. По бокам располагались еще два дополнительных столика и кадка с чахлого вида папоротником. В буфете я обнаружила потемневшее столовое серебро и желтые от времени скатерти. Хорошая столовая, жаль, почти не нужная в наши дни. Я закрыла дверь и отправилась дальше.

Прямо у лестницы я обнаружила комнату, которую, в отличие от столовой, посещали гораздо чаще. Множество книжных полок, удобные кожаные кресла, письменный стол с грудой бумаг. Ладно, это может подождать. Наверняка эти бумаги не очень важны и не носят личного характера. Кстати, наверное, в комнате кто-то недавно был, потому что пыли на столе не видно. Не было там и телефона, на который я очень рассчитывала.

Телефона не оказалось и на кухне, и я направилась на второй этаж.

Сначала я пошла на противоположную от моей спальни сторону лестничной площадки. Из точно такого же холла, как и с моей стороны, вели

две двери. Южная спальня оказалась абсолютной копией моей и служила, наверное, комнатой для гостей. Воздух в ней как-то застоялся, словно никто не пользовался ею уже очень давно, белые покрывала на двух кроватях имели несвежий вид.

Напротив этой спальни находилась еще одна, поменьше, всего с одной кроватью, комодом и небольшим платяным шкафом. Комната для прислуги, если, конечно, таковая была в доме? Простая комнатка, со светлыми обоями и занавесками в цветочек. Я подошла к окну, чтобы выглянуть во двор.

Вдруг моя нога задела что-то мягкое. Я наклонилась. Под окном лежал домашний тапок — оранжевый, со стоптанной подошвой и дыркой на большом пальце. Это было вроде визитной карточки, я сразу же поняла, чей он. Агнес Трапп.

Откинув покрывало на кровати, я увидела, что простыни отсутствовали. Стопка белья в комоде лежала криво, на верхней простыне — женский волос и немного пудры.

Это немного прояснило ситуацию, и я успокоилась. Значит, вот почему миссис Трапп покинула дом так поспешно. И в сумке она несла вовсе не ценные вещи тети Джэйлис (которые теперь

стали моими), а использованное постельное белье, чтобы скрыть следы своего пребывания в Торнихолде.

Интересно, как долго она здесь жила? Я знала, что, прежде чем попросить кого-то приходить убирать, поверенные должны были сделать опись всего имущества после смерти тети и так далее. А потом уже нанимать прислугу.

Если, как сказала мне сама миссис Трапп, ее попросили прийти поверенные, то они наверняка не просили ее оставаться и жить в доме. А если бы просили, то Агнес Трапп, которая так хотела жить в этом доме, сразу бы сослалась на это в разговоре со мной.

И зачем ей было оставаться здесь на ночь? К тому же, если она жила в Торнихолде целых несколько дней, то почему не занималась уборкой? Спальня и ванная — вот все, что она успела убрать, остальные комнаты стояли пыльными и затхлыми. Кроме того, несмотря на то что ее предупредили заранее, мой приезд стал для нее полной неожиданностью. Да, наверное, Агнес Трапп провела здесь несколько дней — печь топилась уже давно, распространяя тепло по всему дому.

Ну, ладно. Она ушла, и это самое главное. Мне

еще может понадобиться ее помощь, да и не хочется портить отношения с самого начала. Я положила тапок на то место, где он лежал, словно я его и не заметила, и пошла в другую комнату.

То же самое. Платяной шкаф, комод, стопка белья. Из окна открывался вид на боковые ворота и тропинку, по которой ушла вчера миссис Трапп. Ярко светило солнце, легкий ветерок колыхал верхушки деревьев. Надо побыстрее заканчивать осмотр и выходить в сад.

Но еще одна вещь не давала мне покоя. Дверь напротив моей спальни была заперта на новый блестящий замок, врезанный над старым. Я прошла в спальню, где лежала моя сумочка со связкой ключей, которую прислали мне поверенные. В этот момент снизу донесся стук калитки и звук открывающейся двери.

Быстро спустившись вниз, я нашла миссис Трапп на кухне.

— Принесла вам молока. Молочник перестал приходить сюда, но я ему сказала, что теперь здесь живете вы и что вы будете брать у него молоко. Потом вам дадут талоны на молоко, а пока не беспокойтесь, он будет каждое утро приносить вам пинту. И, если захотите покупать побольше, скажите ему об этом.

— Правда? Как замечательно. На самом деле, мне хватит и полпинты, но… — Я запнулась. — Миссис Трапп, вы не знаете, кто может шуршать ночью на чердаке? Мыши или, может быть, крысы? Сегодня ночью я проснулась и слышала наверху какой-то шум.

— Не знаю. Я сама… — начала было миссис Трапп и тут же замолчала. Я понимала, она чуть было не проговорилась, что сама никогда не слышала здесь по ночам ничего подобного, но вовремя остановилась. — Она всегда раскладывала корм для птиц на чердаке, но ведь еще какое-нибудь животное может приходить за ним, правда? Я ей всегда говорила…

— А разве у нее не было кота?

— Кота? — удивленно спросила миссис Трапп.

— Разве Ходж — это не кот? Когда я услышала шум на крыше, я подумала о крысах и сразу вспомнила о тетином коте. Она специально просила меня присмотреть за ним. Да и покрывало в маленькой спальне выглядит так, словно на нем спал кот. Вы не знаете, где он может быть?

— Даже не знаю. Наверное, где-то поблизости. Как вам понравился суп?

— Очень понравился. В жизни не ела ничего вкуснее. Спасибо вам большое.

— На здоровье. Ну, мне пора идти. Значит, пусть молочник приходит, да?

— Да, пожалуйста, скажите ему. Если Ходж вернется, тогда, наверное, мне понадобится больше, чем полпинты, но пока хватит. А если он не вернется, я возьму котенка. Вы не знаете, у кого здесь можно взять котенка, миссис Трапп?

— Нет, не знаю. Зовите меня просто Агнес, пожалуйста.

— Хорошо. Спасибо. И еще один вопрос, Агнес… Вся эта уборка, ужин… Сколько я вам должна?

— О, ничего. Считайте это соседской услугой. Вы заплатите мне в следующий раз, если я вам понадоблюсь.

— Но хотя бы продукты, молоко, наконец?

— Счет за молоко придет в конце недели. — Широкий жест, отметающий дальнейшие вопросы. — А простыни я принесу в конце недели, если вы не против. Я оставалась здесь ночевать как раз перед вашим приездом — думала убрать дом как следует, но тут как раз появились вы. — Она широко улыбнулась, показывая пятнышко губной помады на передних зубах. — Если по правде, то кастрюля с супом предназначалась мне. Вы догадались?

— Знаете, я даже не подумала об этом. Навер-

ное, очень устала с дороги и была рада приехать в теплый уютный дом. Не могу сказать, что жалею, что съела ваш ужин — он был превосходный. Но как же вы сами?

— Ничего, у меня дома оставалось еще много. Но вот кастрюлю я заберу, хорошо? Это моя кастрюля.

— О, конечно. Я не подумала об этом и поставила ее в шкаф. Вот, пожалуйста.

— Спасибо. — Миссис Трапп уложила кастрюлю в сумку и снова улыбнулась. — Мне действительно пора идти. А вы, я думаю, умираете от желания как следует все здесь осмотреть. И не расстраивайтесь из-за пыли и грязи. Это все легко устранить, правда? И если вам понадобится моя помощь — просто дайте знать, и все.

Так легко и ненавязчиво. Теперь я действительно стыдилась своей вчерашней подозрительности.

— Конечно, Агнес, — тепло сказала я, — вы так любезны. Кстати, вы не знаете, что находится в закрытой комнате напротив моей спальни?

— А, та комната. Ваша тетя называла ее своей «кладовой». Что-то вроде кладовой, я полагаю. Ваша тетя сушила там растения для гербариев, делала вина и настойки. Кое-что там, наверное,

было ядовитым, вот она и стала закрывать дверь на ключ. Сама я в этой комнате никогда не была. Хотела зайти убрать там вместе со спальней и ванной, но не нашла ключа. Может быть, он на той связке, которую вы держали, когда спустились вниз?

— Да-да. Потом я посмотрю. Вы не знаете, где телефон? Я обошла весь дом, но не нашла его.

— А его здесь и нет. Мисс Саксон была в некотором роде очень старомодной дамой. И машины у нее никогда не было — она ездила на велосипеде, как и я. Ладно, мне пора. Дайте мне знать, если я вам понадоблюсь.

— Может быть, выпьете чашечку кофе?

Однако она отказалась, взяла сумку и ушла. Я сварила кофе и, оглядывая кухню, решила, что сначала я сделаю самое главное — осмотрю все мое новое хозяйство. И начну с сада.

День был прекрасным. Я быстро допила кофе, нашла у вешалки пару калош почти моего размера, травянисто-зеленый непромокаемый плащ, который носят в деревне все женщины от Кэйп Рэт на юге до Эдинбурга на севере, и вышла во двор.

Глава 9

Я уже говорила, что дом находился в самом конце аллеи, которая начиналась у дороги. Лес вокруг дома вырубили уже много лет тому назад, иначе солнце вообще не попадало бы в сад. Эта солнечная лужайка была сделана в форме тупого треугольника или, скорее, полураскрытого веера. Дом находился в его узком углу, а широкая сторона выходила к лесной речке, которая служила естественной границей Торнихолда на юге. Со всех остальных сторон поместье окружала высокая терновая изгородь, за которой сразу же начинался густой лес. С самого широкого конца лужайки можно было увидеть серую каменную стену, огораживающую огород. С другой стороны, строго симметрично по отношению к огороду, находился миниатюрный фруктовый сад. Фруктов видно не было, хотя стояла пора сбора урожая, и с яблоневых, сливовых и вишневых деревьев уже начинали падать золотые и красные листья.

Видимо, когда-то за этим садом тщательно ухаживали, но тетя Джэйлис постепенно приспособила его к тому минимуму ухода, на который

была способна. Между деревьями росла густая трава — не аккуратная стриженая травка, а настоящие заросли, по которым, наверное, так приятно было бы пройтись босиком. Кое-где виднелись кусты, а по обеим сторонам располагались клумбы с яркими осенними цветами. Розы поднимались к самой верхушке колючей изгороди, сплетаясь с ней ветвями. Через сад вела узкая, мощенная плитами дорожка, заканчиваясь около полукруглого бельведера у реки. Там же стояли две старинные каменные скамьи. Между скамьями спускались в воду широкие ступени лестницы, нижние были сейчас покрыты водой, очевидно, из-за недавних дождей. На противоположном берегу полоскали в воде реки свои золотистые ветви плакучие ивы. Желтые листья медленно кружились в коричневой воде. За ивами росли кусты орешника, а дальше начинался густой лес.

В стене, окружавшей огород, были небольшие железные воротца. Я толкнула их и оказалась среди грядок, на которых догнивали среди сорняков остатки капусты и картошки. По углам щетинились молодые побеги ясеня и рябины. Впрочем, овощные грядки шли только по периметру огорода. Когда я рассмотрела, что было в центре, моему удивлению не было предела.

Зрелище имело самый что ни на есть средневековый вид. Посередине кто-то сделал каменный крытый колодец. Сейчас он почти наполовину был опутан зарослями лаванды и шалфея, местами каменная кладка сильно раскрошилась, и в трещинах буйно разрослись дикие и садовые цветы — колокольчики, тимьян, земляника, горечавка. От колодца отходили лучеобразные грядки, сделанные в виде правильных секторов и огороженные по краям резными барьерами около десяти дюймов в высоту. Цветов там было не очень много, но необыкновенный аромат, поднимавшийся от клумб, сверкающие на солнце после недавнего дождя ржаво-золотистые, серые, зеленые и коричневые листья не оставляли места для сомнений: лекарственные растения — вот что это было. Словно во времена королевы Елизаветы, когда пряности на обеденном столе были так же важны, как соль или мука, и приходилось выращивать их на собственном огороде.

Между грядками шли узкие дорожки, и я направилась по одной из них к колодцу. Несмотря на пестрый цветочный ковер, закрывавший его чуть ли не наполовину, сама кладка сохранилась довольно неплохо. Я наклонилась и заглянула внутрь. На глубине около фута колодец пере-

крывала старая железная решетка, а над ней располагалась мелкоячеистая металлическая сетка. Ее поставили тогда, когда глупая маленькая пичужка села на железную решетку, чтобы напиться, провалилась сквозь прутья и утонула.

Эта картина мгновенно пронеслась в моем мозгу, как будто я видела все своими глазами. На секунду все показалось мне залитым ярким солнечным светом, но постепенно окружающие предметы снова приняли свой обычный вид. И чем больше я старалась припомнить свое видение, тем быстрее оно ускользало от меня.

Нет, это не было ни игрой воображения, ни воспоминанием. Откуда оно, такое, в сущности, обыденное и вовсе не запоминающееся?

Однако я знала, что все это случилось на самом деле и не было просто моей фантазией. И что еще более удивительно, я восприняла все совершенно спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Я вспомнила наш второй, и последний разговор с тетей Джэйлис на берегу Идэна, возле моей школы. «Мы будем жить там вместе, так долго, как тебе захочется, хоть и не всегда…» Я подняла глаза и посмотрела на крышу своего дома. Теперь, кажется, я понимаю, что она хотела сказать тогда.

Глубоко задумавшись, я пошла прочь с огоро-

да и направилась по мощеной дорожке к дому. Внезапно остановившись на полпути, я снова взглянула на него.

Дом был великолепен. Даже высокая колючая изгородь с вплетениями остролиста и бастионами тиса по углам и та была великолепна.

Да, все здесь замечательно. Я пошла дальше в необычайно хорошем расположении духа. Конечно, от моего взгляда не укрылись ни потеки на стенах там, где прохудились водосточные желоба, ни облезшая краска, но такие мелочи не могли испортить общего впечатления, которое производил дом своим изяществом и элегантностью, высокими старинными окнами, особенно теми тремя, что были расположены на фронтоне, прямо под каминной трубой.

Стоп. Окна на фронтоне? С северной стороны их нет, значит, где-то в доме есть еще третья дверь и лестница, ведущая в мансарду. Так вот откуда слышались звуки, не дававшие мне уснуть ночью! Правильно, мансарда располагается как раз над моей спальней.

Оказавшись в прихожей, я сразу отвергла самое ужасное предположение — что тетин кот Ходж может быть заперт в мансарде со времени ее смерти и сейчас умирает от голода. Окно мансарды

было открыто, поэтому если Ходж действительно оказался бы там, он бы смог спуститься вниз по зарослям вьющихся роз и ломоноса, доходивших почти до окна. Или сидел бы на крыше, громко оповещая всех о своей беде.

Значит, пока это не срочно. Однако рано или поздно я обязательно должна найти вход в мансарду. Единственным местом в доме, куда мне не удалось пока заглянуть, была «кладовая». Если я не найду от нее ключ и сегодня, тогда завтра я поеду в город, сделаю кое-какие покупки, получу карточки на продукты и позвоню в «Мартин & Мартин», чтобы узнать про ключи от «кладовой» и деньги, которые я должна миссис Трапп. И о возможности установить телефон… Да, поэтому в первую очередь нужно найти велосипед, на котором я смогла бы добраться до Арнсайда.

Недалеко от боковой калитки я заметила сарай. Велосипед стоял там и выглядел вполне исправным, только со спущенными камерами. Уже много лет прошло с тех пор, как я последний раз садилась на велосипед. Интересно, правда ли то, что, научившись ездить на велосипеде один раз, уже невозможно разучиться? Вот это я сейчас и проверю. Сначала потренируюсь на аллее, чтобы возможный конфуз обошелся без посторонних

наблюдателей.

Насоса на велосипеде не оказалось. Я заглянула в сарай еще раз — разнообразный садовый инвентарь: грабли, лопаты, мотыга, вилы и, к моей радости, электрическая газонокосилка. На полках располагались всевозможные коробки, пустые банки из-под джема, банка смазочного масла и горшки для цветов. Внизу были свалены мешки с костяной мукой, калийные и другие удобрения. Рядом — мешки с торфом, углем, песком. Но насоса нигде не было видно.

Надо что-то делать. Где его искать? На кухне? В прихожей? В кладовке? В таком большом доме поиски насоса могут отнять недели, а без велосипеда я не доберусь до города. Вот сейчас мне так бы пригодилась моя необыкновенная способность вспоминать то, что происходило раньше с тетей Джэйлис! «Вспомнила» же я про утонувшую птичку, может быть, вспомню, куда тетя положила свой насос?

Где же, черт возьми, он может быть?!

— Мисс Джэйлис?! — раздался сзади меня пораженный крик.

Я обернулась.

Позади меня стоял мальчик лет десяти-одиннадцати, в поношенном свитере и испачканных

теннисных туфлях. Темноволосый и темноглазый, худенький, как черенок лопаты. В руках он держал светло-коричневого хорька.

Я думаю, он и обычно был довольно бледненьким, но сейчас на его лице просто не было ни кровинки. Широко раскрытые от ужаса глаза были устремлены на меня. Оставленный без внимания хорек резко дернулся, и мальчик обрел дар речи.

— Вы носите ее одежду!

Это прозвучало как обвинение. Мне все стало ясно. Со спины я в этом плаще, наверное, выглядела точно как тетя Джэйлис.

— Только эту, — извиняющимся тоном произнесла я. — Мисс Саксон была моей тетей, и теперь я буду здесь жить. Прости, что так напугала тебя. Кстати, меня тоже зовут Джэйлис. Джэйлис Рэмси. А тебя?

— Вильям Драйден. — Пауза. Хорек опять забеспокоился. На лице мальчика медленно появлялся румянец. — Видите ли, сзади вы были так похожи на нее. А я… я был на похоронах. И не ожидал никого здесь увидеть.

— Конечно, — ободрила я его. — Но тогда, прости мне мое любопытство, если ты не ожидал никого здесь увидеть, зачем ты пришел в такую

даль? Ведь Торнихолд находится в стороне от деревни?

Он кивнул на хорька.

— Из-за него. Она помогала мне с ними.

— Ухаживала за твоими домашними животными?

— Они не совсем домашние. Это хорек с фермы.

— О, извини. Она лечила их, не так ли?

— Да. Я не очень беспокоюсь за Шелкового, я знаю, что давать ему, но если что-то случится с остальными или с кроликами… Может быть, вы тоже колдунья? — с надеждой спросил Вильям.

— Кто?!

— Колдунья. Которая лечит, и…

— Я понимаю. Я просто не поверила своим ушам. Тетя была ботаником, знала травы и умела лечить с их помощью — и только.

— Извините, я пошутил. Она всегда смеялась, когда я так говорил. И сказала мне, что лучше называть ее не так напып… напыщенно — знахарка.

Последние слова мальчик пробормотал сдавленным голосом, уткнувшись в шелковую спинку хорька.

— Все в порядке, Вильям, — ласково прого-

ворила я. — Мисс Саксон действительно умела многое и обладала особой магией. Я тоже с этим сталкивалась. И я тоже очень скучаю по ней. Ты будешь заходить ко мне так же, как заходил в гости к тете, ладно? А что касается твоего хорька, то, боюсь, здесь я бессильна. Тетины таланты мне не передались. Здесь где-нибудь есть ветеринар?

— Нет денег, — коротко ответил мальчик. — Папа говорит, что я должен брать животных, только если могу сам за ними ухаживать. К сожалению, на лечение у ветеринара это пока не распространяется. Мисс Джэйлис лечила бесплатно, потому что любила всех животных. Но мой папа говорил, что я все равно должен отрабатывать это, поэтому я часто приходил сюда и помогал мисс Джэйлис в саду. Хотите, я и вам буду помогать?

— Конечно, с удовольствием. Но платить я тебе буду по-другому, хорошо? Все, что я знаю о медицине и лечении, — это оказание первой помощи.

— Но я и сам уже много знаю! — запальчиво сказал он. — Я знаю, что она давала Огоньку, Шелковому сейчас нужно то же самое. Это простая микстура. Мы бы могли попробовать дать ее ему, а?

— Послушай, я даже не знаю, где тетя держала все это. Я приехала вчера вечером и еще не успела

ничего толком рассмотреть в доме.

— Ничего страшного. — Мои возражения были просто отметены в сторону. — Я вам все покажу. Я знаю, где все лежит.

— Правда? Там есть такая комната, над столовой. Миссис Трапп называет ее «кладовая». В ней?

— Да, напротив спальни мисс Джэйлис.

— Тогда я боюсь, у нас ничего не выйдет. Дверь заперта, и я пока не смогла найти ключ. Может быть…

— О, она всегда ее закрывала, — весело сказал Вильям. — Там ведь много ядов и всего такого. Но это не проблема. Ключа на общей связке нет. Она хранила его в другом месте.

— Ты и это знаешь? Тогда скажи мне, пожалуйста, может, ты знаешь, где ключ от черного входа, или он у миссис Трапп?

— Не думаю, чтобы она забирала его с собой, но она наверняка знает, где он, — под жасмином, около двери.

— Так. И раз ты никого не ожидал здесь встретить, но все-таки принес с собой своего Шелкового, значит, ты хотел войти в дом сам, да?

— Она бы мне разрешила, — глухо произнес мальчик. — Она не считала меня маленьким. Она

сама показала мне, где ключи.

— Ну что ж. Отлично. Тогда вперед, Вильям. Посмотрим, чем мы сможем помочь Шелковому.

Глава 10

Я сняла плащ и калоши в прихожей, и Вильям повел меня, как я и ожидала, по коридору в гостиную. Впрочем, никаких секретных дверей он открывать не стал, а направился прямо к камину.

Уже давно никто не разжигал здесь огонь. Изящная каминная полка шла вдоль трубы, которая, наверное, была перекрыта где-то наверху. Везде лежал толстый слой пыли, однако сажи не было. Внутри камина стоял электрический обогреватель.

Прежде чем я поняла, что происходит, Вильям быстро сунул хорька мне в руки и юркнул в каминную трубу. Никогда еще я не держала в руках хорька и, честно говоря, была бы моя воля, не стала бы и пробовать. Все в этом маленьком зверьке — от розоватых глазок до невероятно подвижного горячего тельца — вызывало во мне беспокойство. Однако сейчас он мирно лежал у меня на руках, свернувшись калачиком, как котенок, и вместе со мной наблюдал, как Вильям выбирается из камина с ключом в руках.

— Вот он!

— Но почему она держала ключ в камине?

— Думаю, она знала, что там никто его не найдет. То есть, если бы миссис… если бы кто-нибудь стал искать ключ, он заглянул бы в камин в самую последнюю очередь. Миссис Джэйлис не хотела, чтобы кто-то заходил в «кладовую» без нее.

— Кроме тебя?

Он отвел взгляд.

— Я уже говорил вам, я ей очень много помогал. Собирал, сушил… Травы, я имею в виду. Даже помогал делать настойки и микстуры.

— Все в порядке, Вильям. Я просто дразнюсь. Не обижайся. Я ведь могу тебе полностью доверять, правда? Может быть, потом ты расскажешь мне, чему тебя научила мисс Джэйлис. А теперь идем туда, хорошо?

«Кладовая» оказалась размером со столовую, только гораздо светлее. Простая мебель — два грубо сколоченных стола (один в центре комнаты, другой под окном) предназначались, очевидно, для работы. В альковах по обе стороны камина до самого потолка высились полки с книгами. Вдоль внутренней перегородки, рядом с дверью, помещался старинный буфет. Его нижние дверцы были заперты на ключ, а на верхних полках

вместо обычных чашек, бокалов и прочей посуды стояли ряды баночек и бутылочек с аккуратными белыми наклейками. В углу виднелась небольшая раковина с электрическим нагревателем над ней.

— Ну, забирай своего Шелкового, — обратилась я к мальчику, который уже направился было к буфету.

Услышав мой голос, он резко обернулся.

— Ой, совсем забыл! Простите, пожалуйста. Многие женщины бояться хорьков, но мисс Джэйлис любила всех животных и никого не боялась, поэтому я совсем не подумал…

— Честно говоря, это первый хорек, с которым я имею дело, и у него отменные манеры. Или он слишком слаб, чтобы кусаться?

— Может быть, и так, но мне кажется, вы ему понравились. Я пойду принесу его корзинку? Она привязана к моему велосипеду.

— Отличная идея.

Он убежал вместе со своим хорьком, а я спокойно огляделась.

Комната была очень чистая и опрятная. Книги аккуратно стояли на полках, и судя по всему, в алфавитном порядке. Пустые деревянные столы блистали белизной. Только на том, что у окна, я

заметила весы, большой пестик и ступку. Ни мешков с сушеными корнями, ни связок растений и трав — одним словом, создавалось впечатление, что тетя Джэйлис тщательно убирала эту комнату перед смертью, подготавливая ее для меня. Кроме ряда баночек и бутылочек в буфете, единственным указанием на то, что тетя занималась сбором трав, служил большой глиняный горшок, стоявший у самой двери и почти доверху наполненный лепестками роз, лавандой, листьями дикой герани и еще какими-то незнакомыми мне растениями. От горшка поднимался странный приятный запах, и я наклонилась, чтобы прочесть надпись на этикетке. В этот момент в комнату влетел Вильям, держа в руках клетку с хорьком.

— Трэфал, Джонсворт и анчар лишают ведьму всех злых чар! — продекламировал мальчик.

Я выпрямилась.

— Это еще что такое?

Он указал на горшок.

— Я про то, что в нем. Она разрешала помогать ей собирать растения, которые сейчас в этом горшке. Она сказала, это старинное заклинание или что-то в этом роде.

— О Господи. Ну, хорошо, а что мы будем делать

с Шелковым?

Вильям поставил корзинку на стол и взял из буфета какую-то баночку. На этикетке аккуратным тетиным почерком было написано латинское название, которое ничего мне не говорило.

— Ты уверен, что это то, что нужно?

— Абсолютно. В любом случае, вреда от него не будет. Она разрешала мне брать любые баночки, кроме тех, на которых красные этикетки. Но они заперты внизу в буфете. А это — то, что нам надо. Вот, прочтите.

Он протянул мне бутылочку. Под латинским названием мелкими буквами было выведено: «Мал. жив. од. раз в д., 3 дн.».

— Для маленьких животных, — объяснил Вильям. — Она давала Огоньку по одной таблетке три дня подряд.

Я открыла крышку. Внутри лежали маленькие черные пилюли.

— Ну ладно. В конце концов, это твой хорек. Если ты действительно хочешь…

Вильям кивнул.

— Тогда начнем. Ты знаешь, как ему это дать?

— Открыть ему рот и положить туда таблетку. — Первый раз я услышала в его голосе неуверенность. — С мисс Джэйлис это выглядело

очень просто.

— С ней-то — конечно. Давай для начала достанем его из корзинки. Положи его на стол и держи, иначе ничего не получится. Вот так.

Двумя пальцами я взяла таблетку и с сомнением посмотрела на хорька.

Вильям сглотнул.

— Может… может, я попробую, а? Это мой хорек, и если он должен кого-то кусать, то пусть кусает лучше меня.

Я рассмеялась.

— Вот это речь настоящего мужчины! Нет уж, если мне суждено когда-то заниматься тем же, что и тетя Джэйлис, то пусть лучше это начнется прямо сегодня. Только перестань так сжимать его, а то задушишь. Ой!

Я вскрикнула от удивления — это действительно оказалось очень легко! Будто я только всю жизнь и делала, что кормила пилюлями больных хорьков. Быстро привычным движением я обхватила левой рукой голову животного, слегка сдавила пальцами щеки, и когда маленькая пасть приоткрылась и показался розовый язычок, положила черную таблетку как можно дальше. Потом несколько секунд подержала челюсти хорька сжатыми, чтобы он проглотил лекарство,

и отдала его Вильяму. Я не могла избавиться от ощущения, что будь на месте хорька кошка, она бы сейчас мурлыкала.

Пока мальчик укладывал Шелкового в корзину, я пошла к раковине и вымыла руки. Когда же я обернулась, то увидела, что Вильям смотрит на меня чуть ли не с ужасом.

— Что такое?

— Вы говорили, что раньше даже не видели хорьков. Вы сделали все точно, как она. Откуда вы все знаете?

Холодок по коже. Мгновение очень четкого осознания происходящего. Вот бутылочка с пилюлями, о которых я ничего не знаю. В корзинке, издавая пронзительные крики, носится острозубый хорек, до которого я сейчас не решусь даже дотронуться.

— Не знаю, — медленно сказала я. — Я ни о чем таком не думала тогда, просто дала ему пилюлю, и все. Вильям, кстати, где мисс Джэйлис держит… то есть держала свой велосипедный насос?

— Что?

— Насос для велосипеда. Я вспомнила об этом почему-то именно сейчас. Не могу его найти. Шины на велосипеде спущены, и я не могу поехать в город, как собиралась.

— Всегда был на велосипеде.

— Да? Странно, сейчас его там нет.

— Тогда не знаю, извините. Наверное, скоро найдется. О! Я накачаю вам шины своим насосом, перед тем как уехать.

— Вот спасибо! Это было бы здорово.

— Посмотрите-ка на Шелкового, — воскликнул мальчик. — Отличное лекарство, не правда ли?

— Да, похоже, подействовало. Послушай, Вильям, на этикетке написано, что его следует принимать в течение трех дней. Ты как — возьмешь таблетки с собой или будешь приносить хорька сюда? Вообще-то он проглотил лекарство очень легко.

— Это потому, что вы ему давали. — Он заколебался, потом широко улыбнулся. — Ладно, я попробую. Может быть, мой папа поможет мне подержать его, если наденет автомобильные перчатки. Вот здесь есть пустые коробочки для пилюль. Положите мне две, пожалуйста.

— Хорошо. — Я положила пилюли в коробочку, закрыла и передала Вильяму. — А ты не знаешь, что это за лекарство?

— Вообще-то нет. Горечавка, мед, еще что-то, чего я не знаю. У нее была специальная машинка, чтобы делать таблетки. Где-то в тех ящиках…

— Не важно, я потом посмотрю. — Я бросила взгляд на полку с книгами. — Мне кажется, здесь есть все что угодно. И еще я думаю, что мне придется многому научиться.

— Да, она любила повторять, что здесь есть все. И, — влюбленный взгляд на хорька, — разве это не самое настоящее волшебство? Посмотрите только на него! Спасибо вам огромное за то, что вы разрешили мне принести его сюда, и за то, что дали ему лекарство. Я… я так рад, что вы здесь! Вы ведь любите животных, правда? Я думаю, что это так. И Шелковый тоже. На самом деле хорьки — замечательные животные. Вы ведь, наверное, никогда не держали хорьков, — быстро добавил он.

— Мне не разрешали держать дома никаких животных.

— Ужас. Совсем никаких? Даже собаку?

— Нет.

— А почему?

— Некому было бы за ними присматривать, когда я уезжала в школу. А кто ухаживает за Шелковым и прочей братией, когда ты в школе? Ты говорил, твой отец требует, чтобы ты делал все сам. Так как же?

— Утром я кормлю их, а вечером чищу клетки.

Ну и в выходные, конечно.

— Значит, ты не живешь в школе, а ходишь туда каждое утро?

— Да, я учусь в Арнсайде. Думаю, родители хотели бы отправить меня в какую-нибудь другую школу, получше, но я не захотел, и отец согласился оставить меня здесь. Он говорит, что всегда ненавидел свою школу и что для тех, кто любит одиночество, жить в школе — самое последнее дело.

— Так ты предпочитаешь быть один?

— Я бы сказал, — ответил Вильям тоном человека лет по крайней мере на двадцать старше, — что у меня довольно странные, с привычной точки зрения, увлечения. Я люблю копаться в саду, читать, наблюдать за птицами и животными. А вот играть с ребятами у меня не так хорошо получается, поэтому по большей части я сижу дома. Если я справляюсь со своими животными, мне разрешают их держать, если нет — нет. Это ведь по-честному, правда?

— Еще бы! Ты настоящий счастливчик.

— Да, наверное. Как это ужасно, когда нельзя держать животных. И даже кошки у вас не было?

— Наша кошка жила все время на улице и не

позволяла с собой играть. Кстати, не знаешь, где Ходж?

Вильям задумался.

— Даже не знаю. Честно говоря, я сам очень волнуюсь. Мисс Джэйлис была уверена, что с ним все будет в порядке. В сарае у него есть своя подстилка, а в двери проделана маленькая дверца. Перед тем как лечь в больницу, она договорилась с миссис Трапп, что та будет кормить его. И я обещал, что иногда буду приходить. Я видел, как миссис Трапп несколько раз оставляла ему еду, но он никогда к ней даже не притрагивался. Похоже, только мыши и птицы ели из его миски.

— Ты хочешь сказать, что не видел его с тех пор, как Мисс Джэйлис положили в больницу?

— Нет, кажется, в прошлую субботу я видел его на стене огорода, когда чинил там ограду. Я позвал его, но он прыгнул в другую сторону и исчез.

— Тогда он, наверное, еще где-то здесь. А в доме в тот день кто-то был?

— Не-е-ет. А, понимаю. Да, в тот день приходила миссис Трапп. Я зашел в дом вымыть руки и увидел, что вся кухня перевернута вверх дном, словно она там что-то искала. Но миссис Трапп сказала, что она начинает уборку и что скоро

в дом приедет старая леди. Это она вас имела в виду?

— Да, для нее мой возраст был большим сюрпризом.

— Так она встретила вас здесь, когда вы приехали?

— Да. Когда я спросила ее о Ходже, она очень удивилась и сказала, что он, наверное, где-то поблизости. Но вообще она тогда очень спешила. Впрочем, если она оставляла ему еду, то… Ладно, спрошу ее в следующий раз.

Вильям вышел вслед за мной и следил, как я закрываю «кладовую» на ключ.

— Но как вы узнали о Ходже? — спросил он, когда мы шли вниз по лестнице.

— Тетя оставила мне письмо, в котором просила меня позаботиться о ее коте. Не волнуйся, Вильям. Коты так легко не пропадают. Мисс Джэйлис тоже это знала. Она была уверена, что Ходж поживет где-то поблизости, пока… — я заколебалась, — пока я не приеду, а она знала, что я приеду очень скоро. Если ты видел его в прошлую субботу, значит, он все еще здесь и скоро объявится.

Однако моя речь не успокоила мальчика. Уже стоя на площадке первого этажа, он пробормотал, прижимая к груди свою корзинку:

— А если кто-то захочет… захочет избавиться от него…

— Вильям, что ты говоришь?! Что за мысли? И потом, прежде всего для этого нужно было бы поймать его, а ты пробовал когда-нибудь поймать кота, который этого не хочет?

— А если его отравили или еще что-нибудь? — произнес он так тихо, что я едва расслышала.

Я глубоко вздохнула и решила не задавать мальчику прямого вопроса о том, кому же это нужно травить Ходжа, и сказала твердо:

— Отравить кота еще труднее, чем поймать. Собака может съесть отравленную еду, но кот — никогда Знакомый ветеринар говорил мне, что это практически невозможно. Помяни мое слово, он скоро сам объявится.

— Как только узнает, что вы здесь живете! — неожиданно весело согласился Вильям. — Коты ведь такие умные, правда? А Ходж к тому же колдовской кот… — Взгляд мальчика упал на настенные часы. — Ой-ой-ой! Мне уже пора бежать! Огромное спасибо, мисс… Извините, забыл ваше имя.

— Рэмси. Но почему бы тебе не называть меня Джэйлис?

— Я… да, спасибо. Мне пора бежать, но пожа-

луйста, разрешите мне приходить сюда и, как обычно, помогать по саду?

— Конечно. Погоди минутку. Я забыла спросить, где ключ от той части буфета, где яды?

— На дне горшка с травами у двери.

— А как пройти в мансарду? — Я почти кричала, потому что Вильям уже стоял в дверях.

— Через прихожую, из кухни.

— Из кухни? Но я не видела там двери.

— Из другой кухни, у черного входа. В углу. Дверь очень похожа на шкаф. До свидания! Я не забыл про велосипед!

Трэфал, Джонсворт и анчар лишают ведьму всех злых чар!

Пахучие сухие листья зашуршали, показался ключ. Я взяла его и открыла нижнюю дверцу буфета.

Как и говорил Вильям, на полках стояли ряды баночек и коробок с красными этикетками, ка которых крупными буквами было написано «ЯД». Внизу шло длинное латинское название. Открыв наугад некоторые из них, я обнаружила внутри какие-то сушеные корни, листья, порошки.

Присев на корточки, я с любопытством разглядывала их. Интересно, если тетя предвидела все в таких деталях — и свою смерть, и мой переезд

сюда и даже успела заранее закончить последние приготовления, то почему она не оставила подробных инструкций мне, своей наследнице? Все было сделано преднамеренно — и завещание, присланное мне в определенный день, и просьба позаботиться о Ходже, и то, что ключи оказались спрятанными в камине, откуда их мог достать и передать мне только абсолютно надежный Вильям… Значит, никаких инструкций тетя не оставила мне тоже специально.

И что же мне теперь делать? Примерить на себя ее мантию знахарки, колдуньи, ведьмы — как я сегодня надела ее плащ и калоши? Похоже, обстоятельства подталкивают меня именно к этому. А вдруг, подумала я весело, все тетины знания придут ко мне во время этих странных вспышек озарения, как это было сегодня?

Я хорошо помнила тот день на берегу Идэна, когда тетя Джэйлис сказала, что единственная удача, которую дарит человеку судьба, — это талант, с которым он родился, все остальное зависит только от него самого.

Ну что ж, работать мне не привыкать. Дай только время, тетя Джэйлис. Дай только время, как ты дала мне свой замечательный дом, свое убежище, свою крепость. И дай мне привыкнуть

к счастью. А остальное зависит от меня.

Закрыв ящик, я положила ключ в горшок у двери и направилась вниз.

После обеда, лениво смакуя кофе, я обдумывала предстоящий поход в мансарду. Итак, задняя кухня.

Теперь, после того, что я узнала, все казалось мне очевидным. В старые времена, когда слуги жили в доме хозяев, им отводили комнаты в мансарде. Поэтому, естественно, дверь туда вела из кухни. Я открыла правую дверцу того, что раньше считала шкафом. Так и есть, чулан для веников и метел. А левая? Левая дверь выходила на узкую лестницу без перил и ковра.

Снаружи на мощеной дорожке послышался звук шагов. Я обернулась, ожидая увидеть Агнес Трапп, но вместо нее в кухню вошел парень лет шестнадцати. В руке он держал объемистую сумку. Не задерживаясь в дверях, он сразу прошел вперед и поставил сумку на стол. Можно было не гадать, кто передо мной. Яркие голубые глаза, розовые щеки, полноватая комплекция. Без сомнений, передо мной Джессами Трапп, сын Агнес.

— Я уж помогу вам там, наверху, — сказал он. — А то вдруг там чего странного найдете.

Глава 11

— Ты, наверное, сын миссис Трапп?

— Ага. Меня зовут Джессами. Мама послала меня отнести вам пирог к ужину. Она сегодня пекла, поэтому решила испечь два пирога — один вам и другой, побольше, — мне, себе и бабушке. Это чтоб вы не беспокоились. У нас есть еще. И вот банка солений. Она сама делала.

Что-то в его широкой улыбке, в его непринужденной манере говорить указывало на то, что Джессами Трапп был парнем недалеким. Про таких в деревне обычно говорят «шариков не хватает» или, еще более образно, «пятнадцать шиллингов в одном фунте». Конечно, он не был похож на деревенского дурачка, но эпитета «простоватый» вполне заслуживал. Не переставая улыбаться своей замечательной, как у матери, улыбкой, Джессами спокойно продолжал:

— Это пока вы не купите продуктов, сказала мама. Она говорит, раз вы не проезжали мимо нас, значит, еще не были в городе. Сегодня собираетесь?

— Нет. Сегодня я буду дома. Пожалуйста, скажи

маме, что она меня избалует. Ей, право же, не стоит так беспокоиться обо мне. Передавай ей от меня большое спасибо. — Чтобы скрыть неловкость, я нагнулась и достала из сумки блюдо с пирогом и банку солений. — Сливовый, мой любимый! У вас растут сливы?

— Не, у нас нету. Это из вашего сада.

Я быстро взглянула на него, припомнив, что в саду Торнихолда на деревьях не было ни единого плода. Джессами безмятежно улыбался.

— Так вы нашли велосипед старой мисс?

— Да, он стоял в сарае. Но вот насоса на нем не оказалось. Ты не знаешь, где он может быть?

— Не-а. Я спрошу у мамы. — Он обернулся, оглядывая комнату. — Да разве его найдешь, когда здесь так много вещей?

— А у тебя самого есть велосипед?

— Есть, но я чаще хожу пешком. Здесь есть короткая дорога через лес. Хотите, покажу?

— Спасибо, в другой раз. Пожалуйста, поблагодари за меня свою мать и скажи, что завтра же я поеду в город за покупками. Ну, до свидания.

Я повернулась и пошла вверх по лестнице, ведущей в мансарду. Вопреки моим ожиданиям, Джессами Трапп последовал за мной.

— Неизвестно, что вы найдете там наверху,

мисс. Уже давненько никто туда не заглядывал.

Я остановилась, обдумывая, каким образом можно вежливо избавиться от его общества, но так ничего и не придумав, пошла дальше. Джессами, как тень, следовал за мной.

Пыль на лестнице кое-где была стерта, словно кто-то недавно здесь уже поднимался. Первый пролет заканчивался небольшой площадкой, отсюда лестница уходила вперед, в глубь дома. На верхней площадке, ярко освещенная полуденным солнечным светом, бьющим через слуховое окно, находилась дверь. Дернув за ручку, я обнаружила, что она закрыта на ключ. Впрочем, ключ висел тут же — на гвозде у самой двери.

Ощущая, что Джессами буквально дышит мне в затылок, я открыла дверь и вошла в мансарду.

Мансарда оказалась одной длинной комнатой, которая шла по длине всего здания. Свет лился внутрь через три слуховых окна, которые я заметила из сада. Все было покрыто густым слоем пыли. Вдоль дальней стены, напротив окна, стояли два ряда высоких деревянных коробок, в некоторых лежал наклонный деревянный брусок, покрытый птичьим пометом. В других стояли корзинки с неким подобием гнезд внутри. Посреди комнаты на полу располагалась кормуш-

ка с крышкой и прорезями, через которые птицы могли доставать корм. Рядом с ней — поилка, такая же пыльная и пустая, как и кормушка. Ни воды, ни корма. Только пыль, грязь, перья, птичий помет.

Значит, мансарда — не что иное, как старая пустая голубятня.

Не совсем пустая! Пока я осматривалась, с насеста слетел голубь и быстро засеменил по полу к кормушке.

— Ага, — произнес за моей спиной голос Джессами, — один вернулся.

— Откуда вернулся?

— Не знаю. Она всегда держала окна открытыми. Говорила, что им нужна свобода. Но голуби всегда возвращаются домой.

— А сколько голубей держала мисс Джэйлис?

— Не знаю. Видел каждый день, как целая стая летала здесь над лесом. Хорошие птицы голуби. Добрые.

— Да, но мне кажется, здесь уже давно никого не было. Кормушка и поилка совершенно пустые. Мисс Джэйлис наверняка должна была попросить кого-то присмотреть за голубями, когда ее забирали в больницу…

— Корм там.

Я посмотрела в ту сторону, куда указывал Джессами. Под окном стояла высокая бочка, накрытая тяжелой крышкой. Джессами поднял ее, зачерпнул горсть зерна и бросил его перед голубем. Тот сразу же принялся жадно клевать.

— А воду она приносила из кухни в кувшине, — продолжал Джессами. — Ну вот. Как будто мы не предупреждали ее об этом коте!

— Коте?..

Я присмотрелась внимательней и поняла, о чем он говорит. Сбоку от двери лежал мертвый голубь.

— Говорила ведь ей мама. — Джессами наклонился и поднял птицу. Черная голова беспомощно болталась, крылья оставляли след на пыльном полу.

— Ты думаешь, это сделал Ходж? — с сомнением спросила я. — Дверь была закрыта. Как он смог сюда забраться?

— Через окно. Оно всегда открыто. Так вы знаете о Ходже?

— Знаю, что он здесь жил и что мисс Джэйлис очень его любила. Он тоже ушел, Джессами?

— Ага. Хорошо, что она так никогда и не узнала, на что он был способен. Ушел на следующий день после того, как ее забрали в больницу. Похоже,

все ушли вместе с ней. Но вы не беспокойтесь. Я заберу этого голубя.

Как только он поднял мертвую птицу, живой голубь вспорхнул с пола и опустился на свой насест, подняв облако пыли.

Быстрее любого кота Джессами протянул руку и схватил голубя, прежде чем тот успел понять, что произошло.

— Я же говорю, — Джессами аккуратно прижал голубя ладонью, — вам не надо больше беспокоиться обо всем этом. Я найду ему новое место.

— Да? Ну, если ты знаешь кого-то, кто держит голубей…

И тут на меня снова нахлынули какие-то смутные воспоминания, смешанные с четким осознанием происходящего в данный момент. Прямо передо мной стоял Джессами, держа в одной руке живого голубя, а в другой — мертвого, висящего, словно ворона на огороде для отпугивания птиц.

Наверное, все это я подметила бессознательно. Кроме того, мне вдруг вспомнилась картинка из далекого детства: папин кюре забирает моего кролика, чтобы сделать из него начинку для пирога.

— Нет, нет, — быстро произнесла я. — Оставь его здесь, пускай живет пока у меня. А мертвого

забери и, пожалуйста, закопай где-нибудь. А этого давай посадим назад.

— Хорошо, мисс, — легко согласился он, протягивая мне голубя. — Хотите, я принесу сюда воды?

— Спасибо, Джессами, я сама. Да и окно открыто. Спасибо тебе за помощь, и поблагодари маму за пирог, хорошо?

На этот раз он ушел. Я услышала, как хлопнула боковая калитка, и повернулась, чтобы теперь спокойно рассмотреть свою неожиданно обретенную голубятню.

Конечно, в мансарде стоял сильный птичий запах, в воздухе было полно пыли и частичек птичьего пуха. Должно быть, они недавно линяли. Однако я заметила еще кое-что, о чем не стала говорить с Джессами. В мансарде жили не только голуби. У стропил виднелись гнезда ласточек, пол был покрыт следами крошечных птичьих лапок, а недалеко от кормушки, в самом темном углу я обнаружила маленький серый комочек размером с орех — катышек филина. Он был еще совсем свежий. Приглядевшись, я нашла еще два, причем только один был сухим и старым. Итак, каких бы птиц ни держала здесь тетя раньше, теперь они скорее всего покинули это место. Филин

и голуби никогда не будут добрыми соседями. Наверное, когда тетю положили в больницу, здесь поселился этот ночной хищник…

В общем, ничего странного. Кроме разве того, что Вильям ни разу не упомянул о птицах.

Я разжала ладонь, и голубь, сделав круг, опустился около моих ног и стал клевать зерно.

На этот раз, заперев дверь, я не оставила ключ на гвозде, а взяла его с собой и вышла в сад.

Велосипед снова стоял в сарае, куда его скорее всего поставил Вильям. Мальчик накачал шины, как и обещал. Теперь я не удивилась бы, увидев, что насос спокойно висит себе на велосипедной раме. Но его там не было. Я огляделась в поисках того, что Вильям назвал «местом» Ходжа, и увидела в углу кучу пустых мешков, старую рогожку и газеты. Ни малейших следов пребывания кота. Я вышла из сарая и пошла по направлению к огороду, громко зовя Ходжа. Никаких результатов. Ладно, можно возвращаться. Ужин у меня был, поэтому ехать в город мне расхотелось. Займусь уборкой, а завтра со свежими силами поеду в Арнсайд.

Может быть, самым большим открытием для меня в этот день стала мысль, что мне нравится домашняя работа. Конечно, я много занималась

ею и у себя, в доме моего отца. Но там ничего нам не принадлежало. Да и «помогать матери по хозяйству» — совсем не то же, что заниматься своим собственным домом. Теперь у меня была собственность. Я задумалась. Да, пожалуй, можно сказать, что раньше у меня не было ничего своего. Даже игрушки и детские книжки куда-то исчезли, когда я пошла в школу. Не говоря уже о собаке, кролике, вообще обо всем, что я считала своим. Я приехала в Торнихолд, не имея при себе практически ничего, самая что ни на есть бесприданница…

А теперь у меня появился свой дом.

Наверное, тетя Джэйлис понимала, как мне нужно утолить это собственническое чувство, чувство независимости и почти болезненной ответственности. Она знала, что Торнихолд вместе со всем содержимым будет в надежных руках.

Поэтому весь остаток дня я чистила, мыла, скоблила и драила все на кухне. Каждая кастрюля и сковорода была начищена до блеска, фарфор сиял. Грязные занавески отмокали в лохани, половики проветривались на солнце.

Когда стемнело и я уже совсем выбилась из сил, кухню было не узнать. Не в силах сдержать радости, я вышла во двор и нарвала большой бу-

кет астр и львиного зева. Поставив цветы в вазу на чистую скатерть, я невольно залюбовалась картиной. А грязные занавески могут покиснуть в воде и до завтра. Утром постираю и повешу на солнышке.

А теперь ужин. Я разогрела пирог, который испекла для меня Агнес Трапп, потом поднялась к себе, приняла горячий душ, переоделась в халат и тапочки и пошла в спальню. Где-то вдалеке над лесом ухнул филин. Собирается домой, в мансарду или вылетел на охоту? Завтра — в город. Список покупок, банк, продукты, телефон. Остальное подождет. Чего? И тут я с необыкновенной ясностью поняла, как мне хорошо одной. Никогда в жизни я не была так счастлива.

Я решила еще раз спуститься на кухню и уже на ступеньках вдруг услышала странный звук, будто что-то мягко упало на пол. Я огляделась по сторонам. Ничего. Задняя дверь все еще была открыта. Я выглянула наружу, затем вышла на крыльцо — сквозь ветки деревьев виднелось чистое, полное звезд осеннее небо. Воздух был свеж и сладок. Снова ухнул филин. Повернувшись, чтобы зайти в дом, я почувствовала, как по ногам мягко скользнули листья мяты. В воздухе стоял густой запах розмарина.

Ощущение полного счастья, которое лишь на минуту сменилось беспокойством из-за непонятного звука, снова вернулось ко мне. Я сняла с гвоздя ключ от задней двери и вошла в дом. В теплый, гостеприимный, мой дом. Сейчас стаканчик шерри, и…

Я вошла в кухню. На коврике перед печью сидел кот. Тощий, лохматый, с огромными глазами, в которых яркими огоньками горели зрачки. Черный с белыми лапками и грудкой. Шерсть на его спине стояла дыбом не то от страха, не то от злости. Но ко мне это, похоже, не относилось.

Когда я подошла, кот выгнулся, поднял голову и замурлыкал.

Глава 12

— Так это ты охотишься за голубями? — спросила я немного погодя.

Сначала нужно было накормить его — я сразу заметила, что кот здорово оголодал. Я налила ему теплого молока, открыла банку кошачьих консервов, которые нашла при уборке в шкафу; засомневалась, сколько дать ему на первый раз, чтобы не навредить, положила половину и стала смотреть. Кот набросился на еду, не теряя, впрочем, достоинства. Доев, он потянулся, прыгнул в одно из «виндзорских» кресел у камина и стал умываться. Он умывался, пока я пила свой шерри, пока я мыла посуду после ужина, пока я ела яблоко, пока варила себе кофе. Лишь когда я допила свою чашку, он счел себя достаточно чистым и свернулся клубком, громко мурлыча и неотступно следя за мной своими огромными яркими глазами.

— Можешь не отвечать, — продолжала я. — Все равно это глупый вопрос. Если бы ты поймал голубя, ты бы съел его, правда? Да ты бы и не стал ловить их, да? Ведь ты — Ходж, не так ли?

Легкое движение головы, искорки в глазах подсказали мне, что я не ошиблась.

Я налила себе еще одну чашку кофе, села в кресло напротив и задумалась.

Ходж. Кот тети Джэйлис, который исчез сразу после того, как она уехала из Торнихолда, и вернулся, когда приехала я и наконец осталась одна, без посетителей. Он-то, наверное, и произвел тот странный мягкий звук, так напугавший меня.

Только теперь я осознала, до какой степени была рада его видеть. Единственным поручением тети Джэйлис было «присмотри за Ходжем, он будет скучать по мне», и то я не могла до сих пор выполнить должным образом. Кроме того, несмотря на свои мысли о преимуществах одиночества, такому обществу я всегда была рада.

Ходж, кот колдуньи.

Так его назвал Вильям. Когда тетя Джэйлис уехала из Торнихолда, он исчез, предпочтя голодную жизнь, и вернулся, когда приехала я.

«Вы тоже колдунья?» — спросил Вильям.

Я засмеялась и поставила пустую чашку на стол.

— Ты как думаешь? — обратилась я к коту. — Мне кажется, что рано или поздно мы это узнаем. И, судя по всему, скорее рано. Ну, ладно. Я иду

спать. Ты где спишь? А? Конечно же, как я раньше не догадалась.

Как только я встала, кот тут же спрыгнул с кресла и зашагал вверх по лестнице, победно задрав хвост. Пока я переодевалась, он уже пристроился на кровати, около подушки.

Наверное, он не только проголодался, но и чертовски устал. Не успела моя голова коснуться подушки, как громкое мурлыканье резко прекратилось, и кот погрузился в глубокий сон.

Я проснулась, как показалось, почти в ту же минуту. Однако, судя по свежему и бодрому состоянию, я уже проспала несколько часов. И мне захотелось немедленно вскочить с постели. Было душно.

Стараясь не разбудить кота, я подошла к открытому окну.

За ветвями деревьев в вышине поблескивало несколько звезд и светила бледная луна, слегка прикрытая прозрачными облаками. Мое ночное зрение необычайно обострилось, и, несмотря на непроглядную темень, я смогла разглядеть высоко на буке, что рос у сарая, пару филинов. Они сидели близко друг к другу, у самого ствола. Потом один из них вытянулся и завертел головой, словно она была у него на шарнире, стараясь

разглядеть что-то за деревьями.

Свет. Низкий, желтоватый, странный. А за ним пришел звук, — казалось, он шел издалека. Но самое невероятное — он напоминал пение! Не обычное пение, а медленное ритмичное заклинание. Сердце мое забилось, и я буквально свесилась с подоконника, чтобы разглядеть, где это происходит.

Ощущение такое, словно смотришь с высоты на море — неверный желтоватый свет, легкий ветерок в ветвях деревьев, необыкновенное пение — все это звало прочь из дому, в ночь, в темноту.

Я потрясла головой. Нет, не сплю. Комната, сад, деревья — все имело привычные очертания. И вдруг как будто в ответ на пение издалека пришел еще один звук — унылый собачий лай. Я была уверена, что лает та же самая собака, что и прошлой ночью. На подоконник рядом со мной взлетел Ходж — шерсть дыбом, глаза горят — и яростно зашипел вниз, в темноту.

Ведьмин кот. Так вот что происходит там, за деревьями, — шабаш ведьм! Это я поняла каким-то непонятным, вдруг проснувшимся во мне чутьем. Сборище местных ведьм. Значит, они все еще существуют! И, вполне возможно, что тетя Джэйлис была одной из них… Тогда, вероятно, мне,

второй Джэйлис Торнихолда, тоже передались ее способности, ее сила, которая сейчас наполняла все мое тело.

В этот момент Ходж вдруг выпрыгнул из окна в темноту. Окно находилось слишком высоко даже для кошки, я попыталась поймать его, но потеряла равновесие и упала сама.

Я так никогда и не достигла земли. Поток свежего ночного воздуха подхватил меня и понес над деревьями, как птицу или, скорее, как сухой листок. Воздух вокруг меня был упругим, как вода. Я даже могла контролировать свои движения, будто плыла. Я тряхнула головой, и мои волосы рассыпались по плечам. Счастье было в каждом глотке воздуха, в каждой частичке моего тела. И какая бы плата ни потребовалась за это наслаждение, оно того стоило.

Черный лес подо мной поражал своей неподвижностью. Казалось, ветер есть только здесь, наверху, между верхушками деревьев и луной, которая сейчас уже заходила. И вот деревья остались позади, а передо мной на фоне бледной луны медленно вырастал неровный зубчатый холм. На вершине возвышались черные неровные силу-

эты древних менгиров[4]. Некоторые из них еще стояли, некоторые лежали на земле, в беспорядке разбросанные по всему холму. Поток воздуха, вынесший меня из окна, струился вокруг камней, освещенных тем самым желтоватым светом, который я заметила из своей спальни.

Легко, словно чайка на воду, я опустилась в нескольких ярдах от большого поваленного камня, на котором стоял светильник с горящим маслом. Около него я заметила кучку перьев. Нет, мертвого черного голубя со свернутой шеей.

Между камней двигались смутные тени. Я едва различала их в сумерках, но отовсюду, где я улавливала их движение, доносились те самые таинственные и чарующие заклинания, что принес мне в Торнихолд ветер.

Испытывая скорее не страх, а благоговение и возбуждение, я медленно приблизилась к освещенному камню. Ледяная трава приятно холодила ноги. Все мое тело горело, как в лихорадке. Эйфория от полета быстро исчезала, уступая место усталости. Даже неяркий свет светильника

---

[4] Примечания: 4

Менгир (от нижнебретонского *men* — камень и *hir* — длинный) — простейший мегалит в виде установленного человеком грубо обработанного дикого камня, у которого вертикальные размеры заметно превышают горизонтальные; древний обелиск.

слепил глаза. Я невольно прикрыла их рукой. Круг теней возле меня сужался. Монотонные заклинания становились все громче и отчетливей. Луна уже почти исчезла — только край золотисто-медного диска выглядывал из-за облака.

Кто-то стоял между мной и камнем. Я посмотрела — высокая женщина, закутанная в плащ или накидку, которую полоскал вокруг нее ветер. Что-то было в этой фигуре неуловимо знакомое, моментально перенесшее меня на берег пруда, в солнечный день более двадцати лет назад.

«Тетя Джэйлис!» — беззвучно закричала я. Тень не сдвинулась с места, но в ту же секунду под моими ногами что-то зашуршало, зашелестело и, глянув вниз, я увидела деловитого ежика, спешащего по своим делам в высокой траве. Какая-то птица пролетела на уровне моей груди, и даже в сумеречном свете луны я различила лазурное оперение зимородка. Потом из темноты выпрыгнул Ходж и стал, мурлыкая, тереться мне о ноги. Я покачнулась и упала лицом вниз. Земля оказалась на удивление теплой и мягкой.

Чьи-то руки осторожно перевернули меня на спину. В круге неясного желтоватого света над собой я увидела несколько лиц. Большинство из них были неясными и расплывчатыми, как это

бывает во сне, но два оставались вполне реальными. Их я узнала.

— Она будет в порядке? — обеспокоенно спросил Джессами Трапп.

— Да, конечно, — улыбнулась, глядя на меня, Агнес. — Видишь, все получилось, как я и говорила. Я сразу поняла! С вами все в порядке, моя дорогая… а в следующий раз будет даже лучше. А теперь закройте-ка глаза, и мы доставим вас обратно.

Не успела она договорить, как мои глаза захлопнулись, словно я была безвольной куклой, покорной чужой воле. Я чувствовала, что меня поднимают, что я опять плыву по воздуху, но больше понять ничего не удалось — то ли Агнес заблокировала своим приказом мое сознание, то ли погрузила меня в глубокий бесчувственный сон. Открыв глаза, я увидела, что лежу в собственной кровати в Торнихолде, а в ногах мирно спит Ходж. В закрытое окно лился сероватый свет раннего утра.

Я проснулась и подумала, что это был сон.

Мне потребовалось немало времени, прежде чем я стряхнула с себя остатки этого странного и тяжелого сна. Именно сна, потому что это должно было быть сном. Теперь, в ясном солнечном

свете, все зловещие атрибуты ночного шабаша казались абсолютно нелепыми и нереальными.

Ну конечно же, это был сон. Я вытянулась на кровати и задумалась. Чувствовала я сейчас себя так, будто всю ночь не спала, а действительно летала на шабаш. Глаза болели, словно в них попал песок, кожа горела, простыни пахли потом. Людям иногда снятся кошмары, и они даже просыпаются в холодном поту, но сейчас это выглядело как-то по-другому.

Но тогда значит… о Боже! Тогда значит, я летала над верхушками деревьев в свете луны на шабаш ведьм, танцующих и распевающих заклинания у каких-то друидских камней? И даже попыталась подойти к их алтарю с желтым светильником! К алтарю, у которого стояла тень покойной тети Джэйлис и на котором в качестве жертвоприношения лежал мертвый черный голубь из Торнихолда.

Нет, все указывает на то, что это просто ночной кошмар. И кошмар этот состоял из элементов прошлого — еж, зимородок, тетя Джэйлис — и настоящего — голубь, Агнес и Джессами Трапп. Но даже если предположить, что все происходило на самом деле, то как же я тогда попала домой? Как Траппы доставили меня домой? Влетели со

мной в окно, а потом вылетели и закрыли его на задвижку с помощью колдовских ухищрений?

Ходж проснулся, вытянул лапу и зевнул.

— Ну что, ты летал со мной сегодня ночью?

Ответ Ходжа скорее всего можно было истолковать как отрицательный. Кот заснул вечером на подушке, а утром очутился у меня в ногах, но это ничего не доказывает. Здравый смысл подсказывал мне, что появление Ходжа у алтаря тоже было частью кошмара. И немудрено — в комнате закрыто окно и так душно…

Закрыто?! Но ведь я своими руками открыла его, перед тем как лечь спать! А сейчас оно закрыто на щеколду.

Я резко села на кровати, не спуская глаз с окна. Здравый смысл все еще продолжал борьбу с воображением, но явно проигрывал. Может быть, рассохшиеся деревянные рамы захлопнулись сами, а язычок щеколды опустился от удара? Сомнительно. Неужели я так глубоко заснула, что даже не слышала шума? Настолько глубоко, что проснулась с головной болью, а простыни стали влажными от пота? Ну, ладно. Теперь я, по крайней мере, не сплю. Ярко светит солнце, и дома полно всякой работы. А работа, как известно, лучшее лекарство против кошмаров и

галлюцинаций. Для начала надо сменить постельное белье.

Отбросив одеяло, я спустила ноги на прохладный пол и потянулась за халатом.

— Вставай, лежебока, — обратилась я к Ходжу. — Вставай, нам еще надо…

Я замолчала на полуслове. Кот спрыгнул с кровати и сейчас стоял на полу, сладко потягиваясь. На одеяле, на том месте, где он только что лежал, я увидела смятый пучок сухой травы. А на полпути между кроватью и окном на зеленом ковре валялся желтый опавший лист.

У Кольриджа где-то есть строки, которые, прочитав один раз, уже не забудешь. Я не помнила их наизусть, но содержание быстро пронеслось в моей голове, когда я автоматически опустилась на край постели, все еще сжимая в одной руке халат. «Если человек во сне побывал в Раю и получил там в доказательство этому цветок, а когда он проснулся, то увидел, что сжимает этот цветок в руке, — что же это значит?»

Так что же это все значит?!

Ответа на этот вопрос не было, хоть я и побывала не в Раю, а в каком-то туманном преддверии Потустороннего Мира и нашла у себя утром не цветок, а пучок травы.

Откуда-то сверху донеслось шуршание, заскребли чьи-то маленькие коготки. Ходж вскинул голову. Зрачки его огромных желтых глаз сузились.

— Забыла отнести воду в мансарду, — громко сказала я. Мне пришлось прочистить горло, чтобы повторить эту фразу отчетливо. Потом я взяла халат, послала Кольриджа к его опиумным видениям и пошла в ванную.

К тому времени, когда я помылась и оделась, сон почти совсем рассеялся, как это часто бывает со снами, но где-то в глубине души я продолжала думать о нем. Еще до завтрака я выпустила Ходжа через черный ход (прочно закрытый на засов), налила полный кувшин воды и поднялась в мансарду.

Осторожно открыв дверь, я обнаружила, что в мансарде уже два голубя. Мой вчерашний знакомый ходил по полу, скребя коготками, и клевал зерно. На подоконнике сидел второй — сизо-серый, с глазками цвета мексиканского опала. Увидев меня, он стал неуверенно топтаться на месте и тихо курлыкать, а когда я бросила на пол еще пригоршню зерна и налила в поилку воды, слетел вниз и приступил к трапезе. Присмотревшись получше, я заметила на лапке сизо-серого

кольцо.

Осторожно подойдя к поилке, я протянула руку и взяла голубя. Он не сопротивлялся. Потом без труда отогнула кольцо и вытащила записку. Большие печатные буквы на тонкой бумаге сложились в две строчки:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, МОЯ ДОРОГАЯ.

Твоя тетя Джейлис.

Глава 13

После завтрака, перед тем как отправиться в Арнсайд, я тщательно закрыла на ключ обе двери.

Арнсайд оказался небольшим городком с несколькими магазинами и чересчур большой для такого прихода старинной церковью. Я быстро получила продовольственные карточки и зарегистрировалась в мясном и бакалейном магазинах. Потом направилась в банк, где познакомилась с чрезвычайно любезным управляющим по имени Торп. Он очень тепло отзывался о тете Джэйлис, показал мне ее текущий счет и выразил желание помочь мне освоиться и решить возникшие проблемы. Я передала ему бумаги от «Мартин & Мартин», подписала все необходимые документы и спросила у мистера Торпа, можно ли установить в Торнихолде телефон. Тот сейчас же сделал необходимые звонки и сообщил, что, хотя провести отдельную телефонную линию сейчас очень сложно, телефон должны установить еще до начала зимы, так как Торнихолд расположен в стороне от другого жилья и какая-то связь с

миром мне, конечно же, необходима. Что же касается мистера Ханнакера в Сант-Торне, то он знает его очень хорошо, и если я решу покупать машину у него, то буду в надежных руках.

И, наконец, при упоминании об услугах миссис Трапп он позвонил в «Мартин & Мартин» и вышел, оставив меня одну в кабинете. «Мартин & Мартин» подтвердили, что наняли миссис Трапп для уборки и подготовки дома к моему приезду. Они сообщили ей, что мисс Рэмси приедет в сентябре, поскольку сами не знали точной даты. Все ли было в порядке и как я нашла свой новый дом? Я поблагодарила их, заверила, что мне все очень понравилось, потом поблагодарила мистера Торпа за помощь и вышла. Состояние моих дел так меня обрадовало, что я не удержалась и тут же купила своему дому первый подарок — пару салфеток и три метелочки для пыли.

Теперь можно было отправляться домой. Сначала около мили я ехала по шоссе, затем свернула влево и остаток пути ехала по извилистой немощеной дороге, поросшей с обеих сторон высокими деревьями и плющом. То здесь, то там вдоль дороги виднелись заброшенные каменоломни. Теперь они густо заросли ежевикой и терном. Даже издали было видно, что их колючие ветки

сплошь покрыты спелыми ягодами. Я подумала об обобранных деревьях в моем саду и пустых банках для джема в сарае. Значит, на зиму у меня будет ежевичное варенье.

Из таких простых вещей и состоит счастье. Под тихое звяканье консервов в сумке на багажнике я весело крутила педали и незаметно оказалась у въезда в Торнихолд.

Подъехав к воротам, я увидела Агнес Трапп, которая развешивала на веревке выстиранные полотенца и клетчатые рубашки Джессами.

Поставив на землю пустой таз из-под белья, она приветливо помахала мне и пошла к дороге.

— Ездили в город?

— Да, просто замечательно съездила! Я ведь уже забыла, когда последний раз садилась на велосипед, но все равно не разучилась! Дорога прекрасная, такая тихая и спокойная. Даже на шоссе почти нет машин.

— По воскресеньям, когда приезжают фермеры, бывает не так спокойно. А сам Арнсайд вам понравился?

— Очень. Хотя я не особенно долго гуляла: хотелось побыстрее ехать домой. Церковь просто восхитительная. Настоящий собор. Наверное, музыка там звучит замечательно?

— Музыка? — Она явно удивилась. — Я плохо знаю музыку, А вы регулярно ходите в церковь?

Я засмеялась:

— Так уж меня воспитали.

Быстрый взгляд.

— Вы не похожи на вашу тетю.

— Да, тетя не была особо верующим человеком.

— М-да. — Агнес кивнула, словно я подтвердила ее догадки относительно моей тети. — Как вы справляетесь с хозяйством? Вид у вас немного уставший. Вы не выспались? Наверное, птицы в мансарде виноваты. Джессами вчера рассказал мне о них. Вам следовало бы отдать ему того голубя вместе с мертвым. У мисс Саксон на чердаке всегда было полно всяких птиц, все прилетали за кормом, который она им оставляла. Паразиты, вот кто они, по-моему, но ваша тетя была настоящая леди и всех их любила. Так это они не давали вам спать?

— Нет, в мансарде был всего один голубь, и я его даже не слышала.

— Отдали бы его Джессами и закрыли окно.

— Спасибо, я может быть, так и сделаю. Но спалось мне замечательно, не беспокойтесь.

— Тогда все в порядке. Просто вы сегодня такая

бледная… Это ничего, что я так говорю?

— Ну что вы, конечно же нет. — Слишком много вопросов для обычного обмена приветствиями. И я решила попробовать сама. — Впрочем, знаете, сегодня ночью мне действительно снился неприятный сон.

— Вот это плохо. Особенно когда вы одна дома. И о чем же?

Да, все эти вопросы неспроста.

— Не помню, — безразлично ответила я. — Кажется, что-то связанное с музыкой. Вы знаете, во сне все обычно так ярко и отчетливо, а когда просыпаешься — ничего не помнишь.

— Я подумала, может быть, это я приснилась вам в страшном сне? — весело рассмеялась Агнес, поглядывая на меня сбоку своими голубыми глазами.

— А знаете, — медленно проговорила я, — по-моему, вы действительно мне снились… Но это уже невежливо, да? Ах, кстати, вот о чем я хотела вас спросить — уже вторую ночь подряд я слышу собачий лай, вы не знаете, у кого это? Видите ли, этот лай такой необычный, и я просто хотела узнать… ну, одним словом, все ли там в порядке.

— Не знаю. Вы скоро привыкнете ко всем этим деревенским звукам. Я вот, например, ничего не

слышала.

— Конечно. Ну что ж, я, пожалуй, пойду, миссис Трапп.

— Агнес, называйте меня Агнес.

— Хорошо, Агнес. Да, вы не знаете, когда можно будет собирать ежевику?

— При такой погоде через неделю. Она растет везде вдоль дороги, по которой вы приехали.

— Да, я заметила.

— Собрались варить джем?

— Да, если найду рецепт. У мисс Саксон осталось много сахара. Я бы больше хотела сварить варенье, а не джем, но боюсь, не помню, в какой пропорции что класть. А у вас случайно нет рецепта?

— Есть, но поищите лучше рецепты мисс Саксон. Ее ежевичный джем был лучшим во всей округе. Он, наверное, где-то среди ее книг. Она очень любила экспериментировать, и когда получалось, обязательно записывала рецепт. Так что поищите, и у вас будет варенье гораздо вкуснее моего.

— Правда? Тогда я поищу ее рецепты. А вам она его не давала?

— Ваша тетя никогда не давала никому свои рецепты. Но если вы их найдете и не будете про-

тив, то я бы сама хотела взглянуть на них. Когда я вытирала пыль на книжной полке на кухне, я просмотрела там все, но книги с рецептами там не было. Вина она тоже делала замечательные. Вы никогда не пробовали делать вино?

— Пока нет, но очень хотелось бы попробовать. Давайте я поищу эту книгу с рецептами, и мы попробуем вместе.

— С удовольствием. Вы и печете сами? — Ее взгляд остановился на сумке с продуктами, из которой виднелся пакет с мукой. — Отличный цыпленок. От Болтера? Видно, вы ему понравились — целых два яйца! Они сейчас на вес золота, давайте я найду для них коробку, а то вы их раздавите банками.

— Спасибо, не стоит. Я уже почти дома. А два яйца потому, что сегодня я выкупила двойную норму — за эту и прошлую неделю.

— Ну, — ответила Агнес, — вот поживете с мое... — И добавила со значением: — Не помню, чтобы у вашей тети переводились продукты.

— Похоже на то. Содержимое шкафов просто радует глаз. До свидания, Агнес. Сегодня отличный ветреный день. Утром я повесила сушиться белье, и теперь оно, наверное, уже высохло, и нужно его гладить.

Приехав домой, я откатила велосипед в сарай и замерла в удивлении — дверь дома была открыта, а на пороге стоял Вильям.

— Вильям! Как ты туда попал?

Он не обратил никакого внимания на мой вопрос. Его лицо так и сияло.

— Мисс Джэйлис! Ходж вернулся!

— Вчера вечером. Вильям, как ты попал в дом? Ничего, я не против, если это ты, но мне все же непонятно. Утром я закрыла дверь на ключ, а черный ход закрыт изнутри на засов.

— В одном кухонном окне уже давно сломана задвижка. Мисс Джэйлис это никогда не беспокоило. Я пришел, увидел на пороге Ходжа и решил, что он голоден, поэтому влез через окно и налил ему молока. Вы действительно не сердитесь?

— Нет, что ты.

— Вы сказали, он вернулся вчера вечером. Но где вы его нашли? Где он был?

— Он пришел сам, очень поздно, и выглядел ужасно голодным и испуганным. Вильям, ты знал, что мисс Саксон держала голубей?

— Конечно. В мансарде. Я даже помогал ей ухаживать за ними и кормить их. Перед тем как ее положили в больницу, кто-то пришел с большой корзиной и забрал их всех. Давайте-ка я помогу

вам. Ух, какая тяжелая сумка. А, вы купили две банки кошачьих консервов, и рыбой пахнет. Я мог и не спрашивать, знаете ли вы, что Ходж вернулся. Похоже, только он здесь и собирается есть.

Я засмеялась и вошла в дом вслед за мальчиком.

— У меня есть целый цыпленок и два яйца. Пока голод мне не грозит, если, конечно, Ходж не поможет мне управиться со всем этим добром раньше времени.

— Это он может. Но яйца я вам принес. Папа велел отнести вам — поэтому я и пришел. Дюжина там, в корзинке, на столе.

— Как мило! Спасибо тебе большое, Вильям, и поблагодари за меня своего отца. Где вы живете?

— Недалеко, по дороге на Тидворт. Наш дом называется Боскобель. Раньше было просто — ферма Таггса, но отец сразу переименовал ее.

— Боскобель звучит красивее, чем ферма Таггса. Так твой отец фермер?

— Нет, это уже не ферма. Папа пишет.

— Что пишет?

— Книги. Я, правда, ни одной не читал. Вернее, не дочитал до конца. По мне они немного скучноватые. Вообще-то он довольно извест-

ный писатель. Его псевдоним Питер Воген. Не читали?

— Боюсь, что нет. Но имя я слышала. А теперь обязательно прочту. Он и сейчас пишет?

— Да, поэтому почти все время у него ужасное настроение, и я стараюсь поменьше бывать дома, — просто сказал Вильям. — В такое время лучше держаться от него подальше.

Я улыбнулась.

— И твоя мама тоже от него прячется?

— Она поступила еще лучше. Она оставила нас, — спокойно ответил Вильям. — Давайте покормим Ходжа.

— Давай. Можешь дать ему рыбы, а я пока переоденусь.

Когда я вернулась, кот сидел под столом, опустив мордочку в миску с едой. Рядом на коленях сидел мальчик, сияя от счастья. Я невольно подумала о своем детстве, в котором было так много практичных мыслей и так мало настоящей заботы об одиноком впечатлительном ребенке. То, что Вильям проводил столько времени с тетей Джэйлис, которая годилась ему в бабушки, а теперь со мной, больше не удивляло меня. Одинокий, погруженный в работу отец, долгие дни школьных каникул, что же ему еще делать? Зна-

чит, можно не беспокоиться о том, что мальчик проводит так много времени вне дома — его отец наверняка знает, куда он ушел, а я в скором времени сама нанесу визит в Боскобель и сама выясню, что думает отец о долгих отлучках Вильяма.

Мальчик поднял голову.

— О чем вы думаете? У вас грустное лицо.

— Да так, ни о чем, — ответила я, хоть это и было неправдой.

А думала я сразу о трех вещах. Во-первых, о том, что Агнес Трапп, которая, казалось бы, подмечала малейшие детали, никак не откомментировала покупку кошачьих консервов и пахучего влажного пакета с рыбьими обрезками, который отгораживал два драгоценных яйца от консервных банок.

Значит, ей было известно, что Ходж уже дома.

Она нарочно выспрашивала меня, как я спала ночью, и это неспроста.

И, наконец, я думала о том, что в дом можно забраться через кухонное окно и открыть дверь изнутри. И Джессами мог сделать это так же легко, как и Вильям.

Это было невероятно, ужасно, но получалось, что теоретически Агнес и Джессами Трапп действительно побывали у меня в спальне прошлой

ночью, оставив после себя пучок травы и листок! И если мой кошмар был отчасти явью, то можно допустить, что я действительно видела их лица, склонившиеся надо мной. А они, наверное, заметили тогда Ходжа, который тут же улизнул с подушки и лег у меня в ногах, когда они ушли.

Но зачем им все это? Впрочем, Вильям рассказывал, что Агнес «все вверх дном перевернула» на кухне, словно искала что-то. Очевидно, я приехала слишком рано, и она еще не успела найти эту вещь. Потом я отказалась от ее помощи по хозяйству и все время держала двери запертыми. Опять не сходится. Если бы она хотела обыскать дом, то логичней было бы подождать, пока я уеду на полдня в город, как сегодня, а не рисковать так, ведь я могла проснуться и застать ее за этим занятием. Конечно, можно было дать мне снотворное… Но когда и где? Странный звук на кухне, который я услышала на лестнице? Или, скорее, пирог к ужину? Положить что-нибудь подходящее в начинку… Стоп-стоп-стоп. Хватит. Что это я выдумываю о милой деревенской женщине, которая так прекрасно относится ко мне с первого момента нашей встречи и помогает во всем? Нет, Джили, брось выдумывать всякую ерунду. Торнихолд — замечательное место, рай,

а не пристанище ведьм и колдунов, это твой дом, и ты его любишь.

— Вильям, — вдруг спросила я, — в котором часу ты пришел сюда?

— Около двух. Вы ушли незадолго до этого, потому что я встретил миссис Трапп, и она сказала, что видела, как вы ехали по дороге в город.

— Она была здесь?

Очевидно, что-то в моем голосе удивило Вильяма. Он внимательно посмотрел на меня.

— Да.

— А зачем она приходила?

— Не знаю. Она сказала только, странно, что вы выстирали простыни, на которых спали всего две ночи. И что они уже сухие, и их вместе с яйцами надо занести в дом. Тогда я сказал ей, что это невозможно, потому что вы заперли все двери и взяли с собой ключи, и что я собираюсь дожидаться вас в саду.

Я молчала.

— Видите ли, я впустил Ходжа, налил ему молока, а потом вышел за яйцами и увидел вдалеке миссис Трапп. Тогда я снова запер дверь и положил ключ в карман.

— Она решит, что я ей не доверяю, — неуверенно произнесла я.

— Мисс Джэйлис тоже не доверяла ей. Она мне сама говорила.

— Вильям! — Мое викторианское воспитание не могло допустить, чтобы ребенок говорил так о взрослых. Но Вильям вел себя во многом совсем как взрослый, и даже лучше многих взрослых, которых я знала. Кроме того, не время было читать морали. — Ты сказал ей, что Ходж вернулся? Она его видела?

— Нет, он пошел наверх, как только допил молоко. А я ей не говорил, потому что она его ненавидит. И он ее тоже. Когда мисс Джэйлис умерла, она хотела утопить его.

— Вильям, перестань!

— Но я сам слышал, как она это говорила!

— Кому?

— Джессами. Он — парень ничего, но немножко глуповат и очень ее боится, поэтому делает все, что она говорит.

— Понятно. — Теперь все начинало проясняться. Страхи Вильяма стали казаться мне вполне обоснованными. — Так вот почему ты так беспокоился, когда Ходж исчез?

Мальчик кивнул.

— И миски с нетронутой пищей?

Второй кивок.

— Просто не хотел вас расстраивать.

— Ты знаешь, я думаю, еда была в порядке. Ты же не нашел потом вокруг миски мертвых птичек и грызунов?

Он улыбнулся:

— Нет.

Однако мне было не до смеха.

— А теперь послушай меня серьезно, Вильям. Может быть, это все и правда, но с соседями нужно жить в хороших отношениях, понимаешь? Миссис Трапп была очень добра ко мне, и я хочу, чтобы ты с ней не ссорился, несмотря на то что она тебе не нравится. Или, вернее, не нравится Ходжу. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Вильям Понятливейший. — Она и к нам с папой очень хорошо относится. Печет пироги и всякое такое. Она здорово готовит, но когда приходит к нам, очень много разговаривает, а папа этого не выносит. Я вам говорил, даже я стараюсь поменьше бывать дома. Вы правы, это из-за Ходжа.

— Она скорее всего пошутила. Нельзя же просто так утопить взрослого кота, даже если бы ей и удалось поймать его. В конце концов, сейчас с ним все в порядке.

— С нами тоже, — сказал Вильям вполголоса,

обращаясь к Ходжу, который теперь тщательно умывался. — Вы не против, если я теперь займусь прополкой?

Он остановился в дверях и повернулся ко мне.

— Кстати, ваш насос лежит на полке в сарае. Прилетел, не иначе.

Глава 14

Стояли ясные и теплые осенние дни. Иногда внезапный порыв ветра срывал листок-другой, и они, плавно кружась, ложились на зеленую траву. Листья каштанов стали густого ярко-желтого цвета, вишни окрасились в алый и шафрановый цвета. Зимородков еще не было. Клумбы пестрели астрами и хризантемами, их аромат разносился далеко в неподвижном воздухе. Как-то утром я обнаружила прямо за входной дверью осенний крокус.

Никогда в жизни я еще не работала физически так много и никогда еще не была так счастлива. Пришел багаж, и, прежде чем разместить его, я принялась за запланированную уборку всего дома. Целые дни напролет я терла, скребла, мыла и чистила все подряд — гостиную, прихожую, кабинет, столовую, лестницы и т.д. Однажды пришел Джессами Трапп со своей матерью и предложил почистить водосточные желоба. Агнес приходила раз или два сама, настойчиво предлагая свою помощь. Я решила, что она нуждается в деньгах, и попросила ее убрать в старой кухне, а потом

— в мансарде. Наверное, чистка голубятни была для нее слишком сильным испытанием, потому что, после того как я ей заплатила, она больше не показывалась.

Постепенно дом засиял чистотой, чего, наверное, не случалось с ним уже долгие годы. Я расставила везде букеты из осенних цветов, которые тут же наполнили дом замечательным ароматом, и провела два или три дня, неторопливо расставляя свои вещи в новом доме. Картины я оставила напоследок — это всегда отнимает много времени. Вместе с багажом пришли мои цветочные этюды, которые мой отец считал достойными рамы. Они прекрасно сочетались со старыми картинами тети Джэйлис — нежными акварелями. Казалось, вся энергия ее кипучей натуры ушла в работу в саду и сбор трав, поэтому в повседневной жизни тетя любила только мягкие и нежные тона.

Одна картина особенно заинтересовала меня. На черно-белом рисунке был изображен совершенно неузнаваемый Торнихолд — без плюща и других вьющихся растений, покрывавших теперь его стены; сад тоже выглядел необычно: коротко подстриженная трава на лужайках, по которым прихотливо извивались дорожки,

а между дорожками — огромные цветочные клумбы. Колючая терновая изгородь в то время, наверное, едва доставала человеку до груди.

Но больше всего меня удивила монограмма художника в углу картины — Дж. С. Джэйлис Саксон. Но она никогда не видела Торнихолд таким, каким он был здесь изображен. Ее еще тогда, должно быть, и на свете не было. Тогда кто же автор? Еще одна Джэйлис? Это было бы забавно… Я долго не могла оторваться от картины — что-то в ней пробуждало во мне давно забытое ощущение. Мне захотелось рисовать. Не «стать художником» и выставлять огромные полотна в лондонских салонах, а просто запечатлеть красоту природы вокруг. Я решила начать завтра же. Буду рисовать. Набью немного руку и потом нарисую Торнихолд в том самом ракурсе, что и на старом рисунке — со стороны южного фасада. Пусть это станет первым свидетельством моей любви к Торнихолду.

А пока нужно начинать приводить в порядок сад. Частенько забегал Вильям и помогал мне. Вдвоем мы очистили от сорняков переднюю часть сада и приступили к уборке позади дома и в «огороде», где тетя выращивала целебные травы. К сожалению, весь урожай трав этого года

был потерян — многое заросло сорняками, да и я понятия не имела, как сушить и использовать растения. Фруктов в саду тоже не было (если их собрали Траппы, то я их не винила), однако оставалось очень много спелой ежевики. Я вытащила из сарая все банки для варенья, вымыла и приготовила для сбора своего первого урожая в Торнихолде. Если бы мне еще удалось найти знаменитые тетины рецепты! Может, тогда я бы лучше использовала то, что растет в саду.

Однако поиски ничего не дали. Записи тети Джэйлис как в воду канули, зато я обнаружила книгу старинных рецептов Вильтшира, собранных местным женским институтом. При одном взгляде на эти рецепты у меня слюнки потекли. Может, конечно, тетины были и лучше, но мне для начала хватит и этих.

И вот в один прекрасный день я отправилась за ежевикой.

За день до этого Вильям рассказал мне, куда ехать. Сначала через боковую калитку по лесной тропинке («она немного заросла, но ничего, вы проедете») до старой каменоломни, которая вся заросла ежевикой. Место это очень солнечное, и ежевика наверняка уже поспела.

Наутро я привязала к багажнику корзинку и

отправилась в путь. Ехать по лесной тропинке оказалось не так просто — зато я срезала три или четыре мили. По-летнему жаркое солнце затопило лощину, где находилась каменоломня. Ветра здесь не было, и воздух стоял неподвижно. Посередине в каменистом углублении стояла вода, словно в искусственном пруду. Вся земля вокруг была истоптана овцами. Они и сейчас бродили где-то неподалеку — их печальное блеяние эхом отзывалось от каменистых стен. Рядом в кустах им вторила малиновка. Между огромными валунами все еще цвел дикий тимьян, свешивались изящные головки колокольчиков.

Вильям не ошибся. Все кусты были покрыты сочными спелыми ягодами. Я отвязала корзинку и принялась за работу.

Я уже набрала почти полную корзину, когда вдруг обнаружила, что одна овца продолжает блеять совсем рядом, хотя все стадо уже ушло. Движимая любопытством, я пошла на этот жалобный зов к пруду. Никого. Только жук-плавунец сновал по воде, ловя каких-то мелких насекомых, изобиловавших в теплой воде. Малиновка вспорхнула и опустилась в кустах чуть поодаль. Жалобное блеяние доносилось откуда-то из глубины ежевичных зарослей.

Мне показалось, что теперь в нем звучал страх. Я поставила корзинку на камень и решительно направилась в кусты ежевики.

Овца запуталась в колючках, словно библейский баран Авраама. Наверное, когда она пыталась пройти сквозь заросли, колючие ветки застряли в густой шерсти. Испуганная овца шарахнулась в сторону, назад — и застряла окончательно.

Теперь она стояла неподвижно и время от времени издавала жалобный крик, который я и услышала с другой стороны каменоломни.

Я осторожно приблизилась к пленнице и постаралась освободить ее.

Это была нелегкая работа. Ни перчаток, ни ножа у меня не было, а для такого дела требовались ватные рукавицы и секатор. Как только мне удавалось вырвать одну колючую ветку из овечьей шерсти, и я принималась за другую, первая тут же опять впивалась в несчастную овцу. Через несколько минут мои руки до локтя были покрыты глубокими царапинами и порезами, из которых сочилась кровь. Я решила сделать перерыв и поискать подходящий инструмент — наверняка где-то поблизости можно найти разбитую бутылку или пустую консервную банку,

брошенную нерадивым туристом. И действительно, почти сразу я наткнулась на кострище, около которого валялись осколки бутылки из-под виски. Теперь дело пошло на лад. Через четверть часа овца уже могла двигаться, и я стала опасаться, что с перепугу глупое животное снова дернется и еще больше запутается в колючках.

— Эй, что это вы там делаете? — раздался сзади удивленный голос. Я вскочила с колен и повернулась. Ко мне шел мужчина средних лет, загорелый, с яркими серыми глазами под черными бровями. Темную копну волос уже тронула седина. И хотя одет он был очень просто, голос его свидетельствовал об образованности. На плече незнакомца висел бинокль, в руках он держал посох. Мягкая густая трава у пруда приглушала его шаги, поэтому я не услышала, как он подошел.

Должно быть, пастух или фермер. Я обрадовалась и уже открыла было рот, чтобы объяснить, в чем дело, как незнакомец снова заговорил:

— Черт побери, что вы делаете с овцой?!

Я в удивлении уставилась на него. Я-то думала, что, увидев меня за таким благородным занятием, пастух тут же кинется на помощь, а вместо этого он разговаривает со мной таким тоном!

— А на что, черт возьми, это похоже? — так

же воинственно ответила я, но, проследив за его взглядом, все поняла. Кровь густо стекала с моих рук на овечью шерсть. В правой руке я держала жестокое и гнусное оружие — горлышко бутылки.

— Это моя кровь, — обескураженно произнесла я. — Вы что, подумали, что я готовлю себе шашлык?

— О Господи! — воскликнул он. — Извините, но когда вот так видишь человека с горлышком бутылки в руках и кровь вокруг… Простите меня, пожалуйста. Вы сильно порезались?

— Нет, не очень. Это все колючки. Овца так сильно запуталась в кустах, что пришлось резать стеклом ветки. Боюсь только, что она снова бросится в кусты и запутается еще больше, а я уже и так поцарапалась до крови. Вы не поможете?

— Конечно. Отойдите-ка, дайте мне.

Он вытащил из кармана большой складной нож и стал обрезать наиболее колючие ветки. Остальные он отвел в сторону посохом, потом протянул посох мне.

— Подержите эти ветки, пожалуйста, а я пока попробую ее вытащить. Если я сразу обрежу все ветки, она, наверное, снова бросится в гущу зарослей.

Пока я держала ветки, незнакомец осторожно обхватил овцу руками и сильно дернул на себя. Она вылетела из ежевики и испуганно забилась, норовя кинуться назад, в спасительные кусты. Однако ему удалось развернуть ее в другую сторону и слегка подтолкнуть по направлению к пруду. Громко блея, овца помчалась между камней, туда, куда ушло до нее все стадо. Не считая слегка потрепанной и покрытой кровавыми разводами шкуры, она ничем не отличалась от остальных.

— Спасибо, — сказала я.

— Вам спасибо, — возразил пастух. — Если бы не вы, она бы умерла здесь.

— Вы бы сами ее нашли.

— Может быть, и так, а может, и нет — я забрел сюда совершенно случайно.

— И слава Богу, что зашли. Если бы даже я смогла освободить овцу, я бы никогда не смогла удержать ее — ведь они такие сильные, правда? Вот ваш посох.

Он взял посох и внимательно посмотрел на мои руки.

— Теперь давайте займемся вашими порезами. Сильно болит?

Я вытянула руки перед собой.

— Пустяки, царапины скоро заживут. Крови

было много, поэтому ранки чистые. Как вы думаете, можно промыть их этой водой?

Я опустилась на колени и смыла засохшую кровь. Незнакомец молча стоял рядом, а когда я закончила, протянул мне чистый носовой платок. Я поблагодарила его, сказав, что у меня есть свой, но, как на грех, выяснилось, что я забыла его дома.

— Берите же, — настойчиво повторил он. — Потом вернете. Я ведь живу здесь неподалеку, за холмом. Пойдемте сейчас ко мне, продезинфицируем порезы и наложим пластырь. Да и чашечка чая вам не помешает, не так ли?

— Ну… — нерешительно начала я.

— Вы уже собрали ежевику?

— Почти. В любом случае, я смогу прийти сюда когда-нибудь потом. — Я еще раз взглянула на свои руки. — И, кроме того, я не смогу сейчас собирать ягоды. Кстати, это ваша земля? Я нарушила границы частной собственности?

— Нет, что вы. Эта земля не принадлежит никому. Каменоломни всегда были общественным достоянием. Раньше, наверное, здесь останавливались цыгане. Давайте, я понесу вашу корзинку. О, да у вас здесь и велосипед!

— Я думаю, его можно оставить здесь. Заберу

на обратном пути.

— Давайте лучше не будем рисковать. Я его покачу. Мы пойдем вот этой дорогой. Здесь довольно крутой подъем, но зато этот путь самый короткий.

Толкая перед собой велосипед, незнакомец стал взбираться по тропе, которой до этого воспользовались овцы. Я последовала за ним. С вершины каменистого холма открывался вид на длинный серый дом, окруженный березовой рощицей. Недалеко от дома располагались все фермерские служебные постройки — сараи, стойла и так далее. В кронах деревьев громко кричали птицы, возле ворот собирался приходивший с пастбищ скот. Широкая проселочная дорога шла мимо фермы и терялась из вида за дворовыми постройками.

— Видите эту дорогу? — обратился ко мне мой спутник. — Прямо за тем холмом она соединяется с той, по которой вы приехали. Вы живете неподалеку, не так ли? В отпуске? Иначе мы бы давно уже встретились, и я бы этого не забыл.

Это был комплимент, и я рассмеялась.

— Еще и месяца не прошло с тех пор, как я здесь живу, но думаю, что вы знаете обо мне всю подноготную.

— Не понимаю.

Я кивнула в сторону фермы. В воротах показалась маленькая фигурка и бросилась нам навстречу.

— Папа! Мисс Джэйлис!

— Это Вильям рассказал мне, где собирать ежевику, — объяснила я.

Отец Вильяма подхватил мальчика и усадил на мой велосипед. Затем обернулся ко мне.

— Значит, вы наша новая колдунья? — улыбнулся он.

Глава 15

— Ну вот еще, — засмеялась я в ответ. — Меня зовут Джэйлис Рэмси, но все почему-то приписывают мне тетину репутацию. Вот и Вильям тоже с этого начал. Он и вам эти сказки рассказывает?

— Постоянно. Он любит сказки даже больше, чем я. По идее, это я занимаюсь исследованием вильтширских легенд и сказаний, ведь мне платят за это деньги, но пока Вильям преуспел в этом гораздо больше моего. Вообще он молодчина — успел даже заочно нас представить. Как поживаете, мисс Рэмси? Я — Кристофер Драйден.

Подойдя к воротам, он ссадил сына с велосипеда и подтолкнул к дому.

— Ну-ка, малыш, беги скорее вперед и ставь чайник.

— Как вам нравится Торнихолд? — обратился он ко мне.

— Я по-настоящему люблю это место.

Мистер Драйден прислонил велосипед к стене.

— Вам там не очень одиноко?

— Нет, что вы. Агнес и Джессами Трапп часто навещают меня, да и Вильям тоже. Кстати, я

собиралась сама прийти к вам познакомиться и узнать, не против ли вы, чтобы Вильям надолго уходил из дома. Да, и поблагодарить за яйца, которые вы передали. Огромное вам спасибо.

— Право, не стоит. Яйца и молоко на ферме не проблема. А мы все еще часть большой фермы, и семейство Йеландов очень хорошо к нам относится.

— Так что же насчет Вильяма? Мне очень нравится, что он приходит ко мне, да и, честно говоря, он делает большую часть работы в саду, но может быть, он нужен вам дома?

— Ничего подобного. Я почти все время занят своей книгой и боюсь, что уделяю ему слишком мало внимания. Мальчик любит Торнихолд и очень скучает по вашей тете.

— Мне тоже так кажется. Тогда все в порядке, не правда ли? За исключением того, что бедному Вильяму приходится много работать, приходя в гости!

— Ему это нравится. И спасибо большое за то, что вы ему это позволяете. Знаете, когда я погружен в свою книгу, я ничего и никого не замечаю вокруг. Я пытался спланировать работу так, чтобы быть свободным, когда у Вильяма каникулы, но так никогда не получается. Все лето я пишу и

совсем не занимаюсь сыном. Ну что ж, пожалуйте в дом! Прошу сюда — здесь ванная, вымойте руки чистой водой. Вильям, слетай наверх, принеси из аптечки бинты и пластырь, хорошо? Вот, а когда мы обработаем ваши порезы, тут и чайник подоспеет.

Вильям мгновенно вернулся, держа в руках бинт и пластырь, а затем исчез куда-то по своим делам. Я залепила царапины и вошла на кухню, где меня уже ждал гостеприимный хозяин. Фермерская кухня очень отличалась от моей — длинная, с низким потолком и огромным камином в дальнем конце комнаты. Впрочем, готовили здесь на электрической плите, что стояла неподалеку. Два окна выходили на зеленые пастбища и холмы. Оба подоконника были завалены папками и бумагами, в расположении которых при ближайшем рассмотрении можно было обнаружить некое подобие системы. Посередине комнаты стоял чисто выскобленный стол, с одной стороны которого помещались гора вымытой посуды, солонка, масленка и полбутылки красного вина. Вся кухня имела опрятный рабочий вид — кухня человека, занятого работой, но успевающего следить за собой.

На свободном конце стола стояли чайник и две

кружки. Хозяин заварил чай и поставил передо мной круглую коробку с печеньем.

— Садитесь, пожалуйста. Молоко? Сахар?

— Только молоко. Спасибо. — Я еще раз обвела глазами комнату. — Что замечательно в таких вот старых фермерских домах, так это кухня. Самое просторное и солнечное помещение во всем доме. Вы топите камин?

— Почти каждый вечер, когда на улице не очень жарко. Вильям делает здесь уроки. Что касается меня, то я работаю в своем «кабинете» — это небольшая комнатка, темная, как могила, с окном, выходящим на стену свинарника.

— Из всех комнат вы выбрали эту? — поразилась я.

— Она больше всего подходит для работы. Вы никогда ничего не напишете, сидя перед окном, из которого открывается чудесный вид. Будете целый день смотреть на птиц и думать, чем бы вы могли заняться на улице. А так ничего другого не остается — и вы работаете.

— Вы шутите?

— Ничуть. Тяжелую работу нельзя сделать, постоянно отвлекаясь. Устал — отправился на короткую прогулку, проветрился.

— Как Баньян, который писал в тюрьме, да?

Только вот у него не было возможности «проветриваться».

— Я думаю, его выпускали на прогулку время от времени, но он получил целых двенадцать лет, поэтому у него оставалось время и для работы.

— Для такого образа жизни подойдет любая тюрьма, так что вам повезло, — засмеялась я.

— Знаю, знаю. Поэтому я так рад, что Вильям часто бывает у вас. Ваша тетя была очень добра к нему, и ее смерть стала для него настоящим ударом. Она прекрасно ладила с детьми.

— Я знаю.

— Тогда можете представить себе мое удовольствие, когда Вильям вернулся из Торнихолда и рассказал, что познакомился с вами и что вы — просто потрясающая. Я цитирую.

— К тому же колдунья, не забывайте.

— Конечно! Я наслышан о том, как ваше прикосновение исцеляет больных хорьков.

— Мы просто дали ему пилюлю, приготовленную тетей. Вильям показал мне, где они лежат, и дал необходимые инструкции. Кстати, как вы справились с оставшимся лекарством?

— Замечательно. Хорек всего один раз прокусил толстую автомобильную крагу, когда я держал его. Вильям сравнивает ваши и мои способности

лечить животных и, надо сказать, отнюдь не в мою пользу.

Я засмеялась.

— Похоже, Шелковый совсем выздоровел. А моя тетя часто занималась м-м… э-э… медициной?

— Да, конечно. С тех пор как мы здесь поселились, мы только и слышали, как люди называют ее местной целительницей. Вы вообще хорошо знаете эту часть Англии?

— Совершенно не знаю. Раньше я жила на севере страны, а здесь очутилась только потому, что тетя оставила мне в наследство Торнихолд.

— Видите ли, Вильтшир до сих пор живет старинными преданиями и поверьями. Вы, наверное, знаете, что ваша тетя всерьез занималась ботаникой и гомеопатией, выращивала у себя в саду целебные растения и поставляла их большой фирме в Лондоне. Однако, кроме этого, она всегда старалась помочь местным жителям, когда те просили. Поэтому ей довольно часто приходилось лечить животных окрестных фермеров. Все это очень хорошо подходило к репутации Торнихолда, и вашу тетю считали колдуньей. Доброй, конечно. Вы знаете, что Торнихолд издавна считается обителью колдуний?

— Правда? В нем действительно есть что-то

притягательное, но дом колдуний? Я всегда представляла его такой маленькой темной избушкой без окон, с покосившейся грязной крышей и трубой, из которой валит черный дым… А Торнихолд — прекрасное респектабельное поместье восемнадцатого века.

— Это так и есть. Но в середине девятнадцатого века туда переехала молодая вдова из главной усадьбы и занялась магией. Она прожила там семьдесят лет и умерла, когда ей было девяносто два. После этого Торнихолд унаследовал ее репутацию.

— Боже мой! Но, я надеюсь, она занималась там не черной магией?

— Нет, что вы. Бедная девушка была очень религиозна и занялась магией, только чтобы уберечься от влияния своего мужа — председателя местного клуба сатанистов. Леди Сибил Сэнтлоу решила защитить себя и свой дом от происков дьявола. Она переехала в Торнихолд к управляющему, который женился на ее няне, и осталась жить у них. Сквайр Сэнтлоу неоднократно пытался вернуть ее домой, но, к счастью, скоро умер, и она стала жить спокойно.

— Ей повезло. Но вы ведь сказали, что она занималась белой магией?

— Она не имела к его смерти ни малейшего отношения. В местной хронике говорится, что «праздная и порочная жизнь привела его к раннему концу». Я думаю, это правда. Ему тогда было немногим более тридцати. Поместье перешло к племяннику, который если и заезжал иногда проведать тетку, то останавливался исключительно в Торнихолде. Главная усадьба сгорела в году, я думаю, тысяча девятьсот двенадцатом, а последний мужчина в роду погиб в сражении при Сомме. Поэтому старая леди Сибил — к тому времени уже просто Джуди Сэнтлоу — осталась в Торнихолде, продолжая охранять себя от дьявольских козней. Она умерла в тысяча девятьсот двадцатом году. Что такое?

— Нет-нет. Я подумала — ее инициалы «С» и «Г», не так ли? Они также могут быть и инициалами моей тети. Недавно я нашла старинный рисунок, на котором изображен Торнихолд, и не знала, кто мог его нарисовать.

— Может быть, и леди Сибил. Тогда все молодые девушки баловались рисованием. Почему вы улыбаетесь?

— Я тоже училась рисовать. В школе. И как раз сегодня решила, что, когда закончу приводить в порядок сад, обязательно снова займусь рисова-

нием и нарисую Торнихолд.

— Вот это настоящая преемственность!

— Только не говорите мне, что тетя Джэйлис тоже рисовала!

— Нет, все свободное время ваша тетя посвящала саду и растениям. Они ведь и привели ее в Торнихолд, когда она впервые приехала в Вестермэйнский лес собирать травы. В Торнихолде тогда жила престарелая чета, которая была не прочь переехать, а ваша тетя полюбила поместье с первого взгляда.

— Да, я припоминаю, она рассказывала мне об этом. Нет, спасибо. — Последняя фраза относилась к печенью, которое он мне настойчиво предлагал. — Еще чаю, если можно. Да-да, как раз. Спасибо. Вы говорили что-то о защите от происков дьявола?

— А вы никогда не обращали внимания на планировку Торнихолда? Сада, я имею в виду?

— Планировку? Огород и посадки лекарственных растений отделены от сада стеной, но что еще?

— Сад защищен от колдовства и черной магии. В западной части поместья растут можжевельник и тис, все поместье огорожено живой изгородью из ясеней, рябины и «святого» терна из Гластон-

бери. Старые деревья тоже были посажены с этой же целью. Ваша тетя много рассказывала мне об этом. Ее очень заинтересовала эта история, и она сделала все, чтобы оставить Торнихолд в первозданном виде.

— Трэфел, Джонсворт и анчар лишают ведьму всех злых чар, — проговорила я.

— Откуда это?

— Надпись на горшке с сушеными растениями в «кладовой» моей тети. Значит, она охраняла дом от злых сил даже изнутри.

— Неужели? Впрочем, неудивительно. Она ничего вам об этом не рассказывала, не так ли?

— Историю Торнихолда? Нет, никогда. Она говорила только, что этот дом как будто создан для нее, и она его полностью принимает. Теперь я понимаю, что она имела в виду. Вообще-то я с ней очень мало виделась. Она навестила меня три или четыре раза, когда я была еще ребенком. В детстве мне часто бывало одиноко и грустно, и тетя всякий раз появлялась, когда я больше всего в ней нуждалась. Поэтому я привыкла считать ее феей, доброй волшебницей. Мы ходили гулять — она показывала мне разные цветы и травы, рассказывала о животных и птицах. Однажды я спросила, не колдунья ли она, но тетя только рас-

смеялась. Мне всегда казалось, что она окружена каким-то магическим, волшебным ореолом.

«И теперь я понимаю, отчего», — подумала я, но вслух говорить не стала.

— А где вы тогда жили? — спросил Кристофер Драйден.

— Мой отец был викарием в шахтерском поселке на северо-востоке. Ужасное место, голое и мрачное. Потом меня отправили в школу в Лэйкдистрикт, там было просто замечательно. После я проучилась год в университете Дюрхэма, пока не умерла моя мать. Там я тоже совершенно не была на природе — денег не хватало на поездки в деревню, да и занималась я много. Потом умерла мама, и мне пришлось вернуться домой и ухаживать за отцом, так что несколько лет я вообще ничего, кроме угольных карьеров и кладбища, не видела. Теперь вы понимаете, почему Торнихолд кажется мне раем. Может быть, когда-нибудь мне и надоест одиночество и я заскучаю по обществу, но пока для полного счастья мне хватает вставать с птицами и ложиться, когда все в лесу замолкает. — Я поставила пустую кружку на стол. Боюсь, моя рука немного дрожала. — Извините. Вы слишком хороший слушатель, а когда долго живешь один, забываешь о правилах приличия и

становишься болтливым. Так, значит, вы просто прогуливались у той каменоломни? А я решила, что вы пастух.

— Да, я совершал ежедневный моцион.

— Простите, значит, я отвлекаю вас от работы? В любом случае, мне уже пора идти. Спасибо большое за чай.

— Так скоро? Посидите еще. Уверяю вас, сейчас я все равно не могу ничего писать — дошел до какого-то ступора в сюжете. Теперь я могу оторваться от лицезрения свинарника, гулять, разговаривать. Вся работа совершается в подсознании. Посидите же еще.

Он говорил очень убедительно, но веселые искорки в его глазах приводили меня в страшное смущение.

Неуверенно я начала:

— Спасибо, вы очень добры, но мне действительно пора. Надо сварить ежевичное желе, я не могу оставлять ягоды до завтра. А Ходж — это кот — голоден и ждет ужина. Уходя, я закрыла дверь, и теперь он не может попасть внутрь.

— А зачем вы закрываете дверь в такой глуши? По-моему, здесь никто этого не делает.

— Я знаю, но… Наверное, это еще по старой привычке.

Он быстро взглянул на меня:

— У вас были неприятности?

— Нет-нет, ничего подобного. Только… вы знаете миссис Трапп? Из дома привратника?

Что-то слегка изменилось в его лице. Словно рябь пробежала по поверхности воды.

— Знаю.

— Моя тетя иногда нанимала ее для помощи по дому, поэтому поверенные попросили ее подготовить дом к моему приезду, и она… Одним словом, она знает мой дом гораздо лучше меня.

— И думает, что может уходить и приходить, когда ей заблагорассудится?

— Да. Но в деревне все так делают, правда? Входят без стука и все такое?

— Ну, до некоторой степени. Она и сюда приходила довольно часто, помогала, угощала нас своей стряпней, но я не могу работать, когда меня все время отвлекают, поэтому пришлось сказать ей об этом.

Я вспомнила о страхах Вильяма и о том, что он мне рассказал. Наконец решилась:

— Как вы к ней относитесь?

Кажется, в его взгляде скользнуло смущение.

— Как отношусь? Не знаю. Она всегда очень добра и…

— Но вы ей доверяете?

— О, конечно. Вы наслушались Вильяма, и у вас тоже разыгралось воображение. По правде говоря, каждый раз она приносит с собой разнообразные угощения, а повар она замечательный. Однако, знаете ли, сплетни, слухи…

— Сплетни?

Он нерешительно замолчал, потом улыбнулся:

— Ну, раз вы тут живете, вы еще не раз услышите эти рассказы от других. Дело в том, что наша милая Агнес пользуется той же репутацией, что и ваша тетя, то есть слывет здесь целительницей или, если угодно, колдуньей. Мне кажется, ей очень хочется, чтобы все именно так и думали. Поговаривают, что она дала своей матери лекарство, которое отшибло у старушки последние мозги. Я-то считаю, что все это выдумки, и Агнес — абсолютно безвредное существо. Впрочем, никто ее не винит — старуха была кошмаром для всей округи, а теперь стала тихая, как котенок. Качается в своем кресле у окна, улыбается и что-то напевает.

— Мне кажется, я ее видела. За шторой в домике, что стоит справа от ворот.

— Да, она живет там. Я думаю, миссис Трапп дает ей какой-то сильный транквилизатор и

слегка превышает дозу. Впрочем, старушка жива и вполне счастлива, а у Агнес и Джессами жизнь стала полегче. — Он посмотрел на меня и засмеялся. — Теперь вы понимаете, почему я так опасаюсь всех ее пирогов и прочих лакомств?

— Д-да. Но от вас-то что ей нужно?

— Понятия не имею. До тех пор, пока я не услышал эту историю, я ел все и чувствовал себя прекрасно. Я просил ее не приходить без предупреждения, потому что не могу работать, когда меня отвлекают, а она приходила всегда то с пирогом, то с печеньем…

— Помадки, — отозвался Вильям с порога, — и домашние булочки. Потрясающие булочки. Папа все равно не ест сладкого, поэтому все достается мне. Хотите взглянуть на Шелкового?

— С ним все в порядке?

— Как будто и не болел никогда.

— Тогда, если ты не против, я взгляну на него в другой раз? — Я поднялась со стула. — Мне действительно пора. Спасибо еще раз за чай и за первую помощь.

— Были рады помочь. — Хозяин тоже поднялся со стула. — Вильям, возьми корзинку мисс Рэмси и привяжи к багажнику ее велосипеда.

А когда мальчик выбежал во двор, серьезно

добавил:

— Пожалуйста, не думайте ничего плохого о миссис Трапп. Она очень уважала вашу тетю и вам не желает ничего дурного, я уверен. Возвращаясь к вашему вопросу: да, она честный человек. Ваша тетя оставила подробное завещание со списком имущества?

— Да. Но я никогда не проверяла его. Вы думаете, это необходимо?

— Для вашего же спокойствия. Вот увидите — ничего не пропало. Может быть, наша Агнес и не бог весть какая колдунья и целительница, но человек она честный. Послушайте, неужели вам и вправду пора? Я надеюсь, что скоро вы опять нас навестите. Приходите в любое время, мы с Вильямом всегда будем рады вас видеть. А теперь, раз вы все-таки решили уходить, мы вас проводим и покажем дорогу домой.

Глава 16

Конечно же, это была любовь с первого взгляда.

Я говорю «конечно же», потому что (позже я убедилась, насколько была права) ни одна более или менее впечатлительная женщина не могла попасть в его поле и не чувствовать то необъяснимое и необыкновенное притяжение, которое иногда отталкивает в некоторых людях, если его слишком много. Это не сексуальность, о которой можно сказать то же самое. Это свойство я назвала бы скорее личным магнетизмом, приправленным комбинацией вышеупомянутых качеств. Он был одним из тех сильных характеров, которые рождаются — на радость себе или чаще на горе, — чтобы быть магнитом, яркой звездой. Произведения литературы полны «роковых женщин», но ведь есть и «роковые мужчины» — хотя это куда более редкие птицы. И горе впечатлительной одинокой молодой особе женского пола, встретившейся с ним!

А когда он к тому же приглашает ее в свой дом, когда его сын часто гостит у нее, когда этот муж-

чина предлагает ей приходить в любое время, когда она хочет…

Бедная старая дева Джэйлис Рэмси! Я ехала домой в мягких осенних сумерках, машинально крутя педали, не замечая неровностей ухабистой лесной дороги, и мои мысли витали где-то высоко в облаках.

Вдруг велосипед вильнул — я попала передним колесом в глубокий ручей с грязной бурой водой, окатившей меня до колен, и выругалась.

После этого я уже смотрела на дорогу перед собой и преодолела следующую рытвину более успешно. Понемногу я стала приходить в себя: значит, я готова сама броситься ему на шею, в его постель, может быть? Но ведь он женат, у него есть десятилетний сын. Он — известный писатель, снявший уединенный фермерский домик только потому, что захотел остаться в одиночестве и спокойно поработать. А со мной он был так вежлив, потому что сначала не понял, что я делаю с той бедной глупой овцой, и нагрубил мне. Да и что такого особенного в его вежливости? Конечно, он благодарен за то, что Вильям так много времени проводит у меня и оставляет отца в покое. У него сын, он женат. Даже если жена бросила его. (Когда? Надо будет спросить Вильяма.)

Все равно — женат. А в моих выученных с детства христианских правилах поведения не было места подобным отношениям. Так что мой магнит, моя звезда была абсолютна недосягаема даже для такой опытной колдуньи-летуньи, как я.

Волосы у него густые и темные, но кое-где уже проглядывает седина. Сколько же ему лет? Около сорока? Тридцать шесть? Тридцать семь? Наверное, он есть в справочнике «Кто есть кто». Пойду в местную библиотеку, посмотрю, а заодно возьму почитать его книги. Он дюйма на два выше меня — как раз, — но немного сутулится, возможно, от долгого сидения за столом. Он любит одиночество и жизнь в деревне. Ему достаточно маленького неуютного фермерского жилища. Он такой же одиночка, как я, насколько же лучше ему было бы перебраться в Торнихолд и жить там вместе со мной…

Но он женат. Женат. Даже если в «Кто есть кто» говорится, что он разведен, где надежда, что он взглянет на тебя еще хоть раз, Джэйлис Рэмси? Ну-ка, вернись с небес на землю. Может, ты избрана в общество ведьм Вильтшира, но никаких колдовских чар не хватит, чтобы заполучить и удержать такого мужчину, как Кристофер Драйден.

Белая калитка стояла открытая. Я проехала мимо «первой линии защиты» из рябины и бузины, пересекла «бастион» из терновника и остановилась у сарая. Ходж ждал меня на подоконнике у черного входа. Увидев меня, он поднялся, лениво вытянул вперед лапы, выгнул спинку и сладко зевнул во весь рот.

— Меня кто-нибудь спрашивал? — осведомилась я и получила ответ в той же ленивой и неторопливой манере. Открыв дверь, я прошла мимо кота внутрь. Он последовал за мной, громко мурлыча. Я быстро покормила его, помылась, сменила пластыри на царапинах и принялась за ежевику.

Уже когда стемнело и ягоды стояли на медленном огне, в дверь постучали. Не успела я подойти к выходу, как она открылась сама. Можно было, не задумываясь, сказать, кто пришел.

— Вот вы и дома, — улыбнулась Агнес Трапп.

— Да. Входите, пожалуйста. Как поживаете?

— Спасибо, хорошо. — Она вошла, принюхиваясь. — Ежевика. Вы варите желе?

— Да, я обожаю ежевику.

— Боже, вы так исцарапались!

— Боюсь, что да. — Я помешала желе. Агнес уселась за стол.

— А кто рассказал вам про старую каменоломню?

— Вильям. Но как вы узнали, что я была именно там?!

Она проигнорировала мой вопрос, заметив только:

— Ах да. Они ведь живут совсем недалеко оттуда, сразу за холмом. Вы знали об этом?

— До сегодняшнего дня и не подозревала. Отец Вильяма встретил меня во время прогулки, и мы разговорились. Вильям, оказывается, уже рассказывал ему обо мне. А так как я действительно сильно порезалась, он пригласил меня к себе — промыть и перевязать раны.

Молчание. Я снова помешала ягоды.

— Уединенное место, не правда ли? — продолжала я. — Даже для писателя. Я имею в виду, кто же присматривает за домом и ведет хозяйство?

— Я помогаю ему время от времени, хотя идти туда довольно далеко. Два раза в неделю у него убирает Бэсси Йеланд — жена фермера из Блэк Кокс. Она говорит, что еще ни разу не видела его — он все время запирается у себя в кабинете. Странный народ эти писатели, правда? Так он вас приглашал?

— Да. По-моему, у него небольшой творческий

кризис — сюжет книги зашел в тупик. Вы знали его жену, Агнес? Или она оставила его до того, как он сюда перебрался?

— Оставила? — В ее голосе звучало удивление.

Я прикусила язык.

— Я… возможно, мне не стоило говорить об этом. Вильям сказал мне, что… я хотела узнать — она ушла к другому человеку? Они развелись? Вильяма я, само собой, не могу спросить.

— Да, понимаю. Но это случилось еще до его приезда сюда. Не знаю, как это произошло, но о разводе я не слыхала. Мистер Драйден никогда не говорил об этом.

Я снова принялась мешать ягоды.

Воцарилось молчание.

— Вы нашли рецепт? — наконец спросила миссис Трапп уже другим тоном.

— Какой рецепт? — Я не сразу поняла, о чем идет речь.

— Ну как же — рецепт ежевичного желе! — В ее голосе звучало нетерпение, почти грубость. Я взглянула на нее. Агнес Трапп не смотрела на меня — взгляд ее блуждал по кухне, подмечая порядок, который я так тщательно наводила в последние дни, — сверкающее стекло, безукоризненно чистые стены и пол, свежие занавески на

окнах, цветы на подоконнике. Глаза ее блестели каким-то странным блеском, и я неожиданно почувствовала в ней какую-то внутреннюю силу, которую на первый взгляд едва ли можно было ожидать в ней. Может быть, она сердится на меня, за то что я делала на кухне уборку после нее? Но она сама помогала мне в этом и не обиделась даже, когда я попросила ее вымыть голубятню.

— Вы обещали поискать для меня книгу рецептов вашей тети, — напомнила Агнес.

— О да, я помню, мы с вами говорили об этом, но у меня еще не было времени их искать. Куча дел, как обычно. — Я опять помешала ягоды. — Так, похоже, они уже готовы. Теперь нужно дать им стечь.

— Я вам помогу. — Я не успела возразить, как она уже подошла к кухонному шкафу и открыла его. — Боже мой, вы убрали во всех уголках! Теперь кухня выглядит просто великолепно. Так, а вот и миска. Нет-нет, позвольте мне.

Я позволила. Вместе мы переложили ягоды в специальный мешок-сито для желе и подвесили его над миской в кладовой. Из мешка тотчас закапало. Мы закрыли дверцу и вернулись к столу. Агнес еще раз обвела взглядом выскобленные полки и шкафчики, еду, приготовленную

к ужину.

— О, вы собираетесь ужинать рыбой? Но от моего супа тоже не откажетесь, я надеюсь. Я принесла с собой кастрюльку лукового супа. Нужно только чуть-чуть подогреть его перед едой.

— Как это мило с вашей стороны, — беспомощно сказала я. — Но вы так избалуете меня, Агнес. Право, не стоит. Да и мне пора самой научиться ухаживать за собой.

Не слушая меня, она вытащила из сумки кастрюльку и перелила ее содержимое в мою. Затем взглянула на меня, и взгляд ее был острым, как иголка.

— Мне кажется, что вы очень хорошо справляетесь с уборкой, мисс Рэмси. Дом просто преобразился.

— Знаете ли, — почти с ненавистью я отметила, что мой голос опять звучит виновато, — те комнаты вы убрали просто замечательно, но потом пришел багаж, и мне пришлось делать все еще раз. Всегда лучше самой раз и навсегда положить вещь и знать, где она лежит.

— Думаю, где-то здесь должен быть список имущества, вместе со всеми юридическими бумагами. Первое, что они делают, после того как кто-нибудь умер, — посылают специального че-

ловека, который все описывает.

Я молчала.

— Вы уже нашли этот список?

— Нет еще. Не было времени разобраться в бумагах.

Она поставила кастрюлю с супом на плиту и повернулась ко мне. Напряжение исчезло. Мистер Драйден был прав, подумала я. Я слишком подозрительная. Мысль о списке имущества не только не взволновала, но, напротив, успокоила Агнес.

— Ваша тетя тоже всегда содержала дом в чистоте. А как ее «кладовая»? Там вы тоже убрали?

— Нет еще. То есть не совсем. Я убрала в комнате, но не трогала полки. Завтра я переберу там все книги, наверное, тетины рецепты стоят там же. А может, книга есть в перечне имущества, тогда найти ее будет еще легче. Я сразу же принесу вам ее.

— Вот спасибо. Вы еще пойдете за ежевикой?

— Еще не думала. Но если вам нужно, я с удовольствием нарву и вам тоже. Лишь бы погода не испортилась.

Агнес с грохотом опустила крышку на кастрюлю, убрала все в сумку и поднялась с места.

— Не беспокойтесь, ежевики много и там, где

мы живем. Вам не нужно ехать туда опять. Попробуйте суп. Он со сливками, а лук с нашего огорода.

И ушла.

Когда входная дверь закрылась, Ходж вылез из-под кресла, где прятался все это время, и вернулся к своей миске.

— Кто же прав? Ты, Ходж, или мистер Драйден? И скажи, пожалуйста, как она узнала, что я была в каменоломне? А она знала, готова поспорить, еще до того, как увидела меня. И что я была в гостях у мистера Драйдена? И почему ей так не хочется, чтобы я снова туда пошла?

Ходж не ответил, но с полным пониманием и одобрением следил, как я взяла кастрюлю с супом с плиты и вылила все в раковину. По комнате разлился необыкновенный аромат. Я, наверное, действительно схожу с ума, но пирог тоже был великолепен, а ночью мне снились какие-то дикие кошмары. И то, что сегодня рассказал мне отец Вильяма, отнюдь не успокоило меня. Если Агнес — «не бог весть какая колдунья», то опасаться ее снадобий надо еще больше. Перед моими глазами стояла картина: легкие занавески на окнах, за которыми в кресле-качалке сидит старуха и с бессмысленной улыбкой смотрит на дорогу.

— Нет уж, — сказала я Ходжу, вымывая остатки супа сначала горячей, а потом холодной водой, — сегодня ночью мы будем спать спокойно. И никаких полетов.

Где-то совсем рядом ухнул филин. Я посмотрела в ту сторону, но бледный свет луны не позволял разглядеть ничего среди ветвей. Итак, новой колдунье Торнихолда предстояло провести, слава Богу, вполне обычную ночь. Ничто не тревожило ночной тишины вокруг. Лишь мурлыканье обычного домашнего кота.

Вдруг Ходж напрягся и стал медленно пятиться от окна. Мурлыканье резко прекратилось. Я убрала руки — он тотчас спрыгнул на пол и, как тень, шмыгнул к кровати. Шерсть кота встала дыбом, уши были плотно прижаты.

Через несколько секунд я услышало то, что он услышал до меня: далекий собачий лай. Первое время этот лай сильно беспокоил меня по ночам, но что я могла поделать, если какой-то фермер все время держит собаку на цепи? Постепенно я перестала обращать на лай внимание, а через несколько дней он, к моему удовольствию, прекратился. Я уже успела забыть о нем — и вот он повторился опять, уже значительно ближе, и не лай, а долгий вой, похожий на вой волков

на луну.

Леденящий душу звук, от которого кровь стынет в жилах. Я невольно попятилась от окна, волоски на руках встали дыбом — я реагировала совершенно как Ходж. Напрасно я пыталась объяснить себе, что это атавизм, древняя реакция на вой волков, что собаки — ближайшие родственники волков и «переговариваются» точно таким же образом, как и их дикие собратья. А если эта собака на цепи, то другого способа общения у нее просто нет.

Вдруг вой прекратился. Послышались пронзительные крики боли или страха. Потом серия безумных коротких воплей вперемешку с лаем. Затем все стихло.

Не помня себя, я сбежала по ступенькам вниз и начала отдавать отчет в своих действиях, только открывая тяжелый засов на двери. Я всегда была впечатлительной тихоней и не принадлежала к типу мужественных героев и героинь, которые могут кинуться в лес в полночь на поиски приключений. Но что-то в моей тихой впечатлительной натуре заставило меня броситься к тому месту, откуда пришел этот душераздирающий вопль истязаемой собаки. Я подбежала к калитке и, определив приблизительно направление, по-

бежала к лесу.

Луна светила ярко, и за стеной терновника все пространство было залито бледным сероватым светом — как в пасмурный зимний день. Я увидела его еще до того, как услышала. Джессами Трапп бежал из леса прямо на меня, неслышно ступая по мягкой траве, тяжело дыша и всхлипывая. Потом я обратила внимание на то, как он бежит, — одно плечо выше другого, левая рука прижата к груди, все тело перекошено, шаг нетвердый.

Не видя меня, он свернул на боковую дорожку — кратчайший путь к своему дому.

— Джессами!

Он испуганно вздрогнул и обернулся. Увидев меня, мальчик медленно подошел, все еще всхлипывая и баюкая левую руку.

— Что с тобой? Что случилось? Ты ранен?

— Ой, мисс… — Он не просто всхлипывал, он плакал, по-настоящему глотая слезы, и выглядел намного младше своих лет. Словно малыш, которому сделали больно, он вытянул вперед обе руки, и я увидела, как между пальцами правой, которой он поддерживал левую руку, стекали черные струйки.

— Он меня укусил. Так больно! Цапнул за руку, гадина.

— Пойдем-ка в дом. Надо промыть рану и посмотреть, что там. Пошли.

Никаких вопросов. Все вопросы можно отложить на потом. Джессами поплелся за мной на кухню, сел у стола и послушно ждал, когда я наберу таз теплой воды. Как хорошо, что тетя Джэйлис верила не только в древнюю, но и в современную медицину! Из аптечки я достала все необходимое для оказания первой помощи и вернулась к столу.

Рана была серьезной — вокруг глубоких ранок от укусов виднелись синяки. Джессами уже перестал плакать, к нему вернулось самообладание. Теперь он наблюдал за моими манипуляциями с интересом и чуть ли не с гордостью.

— Плохая рана, да, мисс?

— Сильно он тебя укусил. Теперь расскажи мне, как это случилось. Это была не твоя собака, конечно?

— Нет-нет, у нас нет собаки. Мама не любит их. Грязные твари.

— Паразиты. Конечно. Так чья же это собака? И почему она тебя укусила?

— Просто собака. Ничья. Я ее выпустил, а она меня цапнула.

— Откуда выпустил? — Я видела, что меж-

ду пальцами правой руки, которой он все еще сжимал левую, у него застрял клок черной шерсти. — Из капкана? Держись, Джессами, сейчас будет больно. Значит, кто-то ставит в лесу капканы?

Он глубоко вздохнул, когда антисептик попал в рану, и энергично закивал головой:

— Да. Из капкана. Это цыгане их ставят. Я его выпустил, а он меня цапнул. Дикий пес.

— Где это случилось?

Он немного заколебался, неуверенно посмотрел на меня и слегка махнул здоровой рукой куда-то на запад:

— Там, в лесу, около развалин большой усадьбы.

— Ладно, завтра ты, может быть, покажешь мне это место. — Я с тревогой подумала о Ходже. Если кто-то действительно ставит в лесу капканы, я этого так не оставлю. — А что с собакой? Почему она тебя укусила?

— Не знаю. Я не видел — она убежала.

Я уже заканчивала перевязку.

— Вот и все, что я могу сейчас сделать. Пока хватит, но завтра ты должен обязательно показать рану доктору.

— Она будет против. Она никогда не пользуется

лекарствами. Делает их сама. Если узнает обо всем, жутко разозлится. Скажет, так тебе и надо.

— Все равно тебе нужно обратиться к доктору. Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Хорошо. Еще немного больно, но уже лучше. — Он поднял на меня глаза испуганного ребенка. — Вы ведь ей не расскажете, правда, мисс? Если я опущу рукав, она не увидит.

Я не стала спорить. Он действительно выглядел получше. Первый испуг прошел, рана была промыта и перевязана. Я унесла таз с грязной водой и опустила рукав на повязку.

— Хорошо. Подай-ка мне эти тряпки, я их сожгу. И эту шерсть… Вот так. Тогда приходи ко мне утром и покажи руку, ладно? И мы решим, надо ли идти к доктору.

Он ослепительно улыбнулся, совсем как его мать, и застегнул рукав на больной руке. Я быстро сделала ему чашку горячего сладкого чая и отрезала кусок пирога, который испекла накануне. Я попробовала задать еще несколько вопросов, но вразумительных ответов не получила и так и не поняла, что же Джессами делал один в столь поздний час в лесу. Проверял капканы, которые сам расставил? Очень похоже на то. Но на сегодня хватит расспросов. Завтра мы еще поговорим.

Поэтому я дала ему допить и доесть молча, проводила до дверей и поднялась в спальню, чтобы во второй раз попытаться уснуть.

Глава 17

— Ты не знаешь, кто ставит в лесу капканы? — спросила я Вильяма.

Он пришел вскоре после завтрака, принеся с собой очередную дюжину яиц в подарок и собираясь, по его словам, закончить прополку грядок с лекарственными растениями. Мы пошли вместе к сараю.

— Нет, не знаю. А разве они не запрещены?

— Металлические капканы, слава Богу, да, и давно. Но силки? Твой отец сказал, что поблизости живут цыгане. Они могут ловить так кроликов.

— Может быть, но здесь цыган не было уже очень давно. Раньше они селились в старой каменоломне, где вас встретил папа. Но теперь она вся заросла, и им выделили место с другой стороны леса. Здесь их нет — мистер Йеланд никогда этого не допустит. А почему вы спрашиваете?

Дверь сарая была приоткрыта. Я распахнула ее настежь. «Потому что прошлой ночью…»

Я остановилась на пороге как вкопанная. Вильям, шедший сзади, налетел на меня и уже

начал было извиняться, как тоже потерял дар речи от удивления. Мы оба стояли в дверях и не отрывали глаз от того, что лежало в углу сарая.

На подстилке Ходжа, свернувшись калачиком и стараясь казаться как можно меньше, на нас испуганно таращилась собака. Колли. Грязный и тощий, дрожащий от страха. Черно-белый призрак, вернее, сон из прошлого. Из далекого прошлого.

Я даже не вспомнила о Джессами и его прокушенной руке. Я опустилась на колени рядом с собакой, как двадцать лет назад на кухне моих родителей. Животное замерло и задрожало. Прижатый к полу облезший хвост чуть-чуть шевельнулся. Голова потянулась ко мне — он хотел лизнуть мне руку. Вокруг шеи пса была завязана толстая старая веревка. Конец ее был перекушен.

Вильям опустился рядом и стал гладить собаку по голове.

— Какой он худой! Он умирает от голода!

— Да. Осторожнее. С ним все в порядке, но если ты нечаянно сделаешь ему больно, он может укусить.

Все время, пока я говорила, мои руки ласково поглаживали и ощупывали собаку.

— Вильям, беги скорее на кухню и подогрей немного молока. До комнатной температуры, не больше. Попробуй пальцем, ладно? Потом накроши в молоко кусок хлеба и принеси сюда в миске. Не выпускай Ходжа на улицу. И захвати с собой острый кухонный нож, надо перерезать эту веревку. Все в порядке, малыш, все в порядке. Лежи спокойно.

Вильям убежал. Пес привстал и лизнул мне подбородок. Я ласково говорила с ним, поглаживая и баюкая. Колли был ужасно тощий, с абсолютно сухим потрескавшимся носом. Длинная шерсть свалялась грязными клочьями. Постепенно дрожь перешла в редкие короткие спазмы и наконец совсем прекратилась. На газетах, там, где он лежал, виднелись пятна крови. Осторожно осматривая собаку, я нашла наконец рану — голую проплешину у самого хвоста, до сих пор сочащуюся кровью. Без сомнения, это он укусил Джессами сегодня ночью. Если мальчик задел эту рану, выпуская собаку из капкана, тогда понятно, почему пес его укусил.

— Может, принести еще кошачьего корма? — спросил Вильям.

— Нет, он слишком долго голодал. Хлеба с молоком пока достаточно. Теперь пускай поспит.

— Можно мне его погладить?

— И поговори с ним, пока я выкатываю велосипед. Не думаю, что бедняга теперь скоро снова начнет доверять людям.

Потом мы оставили его отдыхать, вышли из сарая и закрыли за собой дверь.

— Так вот почему вы спрашивали о капканах?

— Да.

— Но тогда вы еще не знали о собаке, правда?

— Нет. Впрочем, кое-что знала. Вот послушай. — И я рассказала ему о ночном происшествии с Джессами. — И если пес попал в капкан за хвост, а Джессами стал неловко освобождать его, то понятно, почему колли стал кусаться. Рана у хвоста слишком большая — какой бы там ни был капкан, я собираюсь найти его и убрать.

— Можно, я вам помогу?

— Конечно, я рассчитываю на твою помощь. Джессами сказал, что это случилось «около большой усадьбы». Это далеко отсюда?

— Нет, около полумили.

— Тогда поехали.

Хотя «большая усадьба» действительно была огромной, но даже после беглого взгляда на эти живописные руины было достаточно, чтобы понять — здесь никто не стал бы расставлять

силки и капканы. Либо Джессами меня не понял, либо сказал первое, что взбрело в голову, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Практически не тронутые временем ступени вели к дверному проему главного входа, поднимаясь над высохшим рвом и узким двориком, куда выходили низкие оконца подсобных помещений, находившихся раньше ниже уровня первого этажа — оружейная, бильярдная, кухни, прачечная и тому подобное. Подвал располагался еще ниже.

— Никто не станет ставить здесь капканы, — сказал Вильям, когда мы взобрались по ступеням и стали смотреть в низкие оконца на балюстраде.

— Похоже, ты прав. А если собака как-то попала в дом и… и, например, провалилась в какую-то яму? Тогда можно считать, что она попала в ловушку.

— Сама? С веревкой на шее? Можно, я спущусь и посмотрю, что там внизу?

— Хорошо, только, ради Бога, будь осторожен.

Я с тревогой смотрела, как мальчик медленно пробирается между обвалившимися балками перекрытий. Наконец он протиснулся к отверстию, которое раньше было окошком.

— Что ты там видишь?

Ответа не последовало. Затем Вильям молча отодвинулся. Я слезла вниз и осторожно приблизилась к окошку. Вильям пропустил меня, и я смогла заглянуть внутрь.

Комната была маленькой, с низким потолком и трещинами на стенах. Пол завален каменной крошкой и гниющими остатками каких-то деревянных частей. Дубовая дверь соскочила с петель и лежит на полу. А к крюку в дверном проеме привязана толстая веревка. Там же — щербатая старая голубая миска, пустая и сухая. Собачий помет на небольшом расстоянии от крюка. И перекрывающая вонь экскрементов тюремная атмосфера ужаса и отчаяния, гибель любви и надежды.

Мы ничего не сказали друг другу. Я крепко закусила губу, чтобы сдержать слова, готовые сорваться с языка. Вильям, кажется, глотал слезы.

В молчании мы выбрались наверх и мрачно зашагали к велосипедам.

Вместо того чтобы сесть на велосипед, Вильям обернулся и стал глядеть мимо меня, на развалины большой усадьбы.

— Они могут забрать его назад?

— Кто «они»?

— Те, кто держал его там. Вы сказали, Джессами думает, что это цыгане.

Я покачала головой.

— Кто бы ни оставил его умирать от голода на веревке, они не имеют никаких шансов… слышишь, ни малейшего шанса заполучить его обратно. Им повезет, если они избегнут судебной ответственности за такое. Нет, не бойся. Если это сделали цыгане, мы никогда о них больше не услышим.

— Вы оставите его у себя, правда?

— Да, конечно. Но… — Я задумалась. — Не мог бы ты взять его к себе на некоторое время, а, Вильям?

— Я? — Мальчику явно понравилась эта идея, но что-то все-таки заставляло колебаться.

— Да. Видишь ли, во всей этой истории есть несколько вопросов, на которые мне очень хотелось бы получить ответы. И пока я их не получу, мне нужно, чтобы собаки нигде не было видно. Все это довольно странно, Вильям. Понимаешь…

Он прекрасно все понимал.

— Вы хотите сказать, они могут попытаться навредить ему? Значит, Джессами не выпускал его, а…

— Я не знаю. Знаю только, что… Короче, это

касается… Ох, Вильям, давай сейчас ты просто поверишь мне на слово? Потом я тебе все объясню.

Не могла же я в самом деле рассказать мальчику о колдовских снах, об обещании моей тети, которое она дала мне много лет назад у реки Идэн. Но мальчик прекрасно понимал меня и без слов.

— Вот, подумай, — медленно добавила я, — собака перегрызла веревку и, возможно, освободилась сама. Тогда пес сразу бы выскочил из развалин и убежал бы. Теперь — даже если предположить, что Джессами действительно спустился туда, чтобы освободить его, — что же он такого сделал, что пес так сильно его укусил? Я ясно слышала крик боли. И если кто-то причинил собаке такую сильную боль и так ее напугал, что она перекусила веревку, рванулась и убежала… Вот о чем я думаю.

— Та рана у хвоста? Ой, мисс Джэйлис! Конечно я заберу его! Заберу прямо сейчас, ладно?

— Чем быстрее, тем лучше. Твой отец не будет против?

— Нет, если я расскажу ему, что случилось. Сегодня, боюсь, не получится — отец уехал в Лондон к издателю и вернется очень поздно. Но все будет в порядке, вот увидите, он не будет возражать. Отец любит животных, просто у него нет

времени, а собака отнимает много времени, он так говорит. Но я должен буду все ему рассказать, вы не против?

— Конечно нет. И пожалуйста, подчеркни, что я заберу его, как только все выяснится. У вас он будет в безопасности, ты его будешь кормить и выхаживать — пускай поправляется. Я не думаю, что он страдает чем-то, что не могут вылечить уход и хорошее питание, но все равно свожу его к ветеринару, как только смогу. Еще я съезжу в Арнсайд и куплю ему еды, но, пока он так истощен, молока с черным хлебом будет достаточно. Можно добавлять яйцо. Ты с этим справишься?

— Конечно!

— Тогда поехали назад. Ты у нас специалист по ключам, скажи, пожалуйста, сарай запирается?

— Да.

— Вот и отлично. Поехали, закроем его, пока ко мне не пожаловали какие-нибудь неожиданные гости.

Вернувшись в Торнихолд, мы посмотрели на нашего колли, который спал глубоким сном у себя в углу, закрыли дверь на замок и пошли на кухню. Я сварила себе кофе, а Вильяму дала кружку сладкого какао и кусок того самого пирога, которым я кормила ночью Джессами.

Мальчик уже не задавал вопросов. Он целиком погрузился в радужные перспективы заботы о своей собаке. Я слушала вполуха. Мои мысли витали в странном подлунном мире тайн и загадок, снов и воспоминаний. Многие загадки предстояло еще решить.

— Кто здесь в окрестностях держит голубей? — спросила я.

— Голубей? — повторил Вильям, которого я перебила на перечислении достоинств пастушьих собак вообще и колли в частности. Вид у него был сейчас такой, словно я спросила по меньшей мере о птеродактилях.

Посмотрев на его удивленную мордашку, я рассмеялась.

— Ну да. Голубей. Это такие птицы. С перьями. Они говорят «гули-гули» и живут под крышами или в мансардах, вроде моей. Ты говорил, что часто помогал мисс Джэйлис ухаживать за ее голубями.

— Извините, — улыбнулся Вильям. — Так что там про голубей, мисс Джэйлис?

— Давай ты попробуешь называть меня просто Джили. Короче и удобней. И забудь про «мисс».

— Я… я не знаю.

— Давай-ка, попробуй. Ну! Джили.

— Джили.

— Еще раз.

— Джили.

— Вот и славно. Так я тебя спросила, кто в округе держит голубей.

Мальчик сдвинул брови.

— Дайте-ка я подумаю. Ну, для начала, голуби есть на ферме. Не там, где мы живем, а там, где живет семья фермера — в Блэк Коксе. Но мне кажется, это дикие голуби. Дикие скалистые голуби, вот как они правильно называются. Папа говорит, что все породы домашних голубей произошли от них, потому что они привыкли селиться в расщелинах скал и пещерах и могут размножаться в коробках и всяких таких…

— Нет-нет, я не о диких голубях. Меня интересуют домашние голуби. Почтовые.

— Да, в городе есть несколько человек, которые держат почтовых голубей. Около моста через реку есть большое поле, разбитое на маленькие садики. Там есть несколько голубятен. А почему вы о них спрашиваете? Хотите держать у себя почтовых голубей?

— Похоже, придется. У меня их уже два. Второй прилетел вскоре после того, как я сюда переселилась, и принес записку.

— Записку? — Он со стуком поставил кружку на стол. Выплеснулось немного какао. — Сюда? А что в ней было?

— Сейчас покажу.

Записка хранилась в боковом кармане моей сумочки. Я вытащила тоненькую полоску бумаги и протянула ее Вильяму:

— Вот она.

Теперь я понимаю, что поступила тогда довольно глупо. Дело было в том, что мне требовался человек, которому я могла бы полностью доверять свои мысли, и я забыла, что Вильям еще совсем ребенок. Правда, он не раз показывал себя таким тонким и умным собеседником, каких не встретишь и среди людей вдвое старше, чем он. К тому же я попросила его называть меня просто Джили — и вот результат.

Мальчик взял бумажку, развернул, и я увидела, как он смертельно побледнел. Рот полуоткрыт, в лице ни кровинки.

— Вильям, прости, пожалуйста! — кинулась я к мальчику, мысленно кляня свою глупость. — Мне не надо было показывать тебе эту записку… Успокойся, все в порядке. Кто бы это ни послал — очень хорошо, что он это сделал. Я сразу почувствовала себя дома. И пришло оно в самый

нужный момент. Голубь, наверное…

— Она не могла послать это. Она умерла. Я был на похоронах. Мы ходили с папой. Я видел… я видел, она мертвая. Ее похоронили.

— Вильям, Вильям, ну перестань же! Боже, что я наделала! Я бы никогда не показала тебе эту записку, но мне нужен дружеский совет. Это всего лишь…

— Папа не хотел, чтобы я шел на похороны. Он не пустил меня, когда умерла мама, но это было давно, я был еще маленький. А мисс Джэйлис я любил, поэтому пошел и видел все до конца.

— Вильям!

Но он не слушал, глубоко погрузившись в свои мысли, потрясенный не меньше моего.

— Вы думаете, она действительно была колдуньей? Некоторые ее так и называли, но она только смеялась. Она говорила, что может иногда предсказывать будущее и даже поддразнивала меня, но это всегда было похоже на шутку, я смеялся. А на самом деле?

— Конечно же она шутила.

— Она была настоящей колдуньей? Ведьмой?

— Не знаю. Я не знаю, есть ли вообще на свете колдуньи и ведьмы. Я знаю только, что с ней ко мне всегда приходило какое-то волшебство, и это

волшебство всегда было добрым, Вильям. Есть много людей, которые могут «иногда предсказывать будущее». Моя тетя Джэйлис была очень доброй и хорошей женщиной, и это естественно, что ты полюбил ее. Я видела ее всего несколько раз за всю свою жизнь, но тоже очень любила ее. Так что перестань думать о колдовстве и магии. Я не знаю, есть ли это все на самом деле, но даже если и есть, достаточно верить в Бога, и они не причинят тебе вреда. Хорошо?

— Хорошо. Со мной все в порядке, не волнуйтесь. А вот что с вами, мисс Джили? То есть Джили. Вы выглядите как-то странно.

— Правда? Ничего. Только вот… я подумала, может, я не так поняла тебя в первый раз, но ты говорил, что мама вас бросила. Поэтому я очень удивилась, когда сейчас ты сказал, что она умерла. Извини, пожалуйста.

— Это вы меня извините. Ну, что я соврал в первый раз. — Он смотрел в свою чашку, не поднимая головы. — Понимаете, так легче разговаривать с людьми. И думать так тоже легче. Но ведь это не настоящее вранье, правда?

— Конечно. Я понимаю. Не имеет значения.

— Могло неловко получиться в разговоре с папой.

— Могло. Но не получилось ведь.

— Или с кем-нибудь другим, кто знает. — Он неуверенно взглянул на меня и снова уставился в чашку.

Агнес? Конечно, она все знала, но почему она сразу же не прояснила ситуацию, ничего не сказала мне?

Еще один вопрос. Но он может и подождать.

— Забудь про это, Вильям, — быстро сказала я. — Давай вернемся к записке, но уже без всякой магии и колдовства. Итак, голуби.

Мальчик отставил пустую чашку в сторону.

— Да, голуби. Птицы с перьями, которые говорят «гули-гули» и живут под крышами. И что же?

Быстро же он приходит в себя. Я налила себе в чашку остывшего кофе и присела рядом с мальчиком.

— Я вообще почти ничего о них не знаю. Например, с какой скоростью они летают?

— До шестидесяти миль в час. Хотя, конечно, это зависит от погоды и от ветра.

— Шестьдесят миль в час?! Боже мой! Ты не знаешь, тетины голуби были почтовыми?

— Не знаю. Они были домашними, это точно.

— Но ты не видел, чтобы она посылала с ними сообщения?

— Нет, но это не значит, что она этого не делала.

— А ты не знаешь, куда делись ее голуби?

— Кто-то пришел и забрал их — вот и все, что мне известно. Миссис Трапп сказала мне, что их больше нет, поэтому мне не надо приходить кормить их.

— Что ж, тогда остается единственное объяснение — тетя заранее написала записку и оставила кому-то подробные инструкции выпустить голубя в тот день, когда я приеду в Торнихолд.

— Но тогда она должна была знать, что вы приедете. Знать, что она умрет, я имею в виду. Она должна была написать записку еще до того, как ее забрали в больницу, до того, как унесли голубей.

— Она знала, — мягко сказала я. — В своем будущем она была абсолютно уверена. Еще задолго до болезни она написала мне письмо и отдала своим поверенным с указанием отправить мне в определенный день. Оно пришло вскоре после ее смерти, и там говорилось: «Когда ты получишь это письмо, Торнихолд будет твоим». Тогда я думала, что знать свое будущее очень тяжело и грустно, но теперь мне кажется, что это даже лучше. Успеть все подготовить, знать, что ждет впереди, и не бояться этого, быть уверенным,

что все твои любимые вещи, дом, сад попадут в надежные заботливые руки… Тебе не кажется, что это лучше?

Мальчик молчал, но я видела, что напряжение постепенно исчезает с его лица. Наконец он кивнул. Я допила кофе и встала из-за стола.

— Ну что ж, это утро было довольно бурным для нас обоих. Давай теперь отложим все досужие мысли в сторону и займемся насущными делами.

— Можно, я взгляну на него, прежде чем уходить?

Никаких сомнений и вопросов относительно «насущных дел».

— Конечно, только не разбуди его.

— Как вы его назовете?

— Когда-то у меня был колли по кличке Ровер. Как тебе это имя?

Вильям сморщил нос.

— Слишком обычное. Может, назовем его Рэг?

— Ты прав. Что прошло, то прошло. Рэг — отличное имя. Иди, Вильям, и спасибо тебе за все. Обязательно расскажи мне, что решит твой отец по поводу собаки.

Я проводила мальчика до двери черного хода. Уже на тропинке он повернулся:

— Совсем забыл. Папа специально просил меня узнать, как ваши царапины.

— Все в порядке. Пожалуйста, поблагодари его от меня.

— Хорошо. До встречи!

Я смотрела, как он подошел к сараю, на цыпочках заглянул в окошко, потом повернулся и жестами показал мне, что пес спит. Затем помахал рукой и уехал через боковую калитку.

Я стояла и смотрела ему вслед, пока его худенькая фигурка не исчезла среди деревьев. Потом машинально подняла голову. Мне показалось, что высоко в небе, над деревьями, облака складывались в огромный вопросительный знак.

Глава 18

Я приготовила себе ланч, покормила Ходжа и собаку, а потом провела еще немного времени с последним. Сейчас он уже немного пришел в себя и был явно рад меня видеть. Теперь он мог вилять половиной своего жалкого хвоста, пока ел из миски смесь курятины с хлебом, которую я ему приготовила. Потом я выпустила его на улицу. Пес не выказал желания убежать, а только сделал свои дела и быстро вернулся под спасительные своды сарая. Я закрыла за ним дверь и вернулась в дом.

Нужно еще было найти обещанную Агнес Трапп «книгу рецептов». Если бы мне удалось найти ее сейчас, может быть, Траппы наконец-то оставили бы меня в покое, по крайней мере, пока я не отдам собаку Вильяму. Я подозревала, что Агнес нужен вовсе не рецепт ежевичного желе — что в этом такого особенного? — а секреты лекарственных снадобий тети Джэйлис. Ну что ж, раз я знаю об этом, пусть берет. Главное, я должна быть уверена, что это никому не причинит вреда.

Опись имущества хранилась в ящике письмен-

ного стола в кабинете вместе с копией тетиного завещания. Я достала ее, пошла в гостиную, уселась поудобнее и принялась читать длинный список.

Опись составлена основательно: комната за комнатой. Я быстро просмотрела опись гостиной, в которой значились столы, шкафы, мягкая мебель, картины, портьеры… На первый взгляд, все было на месте. Последним шел список книг из большого книжного шкафа. Проверка всех книг заняла бы слишком много времени, но пока хватит и беглого осмотра. Тем более что во время уборки этой комнаты я потратила немало времени, стоя перед книжными полками, и довольно неплохо запомнила их содержимое. Коллекция книг была весьма обширной: романы, несколько биографий (тетя, как и я, не очень любила этот жанр), полное собрание воспоминаний путешественников, книг о разных экзотических странах и далеких городах. Книги о животных — целые три полки о птицах, еще полка книг о бабочках и мотыльках, две — о деревьях, цветах и травах. Однако главная, и самая привлекательная, секция была заполнена книгами по садоводству и садовым растениям. Я внимательно осмотрела их. Нет, они предназначались садоводу, а не

целителю.

В любом случае у Агнес Трапп был доступ к этим книгам, как и к тем, что стоят в кухне на полке, и к тем справочникам, что хранятся в кабинете. Значит, остается только «кладовая».

Я пролистнула содержимое описи до раздела «кладовая». Длинные «фармацевтические» списки — страница за страницей, перечень разнообразных растворов и химикатов, все баночки и коробочки по порядку. Затем шел скромный список мебели и, наконец, три последние страницы занимал перечень книг.

Гадать мне не пришлось. Первое же название было отчеркнуто красным карандашом. Только оно и было выделено во всем списке. И название развеивало последние сомнения.

«Домашние снадобья и рецепты Джуди Сэнтлоу». Джуди Сэнтлоу! Старая леди, прожившая в Торнихолде семьдесят лет и превратившая его в оплот, крепость против сил зла и колдовских чар. Первая хозяйка поместья, заслужившая репутацию колдуньи, которая затем перешла к тете Джэйлис и наконец по наследству досталась мне. Джуди Сэнтлоу, чьи знания и рецепты, без сомнения, изучала тетя Джэйлис.

Рецепты, которые зачем-то были очень нужны

Агнес Трапп.

Я проверила, закрыты ли двери, взяла тряпку для пыли и пошла наверх.

На первый взгляд, я не заметила ничего похожего на книгу Джуди Сэнтлоу, но среди книг, стоявших на полках, было много старых, потрепанных от частого пользования, что можно было легко пропустить небольшую книгу, завалившуюся за остальные. Поэтому я стала методично доставать книги — полку за полкой, — рассматривать их по одной, протирать от пыли и ставить на место. Это была нелегкая работа. И шла она очень медленно. Не только потому, что я тщательно протирала каждую книгу, прежде чем поставить ее на место, но и потому, что среди них попадалось много редких и интересных изданий. Поэтому я часто прерывала работу и начинала листать ту или иную книгу. В своем роде это была редкая и, наверное, очень ценная коллекция. Не могу судить о ее полноте, но мне показалось, что там было все — от простого справочника по гомеопатии до старинного трактата по ботанике, отпечатанного на толстых пожелтевших листах немецким готическим шрифтом. Я нашла переводы трудов Диоскорида и Галена, репринтные издания Кальпепера, Жерара и Джона Паркинсо-

нов, по крайней мере полдюжины книг о выращивании лекарственных растений в саду, книги о диких растениях и их использовании, стоящие рядом с фолиантами типа «Лекарственные средства маори» и «Памятка колдуна-целителя». Вот такой урожай книг. И множество рецептов — от простых, вроде мятного чая, до «оберните плоды кумара листьями пурири, запекайте медленно на горячих камнях, а потом сушите на солнце в течение 10 дней». И никаких следов книги Джуди Сэнтлоу. Единственную по-настоящему ценную находку я обнаружила на верхней полке за чьим-то трехтомником о съедобных и ядовитых грибах, растущих в Европе.

За трехтомником лежал покрытый пылью, но все равно сверкающий хрустальный шар тети Джэйлис. Тот самый, в который я заглянула много лет назад на берегу реки Идэн.

В четыре часа я сделала перерыв, выпила чашку чая, навестила пса в сарае и снова вернулась к работе. Когда я закончила и все книги снова стояли на своих местах, за окном смеркалось, а руки и ноги у меня ломило от усталости. Я приняла душ, покормила собаку, приготовила ужин для Ходжа и для себя. После этого я впервые поднесла спичку к поленьям в камине и полутемная комната

озарилась приятным мягким светом. Блики огня играли на полированной поверхности мебели и стеклах книжного шкафа.

Когда я подошла к французским окнам, чтобы задернуть шторы, Ходж стал проситься на улицу. Я выпустила его, потом, после минутного размышления, вышла вслед за ним и направилась к сараю. На этот раз пес — пора уже называть его по имени Рэг — встретил меня на пороге и покорно дал отвести себя в дом. Я села в одно из кресел у камина с книгой «Голуби, как их разводить и кормить», продолжая краешком глаза следить за псом. Несколько минут он беспокойно ходил по комнате, обнюхивая и исследуя все вокруг, часто оглядываясь на меня и радостно виляя хвостом, когда ему удавалось поймать мой взгляд.

— Рэг? — попробовала я. Он подошел, дал себя погладить и почесать за ухом, наконец, глубоко вздохнув, улегся у моего кресла и, помигивая, стал смотреть на пламя.

Это был долгий тихий вечер. Пес спал, изредка поднимая голову, когда я подходила к камину, чтобы положить туда новое полено. Не знаю, был ли он приучен спать у камина в доме своих прежних хозяев, но на мой каминный коврик улегся сразу и без колебаний. Наконец послы-

шался звук, которого я ждала уже давно, — Ходж давал понять, что хочет зайти. Я посмотрела на пса. Рэг понял голову, взглянул на окно и застучал хвостом по полу. Я поднялась и впустила кота. Ходж сделал было шаг внутрь, но вдруг остановился, как вкопанный, раздулся до невероятных размеров и яростно зашипел. Рэг лежал смирно, виляя своим жалким хвостом. Кот пошел на него. Пес съежился и переполз ближе к моему креслу, ища защиты.

Увидев эту бескровную дуэль, я успокоилась. Было ясно, что Рэг общался с котами и раньше и что они ему в общем-то нравились. Ходж, как агрессивная сторона, понял, что опасности чужак не представляет, и вскоре успокоился.

Я посидела еще немного, глядя поверх страниц, как кот — воплощение достоинства — прошествовал к соседнему креслу, уселся в нем и стал умываться, бросая редкие недружелюбные взгляды на собаку.

Какое-то движение на столе у моего локтя привлекло мое внимание. Хрустальный шар. Я положила его на столик рядом с креслом и совсем забыла об этом. Теперь я завороженно смотрела, как на хрустальной поверхности переливаются свет и тень, сполохи пламени и чернота ночи.

Взвейся ввысь, язык огня,
Закипай, варись, стряпня!

Наверное, нехорошо цитировать в такой момент «Макбета», не так ли? Но это заклинание великий драматург наверняка не придумал сам, а взял из какой-то другой истории о ведьмах и колдовстве…

Ходж, настоящий кот колдуньи, не отрываясь смотрел на шар, задрав лапу, которую собирался вылизывать. Его огромные глаза были широко открыты, но шерсть на спине лежала ровно. Ему было просто интересно, не более того.

Я взяла шар в руки и погрузила взгляд в его переливающуюся поверхность.

Она все еще была там, среди теней и сполохов пламени камина, моя стая белых голубей. Словно я заглянула в старинную игрушку, в которой, если ее потрясти, белые бумажные хлопья начинали падать, словно снег. Стая за стаей проносились птицы, кружась перед моим взором, и наконец все слилось в белое облако. Потом движение птиц стало замедляться, и они медленно опустились.

Мне показалось, что Рэг был даже рад вернуться на ночлег в свой сарай. Я поставила ему миску с водой и печенье. Потом налила в кухне блюдце

молока для Ходжа. Кот явно был еще взволнован, но изгнание собаки немного смягчило его, да и наш обычный ритуал укладывания в постель не предвещал для него новых неожиданностей. Поэтому он поднял хвост трубой и отправился впереди меня наверх, в спальню.

Оставалась еще одна часть моего вечернего ритуала. Я набрала ведерко воды для голубей и поднялась в мансарду.

Наверное, я даже ожидала чего-то похожего, но тем не менее прошло несколько секунд, прежде чем я уняла суеверную дрожь, поднимавшуюся по спине. На насесте сидели три голубя. Они чистили перышки и ворковали. Нельзя было вообразить более невинной картины, чем эти птицы мира, несущие, однако, послания от мертвецов.

Новый голубь отличался от других. Он был серо-голубой, а грудка переливалась всеми оттенками синеватого. Он спокойно смотрел на меня своими яшмовыми глазками и не выказал протеста, когда я подошла и взяла его в руки.

И конечно же, в кольце была записка. Я осторожно вытащила бумажку и посадила птицу на место. Насыпав в кормушку зерна и сменив воду в поилке, я наконец взялась за записку. Голуби слетели вниз и стали клевать зерно, а новенький

направился к поилке.

Стоя под электрической лампочкой, я развернула клочок бумаги.

Написано по-другому. Тонкие заглавные буквы: «Добро пожаловать в Торнихолд. Господь да благословит твой сон». Подписи не было.

Я подошла к окну и стала смотреть на гаснущие в небе краски заката. В небе, где я летала той незабываемой ночью в лунном свете над шепчущим что-то старинным лесом. Мне всегда нравилось думать, что в мире есть нечто такое, что мы не в силах понять разумом. Сейчас я настолько погрузилась в созерцание, что окажись «ночной кошмар» реальностью, я бы спокойно восприняла даже это. «Господь да благословит твой сон». Может быть, если я забуду все прошлые, давно прошедшие кошмары и буду помнить только то хорошее, чему меня учили в детстве, Он это сделает.

Глава 19

Как я и думала, Агнес не стала дожидаться, пока я сама принесу ей вожделенную книгу рецептов. Она появилась вскоре после завтрака, и к тому времени как я услышала стук захлопнувшейся двери и Ходж стремглав помчался наверх, окно сарая было предусмотрительно занавешено, Рэг получил строгий приказ сидеть смирно, хрустальный шар убран в письменный стол вместе с документами. А я стояла на кухне и мыла банки для ежевичного желе.

— Ну, мисс Рэмси? — прозвучало вместо приветствия. Агнес запыхалась и тяжело дышала. Лицо ее раскраснелось.

— О, Агнес, как я рада вас видеть! — тепло обратилась я к гостье. — Я и сама собиралась вас навестить, но совершенно забыла про это желе. Кажется, здесь не больше двух пинт. Лучше, наверное, прямо сейчас с ним управиться, правда? Только хотелось бы мне знать…

— Вы говорили, что поищете книгу, — резко перебила она.

— Да, конечно. Из-за этого я и не успела закон-

чить разливать желе. Я нашла опись, просмотрела все книги в этом доме — ужасная работа, отнимает кучу времени. Одно название показалось мне особенно интересным, но… Кстати, вы не могли бы подсказать мне, по какому рецепту лучше всего варить ежевичное желе? Я так и не смогла найти никакого особого рецепта и пользуюсь старым — фунт сахара на пинту сока и несколько яблок, которые мне удалось найти под деревом…

— Это подойдет. — В ее голосе отчетливо слышалась злоба. Лицо женщины еще больше покраснело, но, думается, не от намека на мой обобранный сад, а от чего-то другого. Впрочем, ей удалось обуздать свои чувства, более того, она достала из сумки очередной гостинец — на этот раз это была полная корзинка свежей ежевики.

— Вот, принесла вам. Около нас она тоже растет, я вам говорила. Тут еще несколько диких яблок, они тоже сгодятся.

— Спасибо большое! Как вы добры. — Кажется, я уже в сотый раз повторяла ей эти слова, и каждый раз доля притворства в моем голосе все увеличивалась. — Значит, мне не нужно будет в ближайшее время ехать к каменоломне.

— Конечно.

Вдруг я поймала ее взгляд, искоса брошенный на меня, и поняла, что она принесла мне эти ягоды только для того, чтобы помешать мне еще раз отправиться к каменоломне. Но почему?! Не найдя разумного ответа, я мысленно пожала плечами, отвернулась и стала мешать густеющий сок.

— Так что же с книгой? — резко прозвучало за моей спиной.

— Ах да. Я думаю, вы ее уже видели раньше? Я имею в виду, вы наверняка знаете, что она была у моей тети?

— Да-да.

— Ну что ж. Тогда, мне кажется, это должна быть «Книга домашних рецептов и снадобий Джуди Сэнтлоу». — Я оглянулась. — Она?

— Она! — Глаза Агнес Трапп горели от возбуждения. — Она!

— И я так подумала, — сказала я, снова возвращаясь к фруктам. — Но, боюсь, ее там нет.

— В каком смысле «нет»?!

— В прямом. Все книги, перечисленные в описи, стоят на своих местах. Все, кроме этой. Может быть, она ее кому-то одолжила?

— Она бы никогда этого не сделала! — Агнес почти кричала. — Никогда! Если бы она и захотела,

чтобы этой книгой кто-то пользовался, она отдала бы ее мне! Если она дала ее старухе Мадж… но этого не может быть. Только не мисс Саксон!

Я с удивлением смотрела на нее. Мой взгляд, казалось, привел ее в себя, и она добавила почти спокойно:

— Вдова Марджет, что живет около Тидворта. Мы с ней не дружим. С мисс Саксон она, впрочем, тоже не дружила. Мне так всегда казалось.

— Тогда она едва ли дала ей книгу. Но если вы знакомы, почему бы вам не спросить ее при встрече?

— Да, пожалуй. — Она сидела за столом, пальцы нервно перебирали складки юбки. Она выглядела как воздушный шарик, из которого вдруг выпустили весь воздух. Первый раз за время нашего знакомства мне стало жаль ее.

Я помешала желе.

— А вы сами когда-нибудь держали в руках эту книгу?

— Один раз. Но мисс Саксон была не из тех, кто раздает свои рецепты направо и налево, поэтому она убрала книгу, прежде чем я успела что-либо разобрать.

— Неужели она никогда не давала вам свои рецепты?

— Да, рецепты мази из окопника, некоторые из своих чаев, но остальное — никогда. Однажды она сделала превосходное лекарство от кашля для моей матери. Превосходное — она сама любила так говорить. Мне хотелось бы взглянуть на рецепт этого лекарства, прежде чем придет зима.

— Конечно. — Я наклонилась и понюхала ароматную жидкость. Запах был как у готового желе. Тогда я зачерпнула ложку и оставила ее остывать на холодной тарелке. — Агнес, вы сказали, что не могли ничего в ней разобрать. Так это рукопись?

— Да, это рукопись. Некоторые странички так выцвели, что я с трудом могла прочесть, что там написано. Я ведь вообще не очень разбираюсь в книгах.

Желе на тарелке сморщилось и покрылось пленкой. Я сняла кастрюлю, поставила ее на стол и пошла к печке за свежевымытыми банками.

— Я слышала кое-что о Джуди Сэнтлоу. То есть о леди Сибил. Мистер Драйден мне рассказывал. Я думаю, что если она жила столько лет назад и если все истории о ней хотя бы наполовину правда, тогда эта книга должна быть довольно ценной. Поэтому моя тетя могла сдать ее на хранение своим поверенным, в банк или еще куда-нибудь. Не расстраивайтесь. Как только я ее найду, я тут

же дам вам знать.

Она смягчилась.

— Спасибо, я буду очень вам признательна. Не то чтобы я жить не могла без этой книги, но когда тебе что-то обещают и ты этого ждешь… — Конец фразы повис в воздухе. — Желе выглядит просто восхитительно. Дайте-ка я помогу вам снять пленки. Вы смотрели на всех полках?

— Что? Ах да, конечно. Вы сами знаете, что ее нет ни на кухне, ни в гостиной. Я уверена, что не пропустила ее вчера в «кладовой», но если вы сомневаетесь — пожалуйста, там на комоде ключи — убедитесь сами.

Моя готовность отдать ей ключи явно успокоила Агнес Трапп. Она покачала головой.

— Нет-нет, не стоит. Я не так уж привыкла иметь дело с книгами. Может, она все-таки отыщется. Вы спросите поверенных, а я загляну к вдове Марджет. Вот, готово. Давайте я помогу вам выложить эти ягоды.

Она достала большую миску, переложила в нее ягоды, которые принесла, и снова уселась за стол.

В это время я уже закончила разливать желе по банкам. Поставив остывать четыре банки, я почувствовала себя по-глупому счастливой и гор-

дой. Свет, падавший из окна на банки, заставлял их играть всеми красками бордового — лучше, чем любое вино.

— Сойдет для выставки на местной ярмарке? — весело спросила я.

— Я уже говорила, вам не надо много учиться. — На этот раз ее взгляд был дружеским и добрым. — В этом году ярмарка уже прошла, но будут и другие. Когда-нибудь вы пойдете со мной, и я познакомлю вас с остальными. Мы встречаемся круглый год.

— Спасибо, с удовольствием. — Я рассмеялась. — На самом деле пока еще рано показывать мою стряпню на ярмарках. Не сейчас, по крайней мере.

— Время терпит, — согласилась Агнес. Еще один острый проницательный взгляд. — Вам понравился мой суп?

— Просто объедение. Что вы еще туда положили, кроме лука и сливок?

— Все, что попалось под руку, — грибы, дикие травы и все такое. Это мой собственный рецепт. — И через несколько минут добавила: — Вам не одиноко здесь? Спится нормально?

— Превосходно, спасибо. Агнес, собака, которая раньше выла по ночам, наконец умолкла. Не

знаете, чья она?

— Все здесь держат собак. Может, ее просто закрыли, чтобы она не мешала спать по ночам.

— Будем надеяться, что она так там и останется. И еще я хотела спросить вас — вы не знаете, кто забрал голубей мисс Саксон? Вильям рассказал мне, что кто-то пришел с корзиной и унес их. Не знаете, кто это был?

На этот раз она кивнула.

— Парень, который работает на ферме Тэггса, в двух милях от Тидворта. Его зовут Мэйсон, Эдди Мэйсон. Он сам дал когда-то мисс Саксон первый выводок. Впрочем, она никогда не стала таким же любителем голубей, как Эдди. Она часто брала у него больных голубей и отдавала ему здоровых. Однажды она сказала, что, когда ее не станет, пусть он их всех заберет. Так он и сделал. Но оставил он их у себя или нет, я не знаю. А почему вы спрашиваете?

— Просто интересно. Наверное, тот, что живет у меня, улетел, когда всех остальных забирали. А сколько всего их было?

— Девять или десять. — Агнес засмеялась. — Не считая тех, кто наведывался просто поесть, — дикие голуби, воробьи, белки и множество другого зверья. И не только в мансарду. Я сама видела,

как малиновки и еще какие-то птицы шастали по столу на кухне, а этот несносный кот даже не замечал их, представляете?

— Какой ужас! А теперь давайте по чашечке кофе?

За кофе мы говорили на нейтральные темы. О книге рецептов Агнес больше не вспоминала.

Наконец с кофе было покончено.

— Может быть, дать вам что-нибудь отсюда? — спросила я, поскольку она явно не собиралась уходить. — Я хотела выйти в сад. Вильям много помогает мне, но я далеко не все еще сделала. Скоро я буду разбирать урожай лекарственных трав. Если вам что-то понадобится, я с радостью поделюсь.

Она отрицательно покачала головой, взяла сумку и направилась к боковой калитке.

Убедившись, что она ушла, я выпустила Рэга побегать по саду, потом позвала его с собой в мансарду. Голуби (все еще три) ворковали и переминались с ноги на ногу на своем насесте, тревожно поглядывая на нас бусинками глаз. Пес смерил их безразличным взглядом. Все, что ему было сейчас нужно, — еда, сон и чувство безопасности. Я поставила ему миску еды, воду, положила на пол в кухне старое одеяло и закрыла

за собой дверь. Потом пошла в сарай и уничтожила всякие следы пребывания там собаки. Пока Вильям не заберет его, мне не стоит рисковать.

После ланча я занялась ежевикой, которую принесла мне Агнес. Все ягоды были спелыми и крепкими. Несколько перезревших ягод вместе с листьями и хвостиками я выбросила на компостную кучу у задней калитки. Остальное выложила в кастрюлю для варки желе.

Когда ягоды начали закипать, я услышала стук двери черного хода. Не Агнес, тогда кто же? Вильям, который пришел, чтобы забрать собаку? Или… сердце быстрее застучало у меня в груди, в ожидании того, кого я так надеялась увидеть. Однако это оказался Джессами с большим пакетом ежевики. Руки мальчика чуть не по локоть были вымазаны ежевичным соком.

— Джессами! Какая неожиданность. Входи, входи. Это все мне? Твоя мать уже была здесь и принесла целую корзину. Как ты любезен! Спасибо тебе большое.

Он поставил пакет на стол у раковины. Мальчик тяжело дышал, его взгляд, как и взгляд его матери, был напряженным.

— Они плохие, мисс. Даже трогать их нельзя.

— Ежевику? Но почему? Я только что поста-

вила ее на огонь. Замечательные ягоды. Что ты имеешь в виду?

Его лицо одеревенело и снова приняло туповатое выражение.

— Ничего. Но не надо их трогать. Они плохие. Я принес вам взамен вот эти. И положил туда бузину, чтобы уничтожить колдовские чары. Не беспокойтесь, это хорошие ягоды. Я спросил ее, прежде чем нарвать бузины.

— Кого спросил? Мать?

— Не. — Теперь Джессами выглядел испуганным. — Я спросил ту, что живет в дереве.

Ох, Господи, еще одно напоминание о Старой Англии… Но вслух я ласково сказала:

— Большое тебе спасибо, Джессами. А как твоя рука? Не болит? Дай-ка я посмотрю.

— Уже лучше. Скоро будет совсем замечательно.

Он закатал рукав и протянул вперед руку. Мою повязку сменила новая — мятая, но довольно чистая.

— Ты был у доктора? Кто перевязал тебя?

— Это она. Мне пришлось рассказать ей о собаке, когда я отдавал ведьмин узел. Но она не знает, что я приходил к вам и что вы не спали. — Мальчик разволновался. — Я ничего не рассказывал

ей, мисс. Ничего.

— Хорошо, хорошо, — мягко ответила я. — Не беспокойся. Дай-ка я посмотрю на рану.

Повязка свалилась вместе с лепешкой темно-зеленого цвета. Рана выглядела на удивление чистой. Следы укусов побледнели, синяки совсем пропали. Еще немного, и от раны не останется и следа.

— Вот это да! Джессами, что же это такое? Что туда положила твоя мать?

— Листья. Они растут у нас за домом. Мисс Саксон каждое лето делала из них такую мазь. Она говорила, что это отличное лекарство.

— И она была права. Не надо класть на рану ничего другого. Давай я завяжу повязку.

— Превосходная мазь, — сказал Джессами тем же голосом, что и его мать. Он повторил это, как ребенок, которому удалось заучить трудный урок. — Внутрь или снаружи — превосходная мазь. Так она говорила.

Мазь пахла чем-то очень знакомым. Сейчас вспомню… Сейчас… Я глубоко вдохнула запах зеленого луга, воды в пруде, ручейка, бегущего через густой лес. Я почти слышала шуршанье длинного платья тети Джэйлис, почти различала ее голос, тихо говоривший из-за моего плеча:

«Окопник. Его еще называют костовязом или очистником. Корни варят в воде или вине. Если отвар пить, он лечит внутренние болезни, ушибы, раны и язвы легких. Следует немедленно прикладывать к свежим порезам и ранам». («Внутрь или снаружи — превосходная мазь».) Рецепт — взятый из книги Джуди Сэнтлоу? — сам собой всплыл у меня в памяти, как будто я пользовалась им уже сотни раз. «Для припарок смешайте толченые листья и корни с горячим парафином и приложите к ране, чтобы застыло…» И откуда-то издалека пришла тихая, почти неразличимая на слух фраза: «Окопник любит влажные канавы, тучные луга; его очень много в моем саду».

— Джессами, — слабым голосом произнесла я, — если тебе понадобится эта мазь, я тебе ее дам. Ее много в «кладовой».

— Спасибо, мисс. Спасибо. — Он опустил рукав и застегнул его. — Вы не будете трогать ее ежевику, правда? Вы же не ели суп. Ягоды тоже не ешьте.

— Откуда ты?.. — начала было я, но осеклась. — Суп был очень вкусный. Я поблагодарила твою мать.

С плиты донеслось шипение и одновременно с ним запах подгорелых фруктов. Я кинулась к

кастрюле. Сзади меня раздалось тревожное:

— Только не говорите ей.

— Что? Ах да. Ежевика. Нет, я ей не скажу. Но послушай, если рана будет тебя беспокоить, ты должен показать ее доктору, чтобы там ни говорила твоя мать. Пакет тебе нужен?

Он покачал головой и направился к двери. Уже на пороге он обернулся:

— Выбросьте эти ягоды, мисс. Бульон из жаб, который она делает, очень вреден.

Еще несколько секунд после его ухода я стояла, тупо глядя в ярко освещенный солнцем дверной проем. Вот уж действительно Старая Англия. Я не верила своим ушам, но Джессами явно считал себя моим должником и старался помочь.

Ну, хорошо. Пусть это все глупые суеверия, но все же Агнес попыталась два раза добавить мне в пищу какое-то снотворное. Первый раз, с пирогом, ей это удалось — мне всю ночь снились кошмары. Второй раз — с супом — это не получилось. И вот третья попытка — с ежевикой. Жабий бульон? Что это — яд? Навряд ли. Тогда что? Опять какое-нибудь снотворное, чтобы Агнес могла без помех обыскать дом? Опять же вряд ли. Даже если она ищет книгу, у нее нет причин сомневаться в моем обещании показать ее, как только она

найдется. Агнес уже обыскала весь дом, кроме «кладовой», а сегодня я предложила ей заглянуть и туда. Тогда в чем же дело?

Я сняла кастрюлю с ягодами с плиты и поставила на стол у раковины, рядом с пакетом Джессами. Джессами, я была в этом уверена, желал мне добра, но я не могла поверить тому, что он говорил. Даже если бы Агнес хотела, чтобы я спала сегодня беспробудным сном, ежевичное желе едва бы ей помогло — ведь его варят на зиму, и едят понемножку. Кроме того, я ведь могла отдать кому-то эти банки (как я собиралась отдать две банки на благотворительную ярмарку).

Но вернемся к главному вопросу: зачем вообще подкладывать мне какие-то снадобья? И если в первый раз — в случае с пирогом — это было всего лишь предположение, то во второй, с супом, следовало признать фактом. «Вы не ели суп», — уверенно сказал Джессами, а я поразилась тому, как он узнал об этом. И ответ прозвучал тут же: «Вы не спали». Значит, они не собирались приходить той ночью ко мне, иначе Джессами обязательно предупредил бы Агнес, что снотворное не сработало. Как я сейчас вспомнила, Агнес лишь спросила меня, хорошо ли я спала, точно так же, как она спрашивала после той первой

ночи.

И еще. Она знала о собаке. Джессами рассказал ей. И хотя ей было прекрасно известно и о прокушенной руке, и о том, что пес сбежал, она ничего мне не сказала. А ведь я дала ей хороший повод поговорить на эту тему. Сомнений не было — она знала, что Рэг находился в большой усадьбе, и сама послала туда Джессами. Не напоить или накормить собаку — миска была пустая и сухая. И не отпустить. Пес перегрыз веревку сам.

Итак, если это верно, то зачем он туда пошел? И ответ опять-таки у меня уже был — рана у хвоста собаки, чудовищный прыжок, разорвавший перегрызенную веревку, укус, пучок шерсти в руке Джессами. «Мне пришлось рассказать ей о собаке, когда я отдавал ведьмин узел». Я понятия не имела, что такое «ведьмин узел», но знала, что «эльфийский узел» — это скрученный и связанный пучок шерсти или волос. Наверное, Джессами назвал так клок собачьей шерсти, который он успел сунуть в карман.

Ладно. Это все догадки. Надо будет расспросить Джессами при следующей встрече. Вполне вероятно, что он мне сам все расскажет. Вильям говорил, что Джессами, в общем-то, добрый малый, просто очень боится своей матери и делает

все, как она велит. Да, похоже, так и есть. Он очень глупо повел себя с собакой: если бы он догадался взять с собой ножницы, Рэг не укусил бы его и пес остался бы у них.

Остался бы у них. Вот тут есть над чем задуматься. Агнес могла день и ночь напролет бормотать заклинания, варить жабьи бульоны и устраивать встречи-шабаши. Но лишь до тех пор, пока это не приносит страданий другим существам. Нет, я не буду тратить силы на беднягу Джессами. Я встречусь с Агнес и обо всем с ней поговорю.

Может, самым странным в этой истории было то, что я ничуть не боялась, хотя ситуация оставалась напряженной и непонятной. Казалось, Торнихолд вселяет в нервную и неуверенную девушку, какой я тогда была, какие-то силы (я не решаюсь сказать «могущество»). Этот закрытый от всех происков зла дом стал моей крепостью, моим щитом. Тень, а вернее, сияние тети Джэйлис, ее незримое присутствие, голуби, приносящие такие чудесные записки, запахи целебных трав и цветов. Они все растут в моем саду. И, наконец, то, что я уже сказала Вильяму: «Я не знаю, есть ли это все на самом деле или нет, но достаточно верить в Бога, и ничто не сможет навредить тебе».

Я очнулась от своих мыслей в светлой, слад-

ко пахнущей кухне. Солнце играло на четырех банках ежевичного желе. Четырех вполне достаточно. Я выброшу ягоды Агнес, да и те, которые принес Джессами, тоже. А потом я возьму немного мази из окопника и смажу рану Рэга. Внутрь или снаружи — превосходная мазь. Даже если он слизнет немного, ничего страшного.

Я с трудом подняла тяжелую кастрюлю и вынесла ее на компостную кучу. Птицы принялись жадно клевать ягоды, причем без каких-либо фатальных последствий. Конечно же, ягоды были абсолютно безвредны. В любом случае, надо закопать их, чтобы случайно не нажить ссору. Я вытряхнула из кастрюли остатки ягод, отнесла ее на кухню. Затем вывалила на компост содержимое пакета Джессами и пошла в сарай за лопатой. Около самой кучи я выкопала довольно большую яму и принялась сгребать в нее выброшенные ягоды.

Я уже почти закончила, когда услышала стук калитки и через несколько секунд увидела отца Вильяма. Он подошел к двери черного хода, поднял было руку, чтобы постучать, но тут заметил меня и радостно улыбнулся.

Глава 20

Я выпрямилась, опершись на лопату, и откинула волосы со лба испачканной ежевичным соком рукой.

— Здравствуйте! Рада вас видеть. Я… я так и думала, что вы придете. Вильям просил вас приехать за собакой?

— Да. Замечательный повод, чтобы повидать вас.

— Прошу прощения?

Он улыбнулся, и мне показалось, что солнце вышло из-за туч и все птицы запели разом. С трудом овладев собой, я нерешительно произнесла:

— Входите, пожалуйста. Я сейчас закончу.

— Если бы я приехал на несколько минут раньше, то помог бы вам. Я, конечно, не такой умелец, как Вильям, но иногда тоже не прочь поработать. Дайте я хоть почищу вашу лопату.

Я подчинилась.

— Вы пришли через лес?

— Нет, я на машине. Она стоит у ворот. Вы разве не слышали звук мотора? Со слов Вильяма я понял, что пешком мне, старику, не дойти. Вот,

пожалуйста. Поставить ее в сарай?

Увидев пустую кучу тряпья в углу, он резко повернулся ко мне:

— Собака? Вы хоронили собаку?

В его голосе слышалось настоящее волнение.

— Нет-нет, что вы! Закапывала фрукты, которые пришлось выбросить. С псом все в порядке.

— Ну, слава Богу, а то я бы не решился показаться дома без него.

— А почему Вильям не приехал с вами?

— Он умчался на велосипеде в Арнсайд — покупать ошейник, поводок и корм для собаки.

— Как замечательно, что вы так помогаете. Вы не против? Я хочу сказать, вы действительно не против? Это всего на несколько дней, пока я не выясню кое-что здесь.

— Послушайте, не беспокойтесь ни в коем случае. Конечно же я не против. Вильям рассказал мне, что случилось, и мы рады помочь вам, чем только сможем. Где сейчас пес?

— В мансарде. Я боюсь, что они… что кто-нибудь его случайно увидит, если я буду держать его внизу. Я как раз собиралась навестить его и положить мазь на рану. У вас есть немного времени — хотите чашечку кофе? Или — как я сразу не сообразила — хотите немного шерри? Я

обнаружила целые запасы в кладовой.

— С удовольствием. Я хорошо знаю шерри мисс Саксон.

Кажется, он прекрасно знал даже, где находится сам шерри и стаканы. Пока я мыла руки и ополаскивала кастрюлю, он принес шерри и стаканы в кухню и с удовольствием огляделся.

— Мне всегда нравился этот дом. И я рад, что вы оставили все по-старому.

— Я люблю Торнихолд. С самого начала я почувствовала, что это мой дом. Давайте позовем Рэга вниз и дадим ему время привыкнуть к вам, прежде чем вы его заберете?

— Отличная идея. Он еще не доверяет людям, бедняга. Вы не узнали, откуда он?

— Еще нет. И, честно говоря, я не хочу этого делать — потому что точно знаю, что не собираюсь его возвращать. Он останется в Торнихолде. Лестница на мансарду здесь. Сюда, пожалуйста.

— А я знаю.

Он пошел следом и любезно распахнул передо мной дверь, ведущую на лестницу.

— Вы прекрасно здесь ориентируетесь, — заметила я.

— Мне случалось довольно часто приходить сюда. Мы с вашей тетей были большими друзьями.

Когда я открыла дверь мансарды, мне навстречу выбежал совершенно другой пес — и хотя тело Рэга все еще было худым от недоедания, глаза собаки преданно блестели, длинный хвост радостно колотил по бокам. Я опустилась на колени, чтобы приласкать его, и держала, пока мистер Драйден знакомился с ним и гладил его. Затем я оставила их и пошла насыпать голубям зерна.

— Вы, конечно, знали, что она держала голубей? Вы и сюда поднимались?

— Пару раз. — Он ласково говорил что-то псу, который пытался было пойти за мной, но мистер Драйден удержал его. Рэг не противился. Я обернулась и увидела, что мистер Драйден внимательно смотрит на голубей, которые слетелись к кормушке.

— Три?

— Да. Вильям рассказал вам о записке?

— Рассказал. Я надеюсь, вы не против? Это не было тайной?

— О, что вы! Конечно нет. Он все еще переживает из-за всего этого?

— Не думаю. По-моему, он еще не понимает, но я ему объяснил.

Когда я завязала мешок с зерном, он поднялся на ноги. Рэг вертелся вокруг меня, прижав уши и

всем своим видом показывая, как он жаждет, чтобы его приласкали. Потом пес помчался впереди нас по ступенькам и остановился на площадке — ни дать ни взять щенок, рвущийся на прогулку.

— Быстро он поправился, правда? — сказал мистер Драйден. — Мне кажется, вы можете больше не беспокоиться за него. Когда вы заберете его от нас, он будет самой замечательной собакой во всей округе.

— А как с питанием? Даже кота иногда нелегко прокормить, не говоря уже о собаке.

— Вы забываете, что мы живем на ферме. Там с этим гораздо проще. Например, то зерно, которое вы давали голубям, — дар от кур с нашей фермы.

— Да что вы говорите? Вот спасибо! А что вы сказали Вильяму?

Он повернулся, чтобы закрыть за нами дверь.

— Сказал? О чем?

— Я о голубе и записке. Вы сказали, что объяснили ему.

— О, наверное, правильнее было бы сказать, что я объяснил ему, как сумел.

— И что же вы сумели ему объяснить?

— Думаю, я сказал ему приблизительно то же самое, что и вы. Что так могло случиться, только если кто-нибудь забрал птицу с запиской и выпу-

стил ее в определенный день.

— Да, но больше всего его взволновало то, что она сама написала записку, а значит, предвидела свою смерть.

— Но ведь это совсем не обязательно, не так ли? Она могла сделать то же самое, если бы вы переехали сюда и стали жить с ней, когда она вышла из больницы?

Я покачала головой.

— Она знала. И даже более того, она предсказала смерть моего отца. — И я рассказала ему о письме, пришедшем вместе с завещанием в день похорон, и о том, что пообещала мне тетя в тот день на берегу Идэна. — Я сказала Вильяму, что люди нередко могут заранее знать о своей смерти. И что тетя Джэйлис была рада такому знанию. — Я взглянула на мистера Драйдена. — Я бы тоже хотела так чувствовать себя, но боюсь, что не смогу. У меня не хватит мужества. А у вас?

Он отрицательно покачал головой.

— Она была настолько сильным человеком, что об этом нельзя даже мечтать. Но это объяснение очень похоже на мое. По крайней мере, Вильям это принял.

— И хорошо. Я спросила Агнес, кто унес голубей, и она сказала, что парень по имени Мэйсон,

который живет в той же стороне, что и вы. Вы его не знаете?

— Знаю, это пастух мистера Йеланда. Мистер Йеланд — фермер, которому принадлежит Тэггс-фарм. Когда-то она состояла из двух отдельных поместий, но потом их соединили, когда он женился на Бэсси Корбетт. Поэтому сейчас семейство Йеландов живет в Блэк Коксе, а я снимаю второй дом.

— Боскобель.

Он улыбнулся.

— Мне это название нравится больше, чем «ферма Тэггс».

— А мистер Мэйсон?

— У него свой дом в паре миль оттуда, в Тидворте.

— Как вы думаете, он мог по просьбе тети выпустить голубя в тот день, который она ему указала?

— Вполне. И если он забрал всех птиц, то никто, кроме него, это сделать не мог.

Мы вернулись на кухню, и Рэг кинулся к пустой мисочке Ходжа. Кот сидел на столе и умывался. Увидев собаку, он зашипел — выразил свое обычное презрение — и спокойно продолжал умываться.

Я рассмеялась.

— Скоро подружатся. Ну что ж. Загадки с голубями и записками могут подождать, пока я не встречу мистера Мэйсона. Садитесь, пожалуйста.

Он разлил шерри и протянул мне стакан.

— Это вас все еще беспокоит?

— Ничуть. Скорее, даже наоборот. Мне это нравится — это очень похоже на тетю.

— Других записок не было?

— Только одна, и еще лучше первой. Она пришла, словно благословение неизвестно откуда.

Он молчал, очевидно чувствуя, что я не буду пускаться в дальнейшие объяснения. Мы смотрели, как пес вылизывает пустую миску. Потом Рэг завилял хвостом и подбежал к нам, требуя внимания. Ходж сидел на столе. Вот уж кому было совершенно наплевать на внимание и всякую суету вокруг.

Я погладила пса по голове.

— Вы не знаете, нет ли поблизости площадки из древних камней, сложенных в виде круга?

Он удивился.

— Стоунхендж не очень далеко отсюда.

— Нет-нет, не такой большой. Гораздо меньше.

— Ну, на самом деле Стоунхендж не так велик, как это можно подумать, глядя на фотографии.

Вы ведь еще не были там?

— Нет. Я даже не задумывалась о том, что это недалеко отсюда. Но я же с севера. — Я улыбнулась. — Понимаете, я думала, нет ли здесь поблизости такого же круга камней, но поменьше — вроде того, что расположен у Кесвика? Где-нибудь у каменоломни, где мы с вами впервые встретились?

Сказав последнюю фразу, я почувствовала себя ужасно неловко и замолчала. Такие слова больше подходили влюбленным. Казалось, они до сих пор висят в воздухе.

Но мистер Драйден ничего не заметил. (А почему он должен что-то замечать? Он тебе в твоих духовных муках не компания, Джэйлис Рэмси.)

— Нет, — говорил в то время мистер Драйден, — здесь поблизости ничего такого нет. По крайней мере, ни у Боскобеля, ни у Блэк Кокса. Но вот Стоунхендж — вы действительно никогда его не видели? Хотите посмотреть?

— Очень. Вот следующим летом у меня, может быть, будет своя машина и немного бензина…

— Послушайте, машина ждет за воротами, бак полон, погода сегодня на редкость замечательная. Как насчет того, чтобы поехать туда прямо сегодня? Это совсем близко.

— Я… я с удовольствием. Но как же ваша книга? Я думала, вы с головой погружены в работу.

— Иногда она должна отходить на второй план. В любом случае, я собирался пригласить вас куда-нибудь сегодня вечером. Рэг — просто повод заехать за вами. Мы отвезем собаку домой, перекусим…

— Если хотите, я могу приготовить что-нибудь здесь. Хотите омлет? Благодаря вам у меня огромный запас яиц.

— Нет-нет, спасибо. Вильям уже, наверное, вернулся и ждет вас с нетерпением.

— Вы хотите сказать, Рэга, — засмеялась я.

— Конечно. Там мы съедим по сандвичу и поедем в Стоунхендж. Пожалуйста, соглашайтесь.

— С удовольствием. Спасибо, мистер Драйден. Может быть, вы выпьете еще немного шерри, пока я поднимусь наверх за мазью для Рэга и кофтой?

Поездка в Боскобель началась в полном молчании. Я помню шорох колес по траве, которой заросла дорога в Торнихолд, сполохи солнечного света, играющего между зелеными и золотистыми ветвями, вспышку голубого — когда сойка пролетала совсем низко над нами. Мой спутник молчал, и может быть, из-за того, что я сидела так

близко к нему или что мы впервые были вдвоем в таком маленьком замкнутом пространстве, да все это еще усиленное, как мне казалось, моими слишком очевидными чувствами, привело к тому, что ко мне снова вернулось мое старое смущение и неуверенность в себе. Хорошо, что с нами был Рэг, все время требовавший внимания. Он явно в первый раз был в машине, и ему это не очень нравилось. Кроме того, нужно было заставить его лежать на полу, пока мы не проедем дом Агнес Трапп.

Когда машина проезжала мимо двух маленьких домиков, я увидела легкое движение занавесок на стороне Агнес — словно кто-то выглянул и тут же спрятался. В окошке напротив было видно, как кто-то механически качается в кресле — туда-сюда, туда-сюда.

Мы повернули и выехали на залитое солнцем шоссе. Наконец мистер Драйден заговорил:

— Они были там.

— Да, я видела.

— Ну, все. Можете его отпускать. Как вы думаете, он будет сидеть на заднем сиденье?

Но Рэг отказался сидеть сзади. Он залез ко мне на колени, и мне ничего не оставалось, как откинуться назад и устроиться поудобнее.

Мистер Драйден посмотрел на нас.

— Вам так удобно?

— Нормально. Бедняга легкий, как перышко. Он скоро успокоится. Знаете, мистер Драйден, я не помню, сколько лет назад совершала подобные вылазки просто ради удовольствия. Это так замечательно!

— Я рад это слышать. И пожалуйста, зовите меня просто Кристофер. Или Кристофер Джон. Так меня называли в детстве, чтобы отличать от отца. Как вам больше нравится.

— Хорошо. Но и вы тоже зовите меня по имени.

Машина стала набирать скорость. Деревья летели сплошной зеленой стеной.

— Вильям зовет вас Джили. Я так понимаю, вы сами его об этом попросили. Вам больше нравится Джили? Или Джэйлис?

Я улыбнулась:

— Как вам больше нравится.

— Джэйлис. — Он сказал это тихо, но таким голосом, что у меня мурашки по спине побежали. Я крепче обняла Рэга и прижала его к себе.

— А знаете, — добавил Кристофер Джон, — что это настоящее колдовское имя?

Я резко подняла голову.

— Боже мой, нет! Вы уверены? Я часто спрашивала маму, откуда это имя — тетино, я имею в виду, ведь меня назвали в ее честь, но она мне никогда не говорила.

— Тетя была вашей крестной?

— Она предпочитала называть себя спонсором. С Богом у нее были — по крайней мере, она так считала — довольно прохладные отношения.

(Вторая записка: «…Господь да благословит твой сон…» — кто же ее написал? Кто?)

Кристофер рассказывал что-то об Эдинбурге и судах над ведьмами.

— Там жила Джэйлис Дункан. Она даже упоминается в «Демонологии». И там же я встретил имя Агнес Сампсон. Это невинное имя попадалось мне во всех хрониках о колдунах и колдовстве, которые я читал. Наша Агнес вполне подошла бы для их компании.

— И была бы самой красивой ведьмой на всем шабаше, — весело сказала я — скорее всего просто так, потому что нужно было как-то поддержать разговор, нежели по другим причинам.

— Красивая? Она? Да, наверное.

И было в его голосе столько равнодушия и безразличия, что пелена мгновенно спала с моих глаз. Сердце забилось сильнее.

Как же я раньше этого не замечала!

Агнес Трапп ничего не клала в ягоды. Она принесла их, чтобы я не ходила к каменоломням, чтобы помешать мне пойти оттуда в Боскобель. И она специально не сказала мне ничего — или даже солгала — о жене Кристофера Джона.

Причина? Меня настолько ослепили и оглушили собственные чувства, что я даже не задумывалась, что Кристофер Джон может нравиться и другим женщинам. Стрела попала в цель и затрепетала, разнося боль по всему телу. Агнес Трапп тоже была влюблена в Кристофера Джона.

Вильям ждал нас, повиснув на воротах.

Когда машина подъехала, он раскачал их посильнее, и мы заехали во двор. Рэг выскочил из машины и остановился, растерянно оглядывая новую обстановку, к которой ему предстояло привыкнуть.

— Рэг! Рэг! — громко позвал Вильям, и пес радостно бросился к нему.

Мы оставили их играть и вошли в дом.

Глава 21

Мы побывали в Стоунхендже. В те дни он еще не был окружен оградой и осажден со всех сторон туристами. Издали он казался совсем маленьким посреди бескрайней равнины, но когда мы подъехали ближе, камни постепенно выросли до своей огромной высоты. На нас повеяло атмосферой древней неведомой тайны.

И все же это были не те камни, что приснились мне в ту первую ночь. В траве везде росли колокольчики. Древние менгиры были покрыты лишайниками всевозможных расцветок — зелеными, золотисто-янтарными и серыми, как шиншилла. Ветерок в густой высокой траве звучал почти как шум тихой реки. Несмотря на осеннюю пору, в небе иногда раздавалось пение птиц. Само небо — огромное, синее, с редкими белыми облаками — накрывало равнину своим куполом и было похоже на спокойное море с островками пены.

Кроме нас, у Стоунхенджа никого не было. Мы медленно пошли вдоль камней, в то время как Кристофер Джон рассказывал мне об этом удиви-

тельном памятнике. Никто не знает, говорил он, когда и каким великим народом был воздвигнут Стоунхендж. Известно лишь, откуда эти люди возили камни. И в это, учитывая размеры и количество камней, верится с трудом. Конечно же, вокруг древних менгиров возникло множество легенд. Одни утверждали, что Стоунхендж был построен за одну ночь Мерлином и что в центре монумента покоится король Унтер Пендрагон. Друиды приносили здесь человеческие жертвы и наблюдали за небесными светилами. Стоунхендж ориентирован на восходящее солнце, и в день летнего солнцестояния множество людей съезжается сюда для молитв и в ожидании чудес… Что же это? Календарь, отсчитывающий не дни, а года, века и тысячелетия? Ориентир на пути Небесного Дракона?

Но ничто — ни правда, ни легенды — не могло передать древнее магическое очарование этого места. Для меня оно заключалось в основном в этом чистом небе, колыхании трав, пении птиц и — в ощущении счастья.

Потом мы попили чаю в Эйвбери — маленькой деревушке, стоящей внутри другого каменного круга, такого огромного, что всю окружность нельзя было увидеть ни из одной точки. Круг

пересекали поля, улицы и тропинки. Многие камни уже отсутствовали. Однако мы решили не обходить еще и этот монумент, а повернули к дому. Кристофер Джон повел машину живописными просеками, и мы не раз останавливались, чтобы я могла нарвать диких цветов и веток с ягодами — рисовать. «Раньше я любила рисовать цветы, но потом забросила, — объяснила я своему спутнику. — А теперь, когда главная работа по дому уже сделана, я опять хочу попробовать».

И все время мы беседовали. Мое первое смущение прошло, будто его и не было. Теперь я уже не помню, о чем мы говорили, но за эту поездку я многое узнала о Кристофере Джоне. Мы остановили машину у моста через Арн, откуда открывался замечательный вид на развалины аббатства, освещенные красноватым светом заката. Он сел на парапет моста и разговаривал со мной, пока я собирала для букета брионии, блестящие ягоды жимолости и поздние осенние колокольчики, которые выглядят такими хрупкими, а на самом деле твердые, как жесть.

Кристофер Джон служил во время войны в Западной Сахаре: он практически не рассказывал мне о том времени, за исключением того, что дружил с Сиднеем Кейесом, молодым поэтом,

погибшим в тысяча девятьсот сорок третьем году в возрасте двадцати лет.

— Если бы он остался жив, — сказал Кристофер Джон, — он бы стал одним из величайших поэтов современности. Это, впрочем, так и есть, — добавил он. — Вы читали его стихи?

— Боюсь, что нет. Я вообще в последнее время почти не читаю поэзию. Мне нравится Уолтер де ля Мар.

— Сладкоголосый певец и один из глубочайших умов нашего времени. — Эти слова напоминали цитату. Так оно и было. — Это был любимый поэт моей жены, — продолжал Кристофер Джон. — Она работала редактором поэтического отдела в «Аладдин пресс». Во время войны она жила с Вильямом у своей сестры в Эссексе, но иногда ездила в Лондон по работе. Однажды ей пришлось ехать в редакцию, и на обратном пути она попала под бомбежку. А я в это время находился в полной безопасности где-то около Тобрука. Вильям уже почти не помнит ее.

Он продолжал рассказывать мне о своей жене, Сесилии, которой уже шесть лет как не было на свете. В его голосе было много любви и нежности, но не горя — все-таки прошло уже шесть лет, и, как бы ни велика была утрата, счастье постепен-

но возвращается в жизнь.

— Или появляется неожиданно, как восход в Стоунхендже, — добавил Кристофер Джон, глядя, как руины, из которых уходил солнечный свет, сереют, приобретая зловещий призрачный вид.

— Смотрите-ка, вон там, у ворот, колючий аронник. Вот что нужно добавить в ваш букет для яркости.

Мы сорвали аронник и поехали домой. В Торнихолд мы приехали уже в сумерках. Кристофер Джон проводил меня до двери, открыл ее передо мной, наотрез отказался войти, потрепал Ходжа и, попрощавшись, ушел. Хлопнула дверца, заурчал мотор.

Я схватила Ходжа, поцеловала его в пушистую мордочку и уже собиралась было бежать наверх, как вдруг услышала, что мотор заглох. Снова стукнула дверца. Ходж яростно лягнул меня и спрыгнул на пол. По дорожке быстрыми шагами шел Кристофер Джон, неся в руках мои цветы и маленький сверток в оберточной бумаге.

— Вы забыли цветы. Боюсь, они немного примялись, но в воде, наверное, отойдут.

— О Господи! Они лежали у меня на коленях, а когда я выходила, они упали на пол, и я совсем забыла о них. Извините, пожалуйста.

— Ну что вы. Это только к лучшему, потому что иначе я бы не вспомнил о том, что должен был вручить вам уже две недели назад. Мисс Саксон просила передать вам это, когда вы приедете. Вот, пожалуйста. И примите мои извинения. Еще раз спасибо за чудесный день.

Прежде чем я успела что-либо сказать, он помахал рукой, повернулся и пошел к машине. На этот раз машина завелась сразу и быстро поехала к шоссе. Ходж недовольно мяукнул из-за кухонной двери. Я распахнула ее и внесла цветы и сверток. Сначала надо поставить цветы в воду. Потом — покормить Ходжа, не то он все равно не даст покоя. И, наконец, сверток от тети.

Не знаю, были ли у меня способности к колдовству или нет, но я уже знала, что там внутри. Между бутылкой шерри и вазой диких полевых цветов на столе лежали «Домашние снадобья и рецепты Джуди Сэнтлоу».

Конечно же, я взяла книгу с собой в постель и, конечно же, читала ее почти до утра.

Читала там, где могла разобрать почерк. Агнес была права — тонкий витиеватый почерк и выцветшие чернила делали некоторые места практически нечитаемыми. Правда, кое-где над такими фразами рукой моей тети были сделаны

приписки, а также карандашные пометки и даже исправления к старым рецептам.

Если бы я ожидала увидеть книгу магических заклинаний, я была бы сильно разочарована. В книге содержалось только то, что обещало название — домашние снадобья и рецепты. Многие из них использовала сама тетя Джэйлис — здесь и там виднелись ее пометки: «Хорошо помогает, но потреблять в умеренных дозах. Ребенку давать полдозы». Или: «Слишком сильное. Попробовать вместо…» неразборчиво… и дальше — «Да». Мазь из окопника тоже была здесь: «Для припарок…» Я читала, и мурашки невольно побежали у меня по спине. Я знала все дословно! Сбоку стояла приписка тети Джэйлис: «Рецепт Кальпепера. Превосходная мазь, как наружное, так и внутреннее». Я улыбнулась. Против другого рецепта было написано: «Не растет здесь. Итальянский. Спросить Кр. Дж.».

Рецепты шли в полном беспорядке — скорее всего в той последовательности, как их пробовала, узнавала или изобретала автор книги. Среди рецептов приготовления супов, пирогов и пудингов попадались описания различных видов вин, лекарств, грибов, растений, разнообразных листьев, плодов, корней — словом, всего того, что

растет не только в саду, но в лугах и лесах вокруг Торнихолда.

Я читала, не в силах оторваться, и чем больше я читала, тем яснее понимала (с большой долей внутреннего опасения), что мне, видимо, придется пойти по стопам леди Сибил и тети Джэйлис и стать третьей «колдуньей» Торнихолда. Еще одно обстоятельство смущало меня — то, что я видела в тетиной «кладовой», тот образ жизни, который, судя по всему, вела тетя — от всего этого придется отказаться, когда я выйду замуж и заживу семейной жизнью.

Как видите, мои мысли ушли далеко вперед даже самых смелых мечтаний.

Однако сбудутся эти мечты или нет, теперь я точно знаю, что мне делать.

«Талант, с которым ты появился на свет». Вот я и буду использовать свой талант и зарисую все растения и грибы, упоминаемые в описаниях и рецептах. А потом, может быть, издам книгу «Чудодейственные снадобья Торнихолда». Кристофер Джон посоветует мне, как это сделать. Но даже если книга не получится, я буду заниматься этим ради собственного удовольствия. И в то же самое время научусь использовать целебные свойства лесных и садовых растений. Начну

завтра же — сделаю копию книги леди Сибил и, возможно, попробую некоторые из ее рецептов.

Вдруг я вспомнила, что обещала показать книгу Агнес, как только получу ее. Это первое. Завтра я наберусь храбрости, пойду к Агнес и добьюсь ответов на вопросы, которые уже давно собиралась ей задать. Но ни словом не упомяну ни ежевику, ни каменоломню, ни Боскобель.

Ежевика. Эта мысль вдруг неожиданно пришла мне в голову, и я лихорадочно перелистала снова всю книгу. Рецепта ежевичного желе в ней не было.

За окном ухнул филин. Над головой по полу мансарды скребли коготки какого-то зверька, который подбирал остатки голубиного корма. Около меня мурлыкал Ходж, уткнувшись носом в пуховое одеяло. Вдруг мурлыканье оборвалось — совсем как мотор в машине Кристофера Джона. Большой мотылек влетел в комнату и стал биться о мой ночник. Я выключила лампу, чтобы он мог вылететь в окно, и задумалась.

Итак, рецепта ежевичного желе в книге нет. Но ведь это единственная причина, по которой Агнес так хотела получить ее. Если бы ей нужны были рецепты травяных настоек или мазей, думаю, она бы мне так и сказала. Но сколько же она

наговорила мне искусной лжи о «самом вкусном желе в округе», об «особом рецепте мисс Саксон»! А ведь книгу читать очень сложно, и Агнес сама сказала мне об этом. Однажды она уже попыталась найти в ней что-то, но ей не хватило то ли времени, то ли удачи.

И что же все это значит? Только то, что в книге есть еще какой-то рецепт, который много для нее значит, но о котором она не желает говорить.

А из этого следует еще один вывод. Что бы там ни было, тетя Джэйлис не хотела, чтобы рецепт попадал в руки Агнес Трапп, потому и отдала книгу Кристоферу Джону. Она знала, что у него книга будет храниться в полной безопасности вплоть до моего приезда.

Я снова включила свет. Мотылек уже улетел. Ходж проснулся, бросил на меня полный укора взгляд и снова погрузился в сон.

Я потянулась за книгой. Ее обложка была некрепкой с самого начала, а от долгого пользования совсем развалилась. На сгибе виднелись нитки переплета. Моя попытка достать книгу с ночного столика не увенчалась успехом — она выскользнула у меня из рук и шлепнулась на пол. Одна страничка при этом вывалилась и мягко спланировала сверху.

Я осторожно подобрала книгу и листок и стала искать место, откуда он мог выпасть. Странно, но он сильно отличался от прочих страниц — бумага была толще и желтее, текст написан коричневыми чернилами красивым старинным почерком с завитушками и другой рукой. Да, этот рецепт писали задолго до появления в Торнихолде благородной леди Сибил и тем более Джэйлис Саксон. И принадлежал он книге, которую можно было бы ожидать увидеть вместо рецептов Гуди Гостелоу. Здесь уже пахло «настоящей» магией, в которой так нуждалась наша местная колдунья.

«Любовное зелье» — прочла я заголовок.

Кажется, сначала я почувствовала отвращение, но потом — как женщина к женщине — только жалость. И потом, опять же по-женски, неуверенность: может быть, я неправильно истолковала его чувства ко мне? И наконец, ужас: а что если эта штука сработает?

Я поднесла старинный пергамент к глазам и прочла: «Любовное зелье. Возьми крылья четырех летучих мышей, девять волосков из хвоста мертвой или умирающей собаки, кровь черного голубя, и смешай все с…»

Дальше я не читала. Но даже этот отрывок дал мне ответы на все вопросы, которые я собиралась

задать Агнес Трапп.

Долгое время я не могла заснуть, пытаясь мысленно оправдать Агнес. В конце концов (говорила я себе), это всего лишь результат деревенского практичного подхода к животным. Для Агнес, как и для большинства жителей глухих английских деревень в сороковые годы, все дикие звери были паразитами. Кота терпели только потому, что он ловил мышей и птиц, пусть даже и малиновок. Собаку — исключительно как сторожа Она, не задумываясь, свернула бы шеи моим домашним голубям, утопила бы бездомного Ходжа, а Рэга использовала для своих зловещих колдовских манипуляций. Я могла бы простить ее — и ее сына Джессами, который делал все по ее приказанию, — за рану, которую они нанесли собаке, но оставить бедного пса умирать медленной смертью от голода и жажды в подвале?! И все из-за этого мерзкого зелья…

Я так напряглась, оправдывая Агнес, что меня буквально стал бить озноб. Я говорила себе, что любовь к животным, которую я испытывала с раннего детства, на самом деле — результат моего одиночества и отсутствия любви и материнской ласки. Мне всегда казалось, что животные намного надежнее и добрее людей, но это всего лишь

мое мнение. Это я отличаюсь от большинства людей — простых, общительных, со здоровым отношением к природе и животным.

Внезапно я вспомнила историю с кюре и кроликом. Наверное, он разводил кроликов для еды, и если ребенок сначала держал у себя кролика для забавы, а потом сам отдал его обратно, то этот кролик снова автоматически перешел в разряд «еды». Справедливо, не так ли? Я сама ем мясо. Неправильно тогда поступили не с кроликом, а с ребенком, со мной.

А моя мать и Ровер? Ее воспитывали в суровой семье новозеландских первопроходцев, вынужденных каждый день отвоевывать свою жизнь у новозеландского буша, где животные были прихотью и где среди бедности и постоянных лишений не было места сантиментам. Даже детей рассматривали в первую очередь как рабочую силу, поэтому сыновья всегда были более желанны, чем дочки. Все горести моего детства можно было, таким образом, понять и простить…

Вот так неожиданно получилось, что это мерзкое любовное зелье избавило меня от призраков далекого прошлого, отравлявших мою жизнь… Я вздохнула с облегчением и почувствовала, как в душу снисходят мир и спокойствие.

Когда же я наконец заснула, мне приснились не древние камни Стоунхенджа и не умирающие собаки, а голуби, летящие в синем небе, и Кристофер Джон, который улыбался и говорил мне: «Счастье в конце концов возвращается».

Глава 22

Поскольку эта книга вовсе не о черной магии, а простая (ну, скажем, довольно простая) любовная история, то по закону жанра необходимо, чтобы действие заключительных глав происходило солнечным летним утром.

Утро действительно было прекрасным — солнечные лучи согревали прохладный утренний воздух, на траве блестела роса, а над рекой стоял белый туман. Но даже это утро не могло рассеять ту тяжесть в душе, с которой я проснулась. А когда я вспомнила, что мне предстояло сегодня сделать, я вынуждена была призвать на помощь все свое мужество. Только мысль о Рэге — «недавно умершей или умирающей собаке» — поддерживала меня. Я быстро справилась с утренней рутиной и быстро взбежала наверх, за книгой.

Я не собиралась давать ее Агнес, пока она не ответит мне на все вопросы и пока я не узнаю всей правды. Но даже после этого она не получит этот гнусный рецепт — ни за что! Я вытащила листок пергамента и без малейших колебаний поднесла к нему спичку. Смыв пепел в раковину,

я поставила книгу на полку в «кладовой» и пошла вниз — готовиться к встрече с Агнес, пока у меня еще не пропала решимость. Всегда лучше встречаться с врагом на собственной территории и самому выбирать позицию для сражения с ним. Я никогда не была в доме Агнес, меня ни разу не приглашали внутрь, когда я останавливалась около их дома на пути из города, чтобы поговорить с Агнес. Я не хотела говорить в присутствии Джессами, и уж точно разговор нельзя было вести в дверях. Тогда я решила просто сказать Агнес, что я нашла книгу, которую она хотела посмотреть, но книга это ценная и такая старая, что лучше будет, если Агнес почитает ее в Торнихолде и спишет все рецепты, какие ей понравятся.

Потом, чтобы не тратить на Агнес весь этот чудный солнечный день, я съезжу в Тидворт и встречусь с мистером Мэйсоном, который взял себе тетиных голубей. Надо спросить его о записках. У меня возникла безумная догадка о том, кто мог послать вторую записку, но мне даже в мыслях не хотелось надеяться на это. И еще — проезжая мимо Боскобеля, я могу встретить Кристофера Джона.

Я сделала себе пару сандвичей, поставила на багажник корзину с банкой моего ежевичного

желе и поехала.

У дома Агнес состоялась первая проверка моего мужества и решимости. Агнес не было дома. Судя по всему, Джессами тоже отсутствовал — на мой стук никто не ответил.

Я поставила банку с желе на порог и уже собралась было уезжать, как вдруг сзади меня раздался голос Джессами:

— Ой, доброе утро, мисс!

Мальчик вышел из дверей дома напротив. Дверь была открыта настежь, и я увидела маленькую чистенькую комнату, стол, накрытый красной клетчатой скатертью, медную решетку пылающего камина. У камина в старинном кресле-качалке сидела старуха, выглядевшая, наверное, вдвое старше своего возраста. Все напоминало Викторианскую эпоху — камин, качалка, старушка с передником на коленях и шалью на плечах. Она улыбнулась мне и помахала рукой. Я тоже улыбнулась и помахала в ответ.

— Мамы нет дома, — сказал Джессами, — она вышла.

— А ты не знаешь куда?

— Она никогда не говорит, куда идет.

— А ты не видел, куда она пошла? К лесу?

— Не. К городу. — Он махнул рукой в направле-

нии Сэйнт-Торна.

— Она не сказала, когда вернется?

Мальчик покачал головой.

— Она ушла после завтрака. Ничего не сказала. Вы сделали желе, мисс?

— Да. Получилось просто здорово. Я принесла банку для тебя и твоей матери. Спасибо тебе за ягоды. Кстати, как рука?

— Лучше. Скоро совсем заживет.

— Вот и хорошо. Когда твоя мать вернется, передай ей, пожалуйста, что я нашла книгу. Скажи ей, пусть она приходит в Торнихолд, ладно?

— Книгу? — Он выглядел удивленным. — Мама будет читать книгу?

— Да, она знает, о чем идет речь. Просто скажи ей, что я нашла книгу.

Я взялась за велосипед. Бабушка снова помахала мне рукой, и я ответила.

— Скажи маме, что меня не будет часов до пяти, но потом пусть приходит, если хочет посмотреть книгу. Хорошо, Джессами? Не перепутаешь?

— Ага, — ответил он и добавил шепотом: — Вы можете не заходить здороваться с бабушкой, все равно от этого не будет толку. Она рада вас видеть, вот и все.

— Хорошо, Джессами, я понимаю. Я тоже рада

ее видеть. Передай ей, пожалуйста, что она замечательно выглядит.

Еще раз помахав старушке на прощанье, я села на велосипед и поехала по залитой солнцем дороге. А позади меня, за занавеской, возобновилось бессмысленное движение кресла — туда-сюда, туда-сюда.

К сожалению, проезжая поворот на Боскобель, я так и не увидела Кристофера Джона. Затем широкая дорога сменилась неровной тропой, по которой, очевидно, ходил в основном скот. Дорога шла крутыми изгибами между холмами, и приблизительно через милю я увидела наконец Тидворт. Здесь дорога кончалась.

Тидворт оказался крошечным поселком в десять-двенадцать домиков, рассеянных вокруг зеленой лужайки, в центре которой находился небольшой пруд. В пруду плескались утки.

Около одного домика стоял красный почтовый ящик, а в окне были выставлены какие-то товары. Я решила, что это почта, и направилась к ней. Внутри никого не было, но из задней комнаты доносился аромат свежеиспеченного хлеба. На звук колокольчика вышла пожилая женщина и, вытерев руки, испачканные мукой, о клетчатый передник, подошла к стойке.

— Извините, что отвлекаю вас, — начала я.

— Ничего, мисс. Чего изволите?

Я колебалась, глядя на полки. Что же выбрать? Талонная система лишила такие маленькие магазинчики всех доходов, поскольку люди предпочитали отоваривать талоны в городах, где они могли купить на них что-то, выходящее за рамки обычного рациона. А в деревне, где люди имеют свое молоко, масло, яйца, сами пекут хлеб… Мой взгляд упал на банку какао.

— Банку какао, пожалуйста.

Она потянулась за банкой, не отрывая от меня глаз. Хозяйка магазина была высокой костлявой женщиной, одетой в черное платье и кофту ржавого цвета. Седые волосы стянуты в пучок на затылке, волевая челюсть. Быстрые черные глаза смотрели на меня с явным интересом, скорее, даже с любопытством. Это поначалу удивило меня, но потом я вспомнила, какой это медвежий угол. Наверное, незнакомые люди заходят сюда не каждый год.

— Хотите чего-нибудь еще? С вас шиллинг и четыре пенса. Спасибо.

— Простите, не могли бы вы еще сказать мне, где я могу найти мистера Мэйсона? Мне сказали, что он живет здесь, в Тидворте.

— Эдди Мэйсон? Его дом стоит у дороги, с краю поселка. Первый дом, когда въезжаете в Тидворт. Только не думаю, что он сейчас там, — он приходит поздно и бывает дома только по воскресеньям. Он работает у фермера Йеланда в Блэк Коксе.

Ну почему я раньше об этом не подумала? Чтобы попасть в Блэк Кокс, нужно проехать через Боскобель. Я улыбнулась.

— Спасибо большое. Я заеду туда по дороге назад. Но, может быть, миссис Мэйсон дома?

— Он не женат, — сказала она с неожиданной ухмылкой. — Пока.

— Ну что ж, тогда разрешите поблагодарить вас, — сказала я с чувством странного облегчения, направляясь к выходу.

Ее голос остановил меня в дверях:

— Так вы остановились в этих краях?

— Да. То есть нет. Я приехала сюда не в отпуск, а насовсем. Теперь я живу в Торнихолде. Вы, наверное, знаете, где это. Я переехала туда в сентябре и еще только осваиваюсь. Сегодня вот первый раз побывала в Тидворте. Славное место, только немного уединенное, не правда ли?

— Говорят, из нашей глуши даже вороны вылетают задом наперед, — кивнула хозяйка. — Так

вот, я сразу поняла, кто вы, как только вы зашли. Конечно же, мисс Рэмси, на которую работает вдова Трапп. Рада вас видеть, мисс.

Она подняла перегородку стойки и пошла вперед, протягивая руку для рукопожатия.

Голубиная почта, подумала я. Голубиная почта, настоящие индейские барабаны в джунглях Вестермэйна.

Ну, конечно же, каждый в радиусе нескольких миль знает мое имя. Может быть, не только имя, но и внешность и то, чем я занималась в Торнихолде. «Вдова Трапп», несомненно, оповестила всех.

Вдова Трапп и ее конкурентка, живущая в Тидворте. Это старомодное обращение разрешило все мои сомнения. Я пожала протянутую руку. Она оказалась сухой, костлявой и на удивление сильной.

— Как поживаете, миссис Марджет?

Ее радость при этих словах тоже показалась мне знакомой.

— Ну разве она не говорила мне? И разве я не увидела все с первого взгляда сама?

— Кто говорил? Что говорил?

Она только покачала головой, ее глаза радостно блестели. Потом она взяла банку какао и вложила

ее в мою руку.

— Вы забыли это. Да, меня зовут Мадж Марджет. Вы, наверное, знаете Джорджа — это мой сын. Он работает почтальоном и рассказал мне, что дом мисс Саксон совершенно преобразился и что новая хозяйка — самая красивая девушка отсюда и до самого Солсбери. Как только вы вошли в магазин, я сказала себе — это она, у нее взгляд мисс Саксон. И настоящая красавица вдобавок.

— Нет, что вы… Я… Спасибо.

Она сложила руки под передником и облокотилась на стойку, приготовившись к длительной беседе, но я лишь еще раз поблагодарила ее и, сославшись на неотложные дела, направилась к двери. Когда я открыла ее, рука миссис Марджет опустилась мне на плечо.

— Смотрите, вон дом Эдди Мэйсона. Он их там держит.

— Кого «их»?

Сухой палец указывал в небо, где кружилась стая голубей, постепенно удаляясь по направлению к Боскобелю.

Глава 23

Дом мистера Мэйсона стоял несколько в стороне от дороги. Если бы мне даже не сказали, что он холостяк, я бы догадалась об этом сама. И дом, и сад выглядели совсем неухоженными. Калитка, давно нуждающаяся в покраске, висела на одной петле. Я осторожно открыла ее и направилась по заросшей сорняками дорожке к дому. Дверь была открыта. Она вела в гостиную, где на столе стояли остатки завтрака, накрытые газетой. Пара тапок валялась там, где их скинули, — у каминной решетки.

Типичное холостяцкое жилье, но ничего общего с порядком и уютом в доме Кристофера Джона. Ничего, кроме одной вещи. На холодной плите я увидела знакомое бело-голубое блюдо, а на нем половину пирога. Да, Агнес охватила благотворительной деятельностью даже Тидворт.

На всякий случай я постучала, подождала положенные полминуты и, так как никто не ответил, пошла вокруг дома, якобы в поисках черного хода. За домом, в глубине того, что раньше называлось садом, стояла голубятня. Подойдя

поближе, я услышала какой-то звук, подняла голову и увидела, что голуби возвращаются. Их было около двадцати — белые, серые, черные. Медленно кружась, они опускались все ниже и ниже, потом стали садиться на площадку перед входом и по одному исчезать в голубятне.

Мне стало ясно, что все свободное время мистер Мэйсон проводит здесь. И хотя краска на ней кое-где облупилась, голубятня выглядела крепкой и ухоженной, а стекла и решетки — совсем новыми. Я дернула дверь, но она была заперта. Пришлось встать на цыпочки и заглянуть внутрь через окно.

Почти все птицы сгрудились около кормушки. Некоторые, завидев меня, испуганно взлетели, но вскоре успокоились. Очевидно, они привыкли к тому, что за ними наблюдают. Большинство голубей были серыми, как те два, что прилетели в Торнихолд, но попадались среди них и черные, и огненно-рыжие, и даже чисто белые. Насколько я могла заметить, все они были окольцованы, но ни на одном я не увидела специального почтового колечка.

Но это еще ничего не доказывает, подумала я, идя к калитке. Может быть, им надевают это колечко, только когда вставляют туда письмо.

У меня есть все основания заехать в Блэк Кокс и спросить об этом мистера Мэйсона. И все основания, чтобы завернуть в Боскобель и спросить, как поживает Рэг.

Не нужно мне никаких поводов и никаких оснований, сердито подумала я. И он ясно дал мне это понять. Его чувство ко мне — ну, хорошо, пусть будет симпатия — уже почти излечили меня от болезненной застенчивости, которой я страдала с детства. Но почему эта проклятая застенчивость снова овладевает мной, когда его нет рядом?

Однако оказалось, что все мои колебания были напрасны. В Боскобеле Кристофера Джона не оказалось. Не было там ни его машины, ни велосипеда Вильяма, ни Рэга.

Я вздохнула и поехала дальше по дороге в Блэк Кокс.

Первое, что я заметила на ферме, была машина Кристофера Джона и велосипед Вильяма, стоящий рядом с ней у стены. Вся моя застенчивость и робость моментально испарились. Казалось, все, что мне было нужно, — это чтобы он оказался рядом. Я поставила свой велосипед рядом с велосипедом Вильяма и пошла к воротам.

На первый взгляд двор выглядел безлюдным,

за исключением кур, клевавших у амбара просыпавшееся зерно. Были среди них и голуби. Когда я подошла, они взлетели, и я увидела, что это дикие птицы. Они снялись большой стаей и перелетели на высокий вяз, росший за фермой.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Мой голос прозвучал одиноко и неуверенно в огромном пустом дворе. Солнце палило крыши строений и отбрасывало блики от ветрового стекла машины. Где-то промычала корова, я услышала звон цепи. И никакого ответа.

— Кристофер Джон! Вильям! — Затем, вспомнив, где я нахожусь: — Мистер Йеланд? Мистер Мэйсон? Есть здесь кто-нибудь?

Ответа так и не последовало, даже собака не залаяла.

Но он был здесь, я чувствовала это. Чувствовала еще до того, как подняла глаза и увидела в небе голубей, кружащихся над старым вязом, где жили их дикие собратья. Серые, белые, рыжие — стая из Тидворта снова была в небе! Солнце сверкало на белоснежных крыльях, точно на кристалликах снега. Он здесь. Он должен быть здесь. И если тетя Джэйлис была права, я должна его сейчас увидеть.

Джэйлис, влюбленная дура, возьми себя в руки!

Не нужно быть колдуньей, чтобы сообразить, что он здесь, — ведь его машина стоит у ворот. Значит, и он, и Вильям, и Рэг пошли куда-то с фермером. Мэйсон, наверное, там же. И в эту минуту, словно в ответ на мои мысли, издалека, со стороны заднего двора, донеслось блеяние овец, лай собаки и то ли свист, то ли оклик.

Я успокоилась и сделала то, что должна была сделать с самого начала, — подошла к двери дома и постучала.

Сначала я решила, что и здесь никого нет, но когда уже подняла руку, чтобы постучать во второй раз, дверь распахнулась. На пороге, вытирая руки о передник, стояла молодая девушка.

— Ох, мне показалось, я слышала, что кто-то кричал во дворе, но я была там, — она махнула рукой, — в задней части дома, стирала. Вы уже давно ждете?

— Нет, только что пришла. Вы миссис Йеланд?

— Нет, — улыбнулась она. На щеках показались ямочки. — Если вам нужна миссис Йеланд, то она ушла на ферму Тэггс убирать и пробудет там до обеда, наверное. Она ходит туда два раза в неделю. Но на обратном пути вы можете…

— На самом деле мне нужен мистер Мэйсон. Он ведь здесь работает?

— Да. Я не видела сегодня ни его, ни мистера Йеланда с самого завтрака. Они, должно быть, ушли на тридцатый акр и сгоняют скот.

— Сгоняют скот?

— Ну да. Собирают овец. Слышите? Но если вы подождете немного, они вернутся. Думаю, уже через полчаса они будут здесь. Хотите подождать в доме?

— Нет, спасибо большое. Можно, я подожду во дворе? Сегодня такой прекрасный день.

— Конечно же, если вам так удобно. Ну а мне пора к плите. До свидания. — И девушка поспешила в дом.

Я медленно пошла по двору. Голуби уже вернулись и снова клевали зерно вместе с курами. Я присмотрелась. Теперь это были окольцованные голуби. Когда я подошла еще ближе, они вспорхнули, но не стали улетать далеко, а уселись на крыше амбара и с беспокойством наблюдали за мной оттуда.

В стене амбара была небольшая дверь. Я заглянула внутрь. Прохладную темноту амбара пронизывали яркие солнечные лучи. Я забралась внутрь, решив, что здесь лучше, нежели во дворе на солнцепеке. В амбаре приятно пахло сеном — оно было сложено в другой части амбара чуть

не до самой крыши. Я посмотрела вверх. В амбаре было что-то вроде второго этажа, куда вела прочная деревянная лестница. Я поднялась по ней наверх и очутилась перед такой же небольшой дверью, выходящей на двор и дальше, на пастбища.

Вдалеке я увидела человеческие фигурки. Одна, самая маленькая, скорее всего была Вильямом. Рядом шли еще двое мужчин и гнали перед собой овец. Вокруг бегали три или четыре собаки. Но Кристофера Джона там не было. Даже на таком расстоянии я смогла бы…

Между нами почти не было никакого расстояния. Кристофер Джон стоял внизу, в каких-нибудь пятидесяти ярдах от меня, открывая машину. Вдруг его взгляд упал на мой велосипед. Кристофер Джон вздрогнул и быстро оглянулся.

Я уже открыла рот, чтобы позвать его, но не успела. Потому что, оглянувшись, Кристофер Джон сел в машину и умчался по направлению к Боскобелю быстрее, чем я успела оправиться от изумления.

Глава 24

Теперь я, конечно же, не могла заезжать в Боскобель. Однако, проезжая мимо ворот, я бросила быстрый взгляд на дом Кристофера Джона — машины во дворе не было. Я заметила только женщину, скорее всего миссис Йеланд, которая вносила в дом какую-то коробку. На пороге стоял большой мешок, похожий на те, в которых хранят зерно. Наверное, он привез с фермы какие-то припасы и сразу же уехал. Если бы он припарковал машину позади дома, то наверняка оставил бы все там или внес бы все в дом сам. Нет, все это похоже на то, как если бы он второпях оставил все припасы на пороге и уехал, боясь, что я загляну в Боскобель по дороге назад.

Можешь не беспокоиться, мрачно подумала я, сворачивая на боковую дорогу. Если мне дают понять, что не хотят меня видеть, я буду последним человеком на свете, если подойду и спрошу почему. В любом случае, присутствие миссис Йеланд не позволило бы мне заехать в Боскобель и спросить его, в чем дело. Даже когда — где-то через полмили! — я поняла, что он не видел, как

я наблюдаю за его бегством из Блэк Кокса. Но тем не менее решила, что в Боскобеле он проделал то же самое. Старые страхи и неуверенность снова всколыхнулись в моей душе и стали расти подобно черному грозовому облаку. Как это мне могло взбрести в голову, что мое чувство взаимно? Что такой человек, как он, захочет посмотреть в мою сторону? Но что же, лихорадочно думала я, что же могло так его обидеть, заставить испытывать ко мне такую неприязнь?

В глазах защипало. Я наклонила голову и поехала дальше, механически нажимая на педали и перебирая мысленно события вчерашнего дня — такого солнечного и счастливого! — когда я была уверена, что он меня любит. Неужели сила собственных чувств обманула меня? И напугала его? Нет-нет, забудь об этом, Джэйлис. Он — вежливый, обаятельный, добрый, и ты забыла о своей стеснительности. Может, оттого, что он много рассказывал о Вильяме и своей покойной жене, я увидела в его чувствах то, чего там никогда не было… Так забудь об этом. Он был добр к тебе как к товарищу Вильяма и просто одинокой соседке. И, наконец, последняя догадка просто сразила меня. Наверное, он привык к тому, какое впечатление он производит на женщин. Он почувствовал,

что это сработало со мной, и решил побыстрее ретироваться.

Ну что ж, я поступлю точно так же. Ничего другого мне не остается. Теперь его очередь проявлять инициативу. И если этого не случится, то так тому и быть.

Это неизбежное, в общем-то, решение немного привело в порядок мои мысли и вернуло в более или менее спокойное состояние. Первый раз за всю дорогу я подняла голову и огляделась. Н-да… погрузившись в мрачные мысли, я проехала ворота Торнихолда, даже не заметив их, и сейчас была уже возле моста через Арн, где мы сидели вчера с Кристофером Джоном, и светило солнце, и я была самой счастливой женщиной на свете.

Солнце светило и сегодня. Я прислонила велосипед к парапету моста, взяла из корзинки пакет с сандвичами и фруктами, уселась на парапет и, поддерживаемая новым ощущением гордого спокойствия и покорности судьбе, принялась за ланч.

Я предполагала, что несчастная любовь катастрофически влияет на аппетит, но, как выяснилось, это было не так — проголодавшись, я с удовольствием съела все сандвичи и фрукты. День был чудесный. Прекрасные осенние дере-

вья стояли, залитые солнечным светом. Везде цвели цветы, пели птицы. У ворот разрушенного аббатства я приметила яркий цветок аронника. Вчерашний сильно помялся на полу в автомобиле, поэтому я решила сорвать еще один. Я взяла велосипед, прислонила его к воротам, сорвала аронник и положила его в пустую корзинку. Нужно жить дальше и найти себе новое занятие. Я снова начну рисовать и займусь этим прямо сегодня.

Но потом я помрачнела. Меньше всего на свете после всех утренних передряг мне хотелось вести беседы с Агнес Трапп. А она скорее всего прибежит в Торнихолд, как только увидит, что я проезжаю мимо ее дома Нет, я лучше поеду другой дорогой и встречусь с ней, когда приду в себя.

А пока я оставила велосипед у ворот и направилась мимо высокой изгороди внутрь, к руинам старого аббатства.

Как и говорил мистер Ханнакер, смотреть здесь было особенно не на что. Аббатство не было выдающимся архитектурным памятником с величественным нефом и рядом высоких колонн, устремленных в голубое небо. Нет, это было довольно небольшое строение, от которого

уже почти ничего не осталось. Лишь одна чудом сохранившаяся арка чернела на фоне неба. Все прочие постройки были полностью разрушены — лишь в густой траве здесь и там попадались остатки старых стен, из которых местные жители брали камни для хозяйственных нужд. Более крупные камни из дверных арок, колонны и могильные плиты стояли у изгороди. Очевидно, поле вокруг руин собирались превратить в пастбище. Впрочем, было очевидно, что коровы паслись здесь и сейчас.

Я зашла внутрь старой церкви. Везде росла крапива. Трава была высокая, по углам особенно густая и пышная, но место посередине оставалось голым. Крупные осколки камней и обвалившаяся крыша были убраны для удобства животных. Сейчас здесь было очень тихо. Коров нигде не было видно, даже птицы перестали петь.

Я стояла в залитом солнцем нефе и оглядывалась вокруг. Надо мной возвышалась та единственная арка, которую было видно с дороги. Кое-где еще сохранилась каменная резьба. Кроме арки сохранились еще два массивных дверных косяка западной двери и небольшие колонны, идущие от южной и северной дверей в некогда крытую аркаду и внутренний двор. Некоторые

колонны сохранились целиком, но многие из них разрушились и были едва видны в высокой траве. И ничего больше, кроме разве что большого плоского камня у западной двери — мой отец сказал бы «во избежание воскрешения», — положенного когда-то на могилу знатного человека. Все было сейчас разрушено, потеряло свою прежнюю красоту и смысл. За остатками стен тянулись пустые поля. Даже солнечный свет не мог оживить это место. Оно было как будто специально создано для тьмы и смерти.

Так и есть. Теперь я узнала его. Конечно, во сне все было не совсем так, но все же очень похоже: могильные плиты, стоящие у изгороди, обломки церковных колонн. Чистое небо за развалинами западной стены. Плоский камень в траве. Ощущение запустения и заброшенности.

— Мисс Рэмси, глазам своим не верю!

Я обернулась.

Агнес Трапп поставила свой велосипед у противоположного столба ворот и, улыбаясь, пошла ко мне.

Увидев ее, я сразу забыла все свои прежние переживания. Я так много думала о предстоящем разговоре, так тщательно проигрывала в уме все детали, что даже удивилась в первый момент, по-

чему это Агнес, вместо того чтобы сразу перейти к делу, невинно спросила:

— Пришли посмотреть местные древности? Красиво, правда? — спросила она.

— Да. Вообще-то я зашла сюда за цветами. Вот те желтые, на стене. Они встречаются очень редко.

— Цветы? Но у вас так много цветов в саду!

— Это дикие цветы. Я хочу нарисовать их. Раньше я довольно много рисовала, но потом забросила и вот опять хочу начать снова. Агнес…

— Да?

Во время нашего разговора она осматривалась вокруг, но сейчас снова повернулась ко мне. В ее взгляде было столько самодовольства, что я невольно задумалась — случайна ли наша встреча, или индейские барабаны (Джессами? Вдова Марджет?) сообщили ей, где меня искать. Это была ее территория, а не надежный защищенный от злых сил Торнихолд, где я надеялась поговорить с Агнес начистоту. Я глубоко вздохнула, собирая остатки мужества. Сейчас или никогда. Я вышла из темного угла разрушенной церкви на открытое солнечное место и села на старое бревно. Не на холодный могильный камень, а на чистое старое дерево.

— Я надеялась увидеть вас сегодня. — Мой голос

звучал спокойно и дружелюбно. — Я даже заходила к вам, но Джессами сказал, что вы уехали в город. Хотела сказать вам, что нашла книгу.

— Нашли все-таки! — Она не просто обрадовалась. Она сияла от удовольствия. Было в ней что-то необычное этим утром, какая-то радость, веселость и внутренняя сила, которую я подмечала и раньше. Ну что ж, не я выбирала место для сегодняшнего разговора, но придется смириться.

— Да. И знаете, я была права. Тетя действительно дала ее на хранение, потому что, как мы и думали, это очень ценная книга. Поэтому, понимаете, я не могу разрешить кому бы то ни было выносить ее из дома до того, как ее ценность определит эксперт.

— Но она говорила, я могу взять ее! Она…

— Знаю. Разрешите мне закончить. Она сейчас у меня дома. Вы можете прийти и читать ее в Торнихолде, а также скопировать любые интересующие вас рецепты. Только вот…

— Что еще? — спросила Агнес, словно защищаясь.

— В книге нет рецепта ежевичного желе.

— Так вы ее читали? — резко спросила она.

— Не совсем. Только просмотрела, потому что вы сказали, что в ней есть рецепт особого еже-

вичного желе. Так вот, его там точно нет.

В ее глазах мелькнули веселые искорки. Она села на бревно на расстоянии ярда или двух от меня.

— Ах да, наверное, я видела его где-то в другом месте. Но в этой книге есть и другие рецепты, на которые мне хотелось бы взглянуть.

— Тогда хорошо. — Я погладила ровный ствол дерева. Его теплая поверхность каким-то образом вселяла в меня уверенность. — Пожалуйста, приходите в любое время, только предупредите заранее.

— Сегодня? После ужина?

— Как вам будет угодно. Скоро я поеду домой.

Пауза. Агнес смотрела на меня с любопытством, но без подозрения или вражды.

— Вы пришли сюда только за цветами? — спросила она.

Теперь была моя очередь.

— Да, и посмотреть на старую церковь. Однако теперь, когда я увидела ее, меня все это несколько удивило. Мне кажется, я бывала здесь раньше, хотя я точно знаю, что это не так.

Ее улыбка стала еще шире. Удовлетворенный кивок.

— Я так и думала, что вы это почувствуете.

— Но почему? Агнес, почему вы дали мне свои снадобья той ночью? Помните, пирог, который вы принесли мне на ужин?

Если она и удивилась, то не больше чем на мгновение. Затем она снова кивнула, на этот раз торжествующе.

— Я так и знала! Первый раз, когда я увидела вас, я сказала себе: «Она — что надо». Она будет одной из нас, дайте только время. И я была права. Никакого обмана, правда? Вы все знали!

— Не сразу. Но вскоре догадалась. Что же было в том пироге?

— Ничего вредного или опасного. Просто чтобы вы знали, что мы здесь и что мы ждем вас. Мы немного помолчали.

— Так вот о чем вы говорили, — наконец произнесла я, — когда обещали взять меня с собой на ваши встречи. Вы их здесь проводите, не так ли?

Теперь на ее лице явственно читались страх и благоговение.

— Так вы видели и это? — Она обвела руками аббатство. — Все это? Тогда, в первый раз, даже не поднимаясь с постели?

— Что-то очень похожее. — И медленно добавила: — И одного или двух людей, которых я неплохо знаю.

— Значит, у вас есть сила! Уже есть! Вы — одна из нас, мисс Джэйлис Рэмси!

«Ну нет. Вы просто дали мне какие-то галюциногенные снадобья, и мне всю ночь снились кошмары, похожие чем-то на эту старую церковь. И ничего больше».

Я уже открыла было рот, чтобы произнести это, но тут словно кто-то хлопнул меня мягкой ладошкой по губам. И вместо заготовленной фразы я произнесла совсем другое:

— Моя тетя тоже там была. Мисс Саксон. Это она помогла мне уйти. А на следующее утро прилетел голубь с запиской, в которой она желала мне счастья.

Теперь территория стала моей. Агнес побледнела.

— Но этого не может быть, мисс! Не может быть! Ее не было здесь, она мертва!

— Ну и что?

— Она никогда здесь не бывала. Она никогда бы не пришла сюда. — Она судорожно глотнула. — А всех голубей, я вам уже говорила, забрал Эдди Мэйсон.

— Ну и что? — Было у меня то, что Агнес называла «силой», или не было, надо это использовать. — Вы же не хотите сказать, что Эдди Мэйсон

послал мне эту записку? Приходите сегодня вечером в Торнихолд, и я покажу вам ее. Надеюсь, вам знаком почерк мисс Саксон?

Я уселась на бревне поудобнее.

— Скажите мне, пожалуйста, после той ночи мне показалось, что я видела вас с Джессами в своей спальне. А утром я обнаружила, что вы действительно могли попасть в дом через окно со сломанной щеколдой. Это так и было?

Она внимательно смотрела себе под ноги, затем кивнула.

— Мы не делали ничего дурного. Джессами влез через маленькое окошко и открыл мне дверь изнутри. Мы пришли посмотреть, как на вас подействовало лекарство, и только. В первый раз никогда нельзя быть уверенным.

Бабушка. Похоже на то.

— И вы закрыли окно.

— Да. Вы же летали тогда, верно?

Я не ответила, и она удовлетворенно кивнула.

— Мы потому и закрыли окно, чтобы вы не вздумали полететь на самом деле. Такие случаи бывали.

«Не бог весть какая ведьма». Бедная бабушка с передозировкой. Кажется, мне еще повезло. Я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно и

спокойно:

— Вы обыскивали дом, пока я спала?

— Нет, зачем? Я уже все обыскала до этого. — Она заколебалась, потом подняла на меня свои ярко-синие глаза. Вины в них не было. — Не буду говорить, что я не искала ключ. Но я его не нашла.

— От «кладовой»?

— Да.

— А суп, который я все-таки не стала есть?

— Не стали? — переспросила она меня, кажется, с одобрением. — Как вы догадались, что его не надо есть? Еще один голубок с запиской? — Судя по всему, к Агнес уже вернулось обычное расположение духа.

Я рассмеялась. Она этого явно не ожидала.

— Нет. Не в тот вечер, по крайней мере. — Чтобы не выдавать Джессами, я решила держаться полуправды. — Я не спала, когда услышала крик собаки, а потом увидела, что мимо дома пробежал Джессами. Она его укусила?

— Да. Не захотела брать еду, порвала веревку и укусила.

— Не надо, Агнес! — На этот раз я не стала скрывать свой гнев. — Я знаю, что произошло. Думаете, я ничего не вижу? Утром я отправилась в

большую усадьбу и нашла место, где вы держали пса. Когда я позвала его к себе, он пришел.

— Этот пес? Пришел? К вам?!

— Да, и он останется у меня жить. Где вы его взяли?

— Это бродячий пес. Ушел от цыган, наверное. — Голос ее звучал подавленно. Скорее всего она говорила правду. — Его бы все равно пристрелили. Бродячим собакам нечего делать около овец.

— Ладно. Но теперь он мой, и вы не тронете его и пальцем — ни вы, ни Джессами, слышите?

Она кивнула и провела ногой по земле.

— Она сильно искусала Джессами? Иногда собачьи укусы очень опасны.

— Ничего страшного. Я положила на рану траву и мазь, которую изготавливала ваша тетушка. Скоро заживет.

— Вы хотели посмотреть в книге рецепт этой мази?

Она взглянула куда-то вверх и вбок, и взгляд ее был очень хитрым. Потом слегка улыбнулась, на щеках показались ямочки.

— Нет, мисс.

— Тогда зачем?

— Там есть рецепт одного сердечного лекарства

из слив, и несколько рецептов сладостей, которые ваша тетя нередко делала для нашей бабушки. Она так любит все сладкое…

— Сладости?!

Боюсь, что в моем голосе прозвучало явное недоверие. Агнес кинула на меня быстрый взгляд, улыбнулась и вытащила из кармана маленькую деревянную коробочку, вроде тех, в которых на Рождество детям дарят конфеты.

Она открыла ее. Внутри на белой бумаге лежали маленькие квадратики домашних ирисок.

— Я много всего такого делаю, — продолжала Агнес, — не только для мамы, но и на все ярмарки и распродажи. Попробуйте. Сделано по моему собственному рецепту и получило первый приз на прошлогодней выставке в Арнсайде. Пожалуйста, мисс, попробуйте.

Попробуйте. Вот уж спасибо так спасибо!

Попробуйте вызвать на серьезный разговор колдунью, да где — на ее собственной территории! И завершите все мирными посиделками на бревнышке, жуя ириски. Попробуй-ка, с другой стороны, отказаться. Я беспомощно посмотрела на коробочку, затем на Агнес.

— Спасибо, но я не люблю сладкое… Они выглядят замечательно, однако…

Она весело рассмеялась.

— Вы думаете, что, если съедите конфетку, снова будете летать? Нет-нет, в них нет ничего дурного. Я сама съем, чтобы показать вам, что они безвредны.

Она взяла одну, положила в рот, разжевала и проглотила.

— Вот! — Агнес поднялась и вдруг стала серьезной. — Мисс Рэмси, извините, если я была в чем-то не права. У каждого свой путь, я в этом убедилась, когда встретилась с вашей тетей. Я знала, всегда знала, что она никогда не будет с нами, никогда не пойдет на наши встречи. Ладно. Но мы никогда никому не вредили. Просто несколько секретов — и все. Но когда я увидела вас, я подумала: она не похожа на свою тетю, она другая, нужно дать ей попробовать себя. Но ничего плохого я не сделала. Никому и никогда я не делала ничего плохого, за исключением собственной матери, да и то, если бы вы знали, какая она была раньше…

— Агнес…

— Нет, теперь вы дайте мне закончить. — Она покачала головой и так же серьезно продолжала: — Хорошо, вам не понравилось то, что Джессами учинил с собакой, но ведь вы знаете, что он не

очень умен и мог просто не сообразить, что к чему.

— А вы бы действительно утопили Ходжа?

Она удивленно посмотрела на меня:

— Утопила бы Ходжа?

— А вы разве не пытались? В колодце это бы у вас не получилось, потому что, после того как там утонула птичка, отверстие закрыли густой решеткой. Но что вы ему такого сделали, что он так вас ненавидит?

— Вы знаете! — почти с восторгом выкрикнула она. — Смотрите, даже это вы знаете! Но вы не правы насчет Ходжа. Я ему ничего не делала. Он был ее котом и после ее смерти ушел. С котом вообще трудно что-то сделать, а с этим котом — тем более. Ах, мисс Джэйлис, мисс Джэйлис, может быть, вы все-таки попробуете сходить со мной хотя бы один разок?

— Нет. Моим знаниям или умениям — называйте как хотите — место в Торнихолде, и мои животные будут жить со мной там же. И ничего такого, о чем вы говорите, даже близко там не будет.

Воцарилось молчание. Мы смотрели друг другу в глаза. Сердце мое колотилось, рука, лежащая на бревне, вспотела. Но взгляд опустила все-таки

Агнес.

— Ну что ж, — наконец сказала она, словно оставив всякую надежду. — Вы говорите искренне, и я вас понимаю. Хорошо. Обещаю: никакого вреда ни вам, ни вашим животным. — Она вытащила из коробочки еще одну конфетку, отправила ее в рот и протянула коробочку мне: — Попробуйте же конфеты, мисс, и мы закончим этот разговор. Еще раз прошу извинить меня за все неприятности, которые я вам доставила.

Ну что мне оставалось делать? Она съела уже две. Я взяла ириску и разжевала. Она была очень ароматная, с привкусом кофе.

Я поднялась с бревна.

— Ну что ж, я, пожалуй, пойду домой. Я очень рада, что мы поговорили начистоту, Агнес. Так я жду вас сегодня вечером?

— Не стоит, — ответила она. Теперь она стояла очень прямо, и глаза ее блестели прямо дьявольским блеском. Щеки порозовели — Агнес сейчас была очень красива. — Сейчас я поеду на Тэггс-фарм. Он называет ее Боскобель. Вчера, пока вы где-то миловались, я оставила у него дома эти конфеты и теперь еду смотреть, как они подействуют.

Я в недоумении смотрела на нее. Потом вспом-

нила только что проглоченную конфету, и меня чуть не стошнило.

— О чем вы говорите? — хриплым от ужаса голосом спросила я. Ее мерзкие снадобья… конфеты… посмотреть, как они подействуют… Папа никогда не ест сладкого, все всегда отдает мне… Вильям! О Боже! Слишком сильное, детям давать полдозы. — Что вы сделали?!

— Ничего, с чем ты теперь сможешь справиться! Теперь моя очередь! Я хотела подождать, пока не найду рецепт в той книге, но он так на тебя смотрел, что мне пришлось поторопиться. Это не единственное приворотное зелье, которое я знаю! Я сделала конфеты и отнесла их ему, и теперь, мисс Рэмси, ему не захочется смотреть ни на одну женщину, кроме меня. И, клянусь, он об этом не пожалеет!

Она убрала коробочку с конфетами в карман и расхохоталась мне в лицо. Я ничего не сказала. Я не знала, что сказать, поэтому стояла, как идиотка, разинув рот, и смотрела на нее. Она говорила еще что-то, но я уже не слышала ни слова.

То, что она мне рассказывала, было невероятно, чудовищно. Но зато все мои утренние опасения и тревоги рассеялись в пух и прах. Мои мысли наконец-то пришли в порядок. Кристофер Джон. Если

Агнес говорит мне правду, а по всей видимости, так оно и есть, то я не сказала и не сделала ничего такого, что заставило бы его отвернуться от меня. В нормальном, солнечном мире он любит меня и ясно дал это понять. А все, что случилось сегодня утром, произошло благодаря грязным снадобьям Агнес с ее черной магией. А как Агнес готовит колдовское зелье, я узнала на собственном опыте.

Но даже если ей удалось добиться такого результата, на что же тогда способна я, Джэйлис Вторая из Торнихолда!

Нет, мысленно оборвала я себя. Только не таким способом. Нет, я, как и тетя Джэйлис, уже отказалась от этого. Я почувствовала некоторую уверенность. В этом, настоящем, мире он любил меня. Чего же я испугалась? Он умный, здравомыслящий человек, он знает Агнес. Значит, все, что мне нужно сделать, — это рассказать о том, что произошло, и мы вместе что-нибудь придумаем.

Голос Агнес стал высоким, торжествующим:

— Да, можете оставаться здесь, мисс! Нам вы больше не нужны, ха-ха-ха! Вы отказались присоединиться к нам? Так смотрите же, какие силы нам подвластны! Ну все. Мне пора.

— Агнес! Вы в своем уме? Агнес, подождите,

послушайте…

Но я говорила в пустое пространство. Агнес уже была в воротах, схватила свой велосипед и помчалась по дороге. Когда я добежала до ворот, она была в целых пятидесяти ярдах от меня и продолжала яростно крутить педали. Через несколько секунд густая тень деревьев поглотила ее.

Я выкатила свой велосипед на дорогу и вскочила в седло. Клянусь, я не собиралась догонять ее, чтобы вцепиться ей в волосы, как какая-нибудь ведьма из сказки. Я волновалась за Вильяма. Перед глазами стоял образ улыбающейся старушки, без остановки качающейся в своем кресле. А в ушах эхом отдавались слова Кристофера Джона: «Не бог весть какая колдунья…»

Однако Агнес не оплошала и здесь. Сев в седло, я заметила, что оба колеса спущены. А насос — вот ведь неожиданность! — опять потерялся.

Рядом со мной затормозила машина.

— Что случилось? — спросил Кристофер Джон.

Глава 25

— Во имя всего святого, что случилось?!

Прежде чем я успела ответить, он выскочил из машины, и я очутилась в его объятиях. Велосипед с грохотом упал на землю. При всем желании я не могла ничего ответить сквозь поцелуй.

Прошла целая вечность, прежде чем я пришла в себя и услышала его голос:

— Моя дорогая девочка, моя милая, что случилось? На тебе лица нет. Что с тобой?

Я перевела дух и сказала нетвердым голосом:

— Ничего, со мной все в порядке. Кристофер Джон, где Вильям? Он вернется домой к ланчу?

— Нет, мне нужно было съездить в Сэйнт-Торн, и я оставил его на ферме у Йеландов. А в чем дело?

— Ты получал сегодня утром коробку ирисок?

Он удивленно взглянул на меня:

— Да. А откуда ты знаешь? И почему об этом спрашиваешь? Что в них особенного? — И через секунду: — О Боже. Агнес?

— Да. Ты говорил, то есть Вильям говорил, что ты никогда не ешь сладкого, и я подумала, что ты

отдал конфеты ему.

— Нет. Я отдал их Эдди Мэйсону. Он пасет овец в Блэк Коксе и все время жует конфеты, когда только может их достать. Ради Бога, что в них?

Остатки женской солидарности удержали меня от подробного рассказа. Я решила не раскрывать перед ним козни своего врага, который хотел заполучить его любой ценой, да так и не смог. (И уже никогда не сможет.) Кроме того, несмотря на свой последний отчаянный шаг, Агнес все же не была мне настоящим врагом. Стоя на дороге в объятиях Кристофера Джона, я наконец увидела все в смешном свете.

— Над чем ты так смеешься? Минуту назад мне показалось, что ты готова заплакать.

— Ничего особенного. Я счастлива. Что ты говоришь?

— Говорю, что люблю тебя. Но что такого опасного… и смешного в этих конфетах?

— Не знаю. Но что-то в них есть, она сама мне сказала. Агнес была здесь, и у нас вышла довольно глупая сцена, а потом она бросилась к велосипеду и помчалась к тебе «смотреть, как действует снадобье». Я хотела предупредить вас с Вильямом, потому что не доверяю ее рецептам, и вот что я обнаружила. — Я махнула рукой в

сторону валяющегося на дороге велосипеда.

— Да, вижу. Это она сделала, да? Это уже не смешно. Садись-ка быстрей в машину, поехали в Боскобель.

Сзади кто-то яростно засигналил. Мы невольно отпрянули друг от друга. Кристофер Джон оставил машину прямо посреди дороги, мотор еще работал. За ней, сигналя что было сил, стояло такси из Сэйнт-Торна.

Мистер Ханнакер, широко улыбаясь, выглянул в окно.

— Извини, парень, что испортил тебе все удовольствие, но у меня заказ, за который мне платят деньги… А, это вы, мисс! Очень приятно снова вас видеть.

— Здравствуйте, — слабым голосом ответила я.

— Хорошо устроились? Как идет знакомство с местным населением? — Он говорил серьезным голосом, но я не выдержала и рассмеялась.

— Как видите, неплохо. А вы еще боялись, что мне будет одиноко.

Водитель ухмыльнулся еще шире.

— Ну что ж, мисс. Поздравляю. До свидания.

Кристофер Джон убрал машину с середины дороги, такси протиснулось дальше, дважды просигналило «спасибо» и исчезло за поворотом.

Я спрятала велосипед за воротами и вскочила в машину. Мы ехали быстро, в столбе пыли, поднятом такси.

Проехали дом Агнес, потом поворот, еще один поворот, а дальше шла прямая и совершенно пустая дорога. Мы понеслись на полной скорости.

— Ее нигде не видно, — сказал Кристофер Джон.

— Агнес свернула на лесную дорогу, она немного короче. Как ты думаешь, она попадет в Боскобель раньше нас?

— По той дороге? Никаких шансов. А почему такая спешка?

— Можно, наверное, и не спешить. Я просто волнуюсь за Вильяма. Если мистер Мэйсон дал ему этих конфет…

Кристофер Джон вдавил педаль газа в пол. Через несколько секунд он задумчиво сказал:

— А ведь коробка была адресована мне. Она не сказала почему? И никакого намека на то, что в конфетах?

— Нет. — По крайней мере, ответ на последний вопрос был правдивым. — Но она… кажется, она снова экспериментирует со своей дурацкой черной магией и делает при этом ошибки. Ты это знаешь, ты сам мне рассказывал. И еще. Однажды

она опробовала свои магические зелья и на мне, и из того, что она сейчас сказала, я поняла, что она не была уверена в результате. Агнес считает, что конфеты безвредны, но ведь Вильям — ребенок, и то, что безвредно для взрослого, может оказаться опасным для него.

— Да. Смотри, мы почти приехали.

Машина резко повернула и быстро поехала по боковой дороге, вьющейся между изгородей, и наконец выбралась на прямую дорогу, ведущую прямо к букам и березам Боскобеля. Въехав на вершину холма, мы увидели Агнес. Она неслась с сумасшедшей скоростью по дороге, ведущей от каменоломни к ферме. Лицо ее раскраснелось, юбка вздымалась сзади, как колокол. Она что было сил крутила педали, низко наклонясь к рулю. Увидев ее, я чуть не рассмеялась снова — из зловещей колдуньи Агнес превратилась в комедийный персонаж. Хорошо, что ее внимание было поглощено внезапным препятствием, возникшим на ее пути, и она не видела Кристофера Джона.

Все сто шестьдесят четыре овцы Йеландов запрудили дорогу и бессмысленно толкались, блеяли, порываясь идти сразу во все стороны. Они в мгновение ока окружили велосипед. Длин-

ная шерсть одной из овец запуталась в педали, овца дернулась и принялась жалобно блеять. Ей вторило все стадо. Вокруг овец бегали два колли, не давая им разбрестись окончательно.

Агнес что-то кричала, но ее голос тонул в общем шуме. Наверное, только землетрясение могло перекрыть этот душераздирающий овечий концерт. Но она обращалась не к нам. Широкоплечий, высокий, стоящий по пояс в овцах мужчина с посохом, не отрываясь, смотрел на Агнес, будто видел ее в первый раз. Он жевал. Агнес уронила велосипед, который тут же исчез под живым потоком овец. Эдди Мэйсон отбросил посох и решительным шагом двинулся к Агнес.

— О Боже, — дрожащим голосом сказала я. — Сработало. В самом деле сработало! А ведь она тоже их ела!

— Что? — повернулся ко мне Кристофер Джон. — Что ты сказала? Я ничего не слышу в этом шуме.

Я улыбнулась. Он наклонился ко мне. Солнце сияло в его волосах, в которых уже начала пробиваться седина. В уголках глаз появились морщинки, и эти маленькие ямочки под скулами… я никогда не видела никого, кто бы… никогда не чувствовала… Кроме него, мне не нужен никто

на свете…

— Ничего, — сказала я. — Кажется, я ошиблась насчет этих конфет. Они совершенно безвредны.

Я до сих пор думаю, что бы случилось, если бы на эту дорогу прямо на Кристофера Джона выехало такси.

Комедия окончилась нежной пасторалью. Овцы пошли дальше, в сторону от фермы. Агнес и мистер Мэйсон медленно шли за ними, о чем-то разговаривая. Никто из них не оглянулся. Когда машина въезжала в ворота, я увидела, что рука пастуха легла на плечо Агнес.

Кристофер Джон затормозил, и я выбралась из машины, чтобы открыть калитку. Когда машина проезжала по двору, из дверей выскочил Вильям. Меня он не заметил и помчался прямо к машине.

— Папа! Папа! Голубь, которого ты сегодня принес…

Кристофер Джон вышел из машины и обнял сына.

— Погоди-ка. Эдди Мэйсон угощал тебя ирисками, которые я дал ему сегодня утром?

— Нет. Вот жадюга! А почему ты спрашиваешь? Но папа, послушай же! Миссис Йеланд оставила коробку с голубем в кабинете, а Рэг поломал ее,

и голубь улетел. Он уже, наверное, у Джили, а ты так и не прикрепил записку.

Вдруг из-за дома выскочил Рэг, увидел меня и бросился лизаться. Вильям обернулся на шум, увидел меня и испуганно прикрыл рот рукой.

Кристофер Джон потрепал сына по голове.

— Все в порядке, малыш. Ты же знаешь — она колдунья и ей все про нас известно.

— Правда?! — широко открыв глаза от удивления, спросил мальчик.

— Почти, — улыбнулась я. — Но мне хотелось бы увидеть эту записку. Можно?

Ни слова ни говоря, Кристофер Джон достал из нагрудного кармана маленький, сложенный пополам листочек бумаги и протянул его мне. Как и первая записка, эта была написана рукой моей тети.

«Любовь можно предсказать, и длится она без конца. Прощайте, мои дорогие».

Прошло несколько секунд, прежде чем я подняла глаза.

— Ты знал, что здесь говорится, да?

— Конечно. Она показала мне обе записки, перед тем как отдала их мне, и рассказала, когда именно посылать. Она так благословила тебя. Нет, нас. — Он заметил мое удивление и кивнул:

— Да, она все знала заранее и утешала меня, когда я горевал по Сесилии. Она сказала, что счастье снова придет к нам с Вильямом. И придет оно из Торнихолда. Так оно и случилось.

Рэг попытался лизнуть Кристофера Джона в щеку, но Вильям обхватил собаку и прижал к себе. Все трое стояли в солнечном свете, радостные, смеющиеся. Естественно, улыбка Рэга была шире, чем у всех.

Глядя на них, невозможно было поверить в свое счастье, но бумажка в моей руке лишний раз доказывала это. Сказка и волшебство тоже стали частью моего «нормального мира». Наверное, тетя Джэйлис знала все уже тогда, на берегу Идэна, знала, что ее смерть окажется тесно связанной с моим вторым рождением. Что я, как и то робкое создание из пруда, должна выбраться наверх, к солнцу. А то, что я увидела в хрустальном шаре голубей, подтолкнуло ее к мысли использовать их для знакомства меня с Кристофером Джоном. Ведь сказочная крестная — всегда волшебница. И опять же, как в сказке, меня оставили одну в замке посреди заколдованного леса, чтобы я сама нашла дорогу и преодолела все опасности.

Кристофер Джон говорил что-то о том, что случилось сегодня утром в Блэк Коксе.

— Я попросил Эдди Мэйсона принести мне еще одного голубя из Торнихолда. Он принес мне его на ферму, и когда я уже поставил коробку в машину, я вдруг увидел твой велосипед. Эта птица в коробке так шумела, что я решил сначала отвезти ее домой. Потом мне нужно было съездить в Сэйнт-Торн за посылкой. Надеюсь, ты не видела мое позорное бегство?

Я покачала головой, потому что все еще не могла говорить.

— В любом случае, я собирался поехать вечером в Торнихолд, — сказал он, — и потом послать вторую записку. Ее благословение… Я только боялся, что слишком много себе позволяю, что все произошло так быстро… Поэтому я решил поехать к тебе и все выяснить на месте.

Быстро? Мне казалось, что он чуть не опоздал. Все еще смущаясь, я спросила:

— Вторую записку? Но ведь она оставила всего две. А вместе с сегодняшней их получается три. Откуда же еще одна?

Он опять улыбнулся своей замечательной улыбкой.

— Благословение непонятно откуда. Ты сама так сказала.

Свободной рукой Кристофер Джон обнял меня

и притянул к себе. С другой стороны к нему прижимались Вильям и Рэг.

— Когда Вильям в тот день прибежал домой и стал рассказывать мне о тебе, и потом, когда я сам встретил тебя, говорил с тобой… я сразу понял: мисс Саксон была абсолютно права, когда уверяла, что меня ждет счастье. Но не мог же я позволить ей сделать все самой!

Я засмеялась и поцеловала его в щеку.

— Ну и Вильям, конечно, приложил к этому руку. Ты же знаешь, я на все готова, лишь бы он со своими зверюшками поселился у меня.

— На это я тоже рассчитывал, — ответил Кристофер Джон.

На этом история и заканчивается.

Мы все еще живем в Торнихолде, хотя наши дети — Вильям и две девочки — уже давно уехали. Впрочем, они со своими семьями живут неподалеку, поэтому мы видимся очень часто.

Агнес вскоре вышла замуж за Эдди Мэйсона и уехала в Тидворт. Индейские барабаны передали, что она живет счастливо со своим мужем и ведет успешную борьбу с вдовой Марджет. В любом случае, в нашей жизни она больше не появлялась, став далекой и приятной соседкой. Бабушка умерла вскоре после ее отъезда. Умер-

ла спокойно, во сне, со счастливой улыбкой на губах. К всеобщему удивлению, Джессами Трапп скоро женился на красивой приятной девушке, и она вскоре сделала из него вполне разумного человека. Они родили троих детей — замечательно здоровых и симпатичных грязнуль, которые всегда радостно играют у ворот Торнихолда.

Итак, история о колдовстве окончилась комедией, и все ночные страхи, как это обычно и бывает, растворились в свете нового дня. Единственная причина, по которой я решилась все это написать, — фраза моего внука, которую он сказал своей сестренке: «Знаешь, мне кажется, наша бабушка могла бы стать колдуньей, если бы захотела».